

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2024

Том 24

Выпуск 2



IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY



Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004



Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Бурьян В. В.** «Тонкие» объекты Эйстейна Линнебо: проблема референции 122
- Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б.** Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена» 128
- Гришечкина Н. В., Устьянцев В. Б.** Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса 133
- Крайнов А. Л.** Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе 137
- Музалевская Ю. Е.** Изменение эстетических идеалов под воздействием феномена культа молодости 1920-х годов 142
- Муратов А. В.** Интеграция исламских философско-правовых аспектов в парадигму социально-экономического развития России 147
- Мякинников С. П.** Методология гармонической конвергенции для мировоззрения универсализма 152
- Напсо М. Д.** Эскапизм как предмет философской рефлексии 157
- Нартова М. А.** Проблема критериев приемлемости в биомедицинском эксперименте: философско-методологический анализ 162
- Салов П. Ю.** Личностный и социальный идеал согласно Поучениям преподобного Аввы Дорофея 167
- Серегина Е. С.** Аксиологические проблемы образования в современной науке 172
- Скрябина Е. В.** Проблема деидеологизации: социально-ценностные аспекты (на примере современной молодежной среды) 176
- Фаритов В. Т.** Воля к власти в этногенезе: ницшеанские мотивы евразийской антропологии 180

Психология

- Белых Т. В.** Внутренняя конфликтность личности и ее связь с показателями сформированности профессионального «Я» в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей 186
- Лазунина Е. А., Зинченко Е. М.** Паттерны окулomotorной активности при восприятии различных направлений живописи: айттрекинг исследование 192
- Фролова С. В.** Конструктивное поведение в ситуации межличностного конфликта: сущностные свойства, функциональная структура и значимые индикаторы 201
- Шамионов Р. М.** Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах 211

Педагогика

- Авдошин В. В.** Исторические этапы становления и развития системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов 219
- Воронина Д. К.** О роли речевых образцов в обучении профессионально ориентированному иностранному языку 225
- Морозова А. Л.** CLIL-подход в обучении ESP практикующих юристов в рамках реализации курса повышения квалификации (опыт Финуниверситета) 230
- Савельева О. Е.** Методы преодоления как новая парадигма процессов коррекции поведения и личных качеств школьников 236

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.06.2024

Подписано в свет 28.06.2024

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 60-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ**

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

– направление от организации;
– текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

Burian V. V. Øystein Linnebo's "Thin" objects: The problem of reference 122

Grishechkina N. V., Tikhonova S. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity in the problematic field of social philosophy: "An exchange zone" vs a "socio-epistemic arena" 128

Grishechkina N. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus 133

Kraynov A. L. Digital identity as a condition of human existence in a digital society 137

Muzalevskaya Yu. E. Changing aesthetic ideals under the influence of the phenomenon of the cult of youth in the 1920s 142

Muratov A. V. Integration of Islamic philosophical and legal aspects into the paradigm of social and economic development of Russia 147

Myakinnikov S. P. The methodology of harmonic convergence for the worldview of universalism 152

Napso M. D. Escapism as a subject of philosophical reflection 157

Nartova M. A. The problem of eligibility criteria in biomedical experiment: Philosophical and methodological analysis 162

Salov P. Yu. A personal and social ideal according to the Teachings of St. Abba Dorotheus 167

Seregina E. S. Axiological problems of education in modern science 172

Skryabina E. V. The problem of deideologization: The social and value aspects (on the example of the modern youth environment) 176

Faritov V. T. The will to power in ethnogenesis: Nietzschean motives of Eurasian anthropology 180

Psychology

Belykh T. V. Internal conflict of personality and its connection with indicators of the formation of the professional self in the structure of individuality among students of psychological specialties 186

Lazunina E. A., Zinchenko E. M. Patterns of oculomotor activity during the perception of different art movements: Eye tracking study 192

Frolova S. V. Constructive behavior in an interpersonal conflict situation: Innate characteristics, functional structure and meaningful indicators 201

Shamionov R. M. The structure and factors of academic adjustment of foreign students in Russian universities 211

Pedagogy

Avdoshin V. V. Historical stages of formation and development of the system of education of the commander's will in military universities' cadets 219

Voronina D. K. The role of speech patterns in professional oriented foreign language teaching 225

Morozova A. L. CLIL-approach to ESP training of practicing lawyers as part of the implementation of advanced training courses (experience of Financial University) 230

Saveleva O. E. Coping methods as a new paradigm for the processes of influencing the behavior and personal traits of schoolchildren 236



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат филос. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY"**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

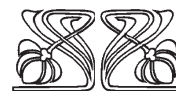
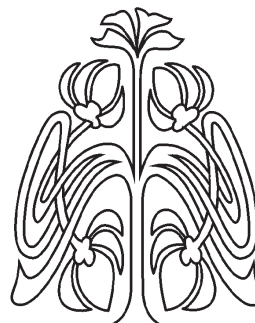
Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Ekaterina A. Antipova (Saratov, Russia)

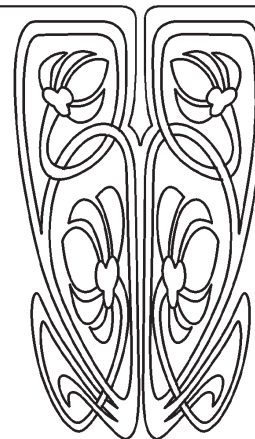
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**





ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 122–127

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 122–127
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-122-127>

EDN: JXQZLL

Научная статья
УДК 11(481)+929Линнебо

«Тонкие» объекты Эйстейна Линнебо: проблема референции

В. В. Бурьян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Бурьян Вероника Валерьевна, аспирант кафедры истории зарубежной философии, burian.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0809-450X>

Аннотация. Во *введении* формулируется проблема абстрактных объектов для философии математики, эпистемологии и метафизики. Особое внимание уделяется проблеме референции. *Теоретический анализ.* Рассматриваются предложенная Линнебо концепция абстрактных объектов как «тонких», т. е. не предъявляющих существенных требований к миру; критерии тождества как особому инструменту введения в дискурс абстрактных объектов. Линнебо трактует принципы абстракции как особую разновидность критериев тождества. Они позволяют зафиксировать референцию и убедиться в ее успешности. Приводятся метасемантические аргументы, которые использует Линнебо для обоснования предпочтительности реалистической интерпретации семантики единичных терминов; приводится критика предложенного Линнебо механизма референциального доступа к абстрактным «тонким» объектам. Как представляется, метасемантических ограничений, предложенных Линнебо, недостаточно для того, чтобы детерминировать уникальность референта. Нужен дополнительный принцип. В качестве такового можно рассмотреть «референциальный магнетизм» Льюиса, но он угрожает концепции «тонких» объектов. В *заключении* обозначены сильные стороны проекта Линнебо. Его интерпретация лучше отражает то, как мы в действительности используем язык. Отмечается важность тезисов и идей Линнебо для современной философии.

Ключевые слова: Линнебо, абстрактные объекты, «тонкие» объекты, критерии тождества, принципы абстракции, Фреге, неофрегеанство, абстракционизм

Для цитирования: Бурьян В. В. «Тонкие» объекты Эйстейна Линнебо: проблема референции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 122–127. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-122-127>, EDN: JXQZLL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

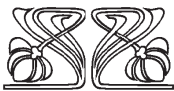
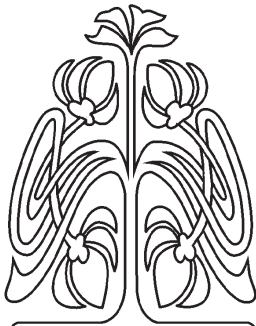
Øystein Linnebo's "Thin" objects: The problem of reference

V. V. Burian

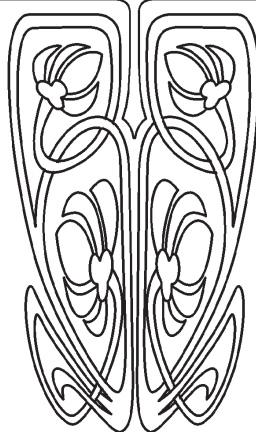
Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Veronika V. Burian, burian.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0809-450X>

Abstract. Introduction. The introduction formulates the problem of abstract objects for the philosophy of mathematics, epistemology, and metaphysics. Special attention is paid to the



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





problem of reference. **Theoretical analysis.** The first section examines Linnebo's proposed concept of abstract objects as "thin" i.e., not imposing substantial demands on the world. The second section is devoted to the criteria of identity as a special tool for introducing abstract objects into discourse. Linnebo interprets abstraction principles as a particular kind of identity criteria. They allow fixing reference and ensuring its success. The third section presents metasemantic arguments used by Linnebo to justify the preference for a realistic interpretation of the semantics of singular terms. The fourth section criticizes Linnebo's proposed mechanism of referential access to abstract "thin" objects. In our view, the metasemantic constraints proposed by Linnebo are insufficient to determine the uniqueness of the referent. An additional principle is necessary. Lewis's "referential magnetism" can be considered as such, but it threatens the concept of "thin" objects. **Conclusion.** In conclusion, the strengths of Linnebo's project are acknowledged. His interpretation better reflects how we actually use language. The importance of Linnebo's theses and ideas for contemporary philosophy is noted.

Keywords: Linnebo, abstract objects, "thin" objects, criteria of identity, abstraction principles, Frege, neo-Fregeanism, abstractionism

For citation: Burian V. V. Øystein Linnebo's "Thin" objects: The problem of reference. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 122–127 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-122-127>, EDN: JXQZLL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Норвежский философ Эйстейн Линнебо – один из ведущих современных аналитических философов математики. В область его интересов входят также метафизика и философия языка. В книге «Thin objects: an abstractionist account» («Тонкие объекты: абстракционистский подход») Линнебо предложил оригинальный взгляд на проблему абстрактных объектов в онтологии и философии языка. Проблема заключается в следующем. Абстрактные объекты находятся вне пространства и времени, не состоят в причинно-следственных отношениях с чем-либо. При этом они объективны, т. е. не являются всего лишь фантазией. К примерам абстрактных объектов можно отнести числа, геометрические фигуры, буквы, множества. Некоторые аналитические философы, например Н. Гудмен и У. В. О. Куайн, были крайне враждебно настроены к принятию абстрактных объектов в онтологию. «Любую систему, которая санкционирует абстрактные объекты, мы считаем неудовлетворительной в качестве завершённой философии» [1, с. 289]. Дело в том, что поскольку абстрактные объекты никак не воздействуют на органы чувств, не вступают ни в какие каузальные взаимодействия, мы не можем рассчитывать на эмпирическое знание о них. Следовательно, у нас нет достаточных эпистемологических оснований считать, что они действительно существуют.

Линнебо относится к философам, которые считают, что мы должны пересмотреть доминирующее представление об объектах и критериях их существования. При определенных условиях можно включать в онтологию бесконечно много абстрактных объектов. Это не вызовет никаких проблем, так как эти объекты «тонкие». Для них не требуется пространственно-временная локализация. Признание существования абстрактных объектов позволяет избежать ловушки психо-

логизма – представления о числах как о всего лишь вымышленных человеком. Дискурс математики оказывается не пустым. То, что говорят математики, их теоремы истинны не только в том смысле, что формально непротиворечивы и последовательны, но и в том, что описывают подлинно существующие в мире объекты и их свойства.

В данной статье рассматривается предложенный Линнебо механизм референции к абстрактным объектам. Референция – это отношение между языковым выражением и объектом, который оно репрезентирует. Но если мы укажем пальцем на написанную на бумаге цифру, мы укажем на один из множества существующих и возможных токенов, но не на тип. Различие типа и токена ввел Ч. С. Пирс. Тип уникален и абстрактен, токен – это конкретная партикулярия, являющаяся экземпляром некоторого типа. Например, набор букв «А, а, А» представляет собой три токена одного типа.

Линнебо считает, что у нас есть достаточно оснований, чтобы считать, что термины, обозначающие абстрактные объекты, реферируют. Основные проблемы, которые, как правило, возникают на семантическом уровне, Линнебо перенаправляет на метасемантический, т. е. на уровень установления референции. Однако, как представляется, это не помогает окончательно справиться с проблемой. Объекты референции остаются недостаточно детерминированными.

Теоретический анализ

1. *Что значит быть «тонким» объектом?* Метаонтологическая программа Линнебо является разновидностью абстракционизма. Понятие «метаонтология» ввел американский философ Питер Ван Инваген. Метаонтология – это раздел философии, занимающийся прояснением базовых понятий онтологии. Разрабатываемые



Линнебо определения таких понятий, как объект, критерий существования, позволяют допустить вместе с конкретными объектами существование абстрактных объектов. Некоторых абстрактных объектов, например чисел, может быть бесконечно много. Для философов, руководствующихся таким принципом, как Бритва Оккама, подобная богатая онтология неприемлема, но Линнебо полагает, что она вполне допустима. Ведь, с точки зрения метаонтологии, он остается «минималистом» [2, с. 5]. Это означает, что, хотя некоторых объектов бесконечное количество, они являются «тонкими», т. е. объектами, не предъявляющими «существенных требований к миру» [2, с. 4]. Для их существования не требуется пространственно-временная локализация. Так как они достаются нам дешево (считай даром), они не увеличивают общую «стоимость» онтологии.

Линнебо разделяет (нео)фрегеанское определение объекта. Объект – это «возможный референт единичного термина» [2, с. 23]. Хотя он не разделяет тезис синтаксического приоритета, как Хейл и Райт, понятия «объект» и «отношение референции» тесно связаны. Подробнее тезис синтаксического приоритета описан В. Целищевым [3]. Линнебо критикует теории референции, согласно которым необходима возможность непосредственного взаимодействия с объектом, например, с помощью ощущений и возможности указания. Для референции достаточно наличия подходящего критерия тождества.

Критерий тождества, с метафизической точки зрения, служит инструментом, позволяющим индивидуировать тот или иной объект [4, с. 993]. В случае, когда объект удовлетворяет критерию, можно сказать, что он является отдельным самостоятельно существующим предметом. С эпистемологической точки зрения, критерий тождества выступает инструментом, позволяющим получить познавательный доступ к объектам. Можно выделять объект для познания, определить его как тождественный в различные моменты времени, отличать один объект от другого. Линнебо предпочитает метасемантическую трактовку. Критерий тождества позволяет определить, как устанавливается и сохраняется некоторое конкретное отношение референции.

Итак, можно допустить абстрактные объекты в онтологию, так как они нетребовательны. Референция достигается с помощью критерия тождества. Поскольку объект – это возможный референт единичного термина, для существо-

вания и принадлежности к категории объекта достаточно установить факт успешности референции термина. Как особый случай критерия тождества Линнебо рассматривает принципы абстракции.

2. *Принципы абстракции как критерии тождества.* Для того чтобы ответить на вопрос, что такое число, Фреге в первую очередь решил разобраться с тем, что обозначают числовые понятия. Искать значение отдельного слова самого по себе неверно. В §62 «Основных положений арифметики» Фреге формулирует *принцип контекстуальности*: «Каким образом нам может быть дано число, если мы не в состоянии обладать его представлением или созерцанием? Слова обозначают нечто только в контексте предложения. Стало быть, все идет к тому, чтобы объяснить смысл предложения, в которое входит числительное» [5, с. 43]. Чтобы понять, что такое число, нужно найти подходящее более длинное выражение, в котором есть термин, обозначающий число. Таким образом, мы меняем сложную задачу определения значения единичного термина на задачу определения смысла целого предложения.

Когда речь идет об объектах, необходимо, в первую очередь раскрыть смысл предложений тождества, таких, например, как «число a = числу b », «направление a = направлению b ». Ведь, как уже говорилось, наличие критерия тождества важно для объектов. Для того чтобы понять смысл этих выражений, содержащих абстрактные объекты, недоступные для непосредственного восприятия, нужно *ревоспроизвести* смысл этого предложения, но используя только известные доступные объекты и уже понятные отношения между ними.

В качестве подходящего контекста для определения чисел и некоторых других абстрактных объектов Фреге выбирает *принципы абстракции*, служащие особым инструментом, позволяющим ввести в лексикон числовые термины, а также такие термины, как например, направление. Общий вид таких принципов:

$$\S\alpha = \S\beta \leftrightarrow \alpha \sim \beta,$$

где α и β – переменные некоторого вида, \S – оператор, который, будучи примененным к переменным, образует новый единичный термин, \sim – отношение эквивалентности между объектами α и β .

Рассмотрим, как это работает на примере принципа абстракции для направлений, который предложил Фреге:

$$d(a) = d(b) \leftrightarrow a//b.$$



Неформально это выражение можно прочесть следующим образом: направление линии *a* тождественно направлению линии *b*, если и только если линия *a* параллельна линии *b*. *d* – оператор, образующий термин «направление». Отношение эквивалентности \sim в данном случае параллельность, обозначена символом //.

Для введения понятия «число» Фреге использовал принцип абстракции, который позволяет переформулировать высказывание о тождестве чисел как высказывание об отношении взаимно однозначного соответствия двух понятий.

Линнебо трактует принципы абстракции как инструмент расширения языка. В правой части выражения (принципа абстракции) единичные термины ссылаются только на приемлемые, с номиналистической точки зрения, сущности. Только они входят в домен квантификации. В левой части формируется «новый» язык с терминами, реферирующими к новым объектам и квантификацией по новым сущностям, которых не было в «старой» онтологии. Приемлемые сущности – это токены, новые – это типы. Рациональный агент может осуществлять перевод, сопоставляя выражениям «нового» языка эквивалентные выражения «старого». Благодаря такому переводу все выражения с неизвестным понятием могут получить истинностные значения. Согласно обобщенному принципу контекстуальности, на который ориентируется Линнебо, этого достаточно для того, чтобы термин нового языка реферировал. Таким образом, с помощью принципа контекстуальности и ревоспроизведения значения выражений тождества без использования абстрактных понятий можно объяснить значение (смысл и истинностное значение) всего выражения без владения значением одной из частей.

Линнебо в отличие, например от Хейла и Райта, трактует принципы абстракции как «асимметричные» [2, с. 18]. У правой части есть объяснительный приоритет. Эпистемологический доступ к объектам и отношениям правой части относительно прост. Объекты обладают большей онтологической полнотой. Они «толстые», так как требуют для своего существования определенный отрезок пространства и времени. Объекты из правой части служат спецификациями для объектов левой. Поэтому новые объекты фундированы в старых.

Члены сообщества, использующие язык, должны уметь различать два токена как эквивалентные и знать, что они подходят для спецификации этого типа, например, различать две линии и видеть, когда они находятся в отноше-

нии эквивалентности. Говорящий должен уметь определять, в каком случае, корректно указав на линию *a*, сказать, что ее направление тождественно направлению линии *b*. Это довольно простая когнитивная операция. Однако стоит подчеркнуть, что подобное дает только условия корректности высказывания, которые устанавливаются и поддерживаются всем сообществом. Это уровень метасемантического анализа. Принцип абстракции, будучи разновидностью критерия тождества, позволяет установить разделяемый членами сообщества критерий корректности использования абстрактного термина. Корректного использования достаточно для успеха референции. К тому же в ходе овладения критерием тождества, член сообщества получает объяснение нового термина.

3. *Референция единичных терминов.* Как уже указывалось, у нас есть достаточно оснований считать, что новые термины реферируют, так как для всех предложений, содержащих их в составе, можно установить истинностные значения благодаря переводу. Но мы объяснили смысл всего выражения без упоминания нового термина. Как гласит другой важный, приписываемый Фреге, принцип – принцип композициональности – смысл выражения складывается из смыслов его составных частей. Как можно обладать значением предложения, не зная частей?

На данном этапе имеются две возможные семантические интерпретации нового языка: 1) абстрактные термины действительно ссылаются на типы; 2) абстрактные термины, «семантические бездельники». Используя их, мы говорим о конкретных объектах, с помощью которых они абстрагированы.

Линнебо предпочитает первый вариант. Необходимо интерпретировать семантику так, чтобы отразить намерения говорящего, его интенцию относительно истинности высказывания. Однако в данном случае реалистическая интерпретация, дающая возможность решить вопрос с композициональностью. Принцип контекстуальности позволяет *объяснить* смысл всего выражения, его *достаточно* для того, чтобы части этого выражения имели референты. Принцип композициональности в свою очередь *детерминирует* референт [2, с. 121]. Таким образом, абстрактные единичные термины семантически активны. Детерминируя референт, они участвуют в определении истинностного значения выражения.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что Линнебо полагает, что нам следует *предпочесть*



реалистическую интерпретацию. «Стабильность при семантическом анализе – это все, на что мы можем разумно надеяться» (пер. мой. – В. Б.) [2, с. 150]. В случае корректности сообщество «как будто» действительно ссылается на объекты. На уровне семантики интерпретации языка Линнебо абстрактные единичные термины, по его мнению, реферируют к объектам. Однако на метасемантическом уровне он редуционист, так как референция абстрактных терминов редуцируется к фактам о других объектах и отношениях между ними. Референция устанавливается и сохраняется в силу некоторых социальных и психологических фактов, которые не относятся к семантическим.

4. *Критика подхода Линнебо.* Проанализировав, как работает механизм референции к абстрактным «тонким» объектам согласно Линнебо, укажем на некоторые критические, с нашей точки зрения, моменты. Итак, Линнебо утверждает, что с помощью принципа абстракции можно удостовериться, что абстрактные понятия реферируют. Если они реферируют, то значит существует объект референции. Ведь так определено определение объекта, которое использует Линнебо. Но, как представляется, фактов, связанных с использованием критерия тождества, недостаточно для того, чтобы удостовериться в существовании уникального референта. Эту проблему Линнебо переносит на метасемантический уровень. Само по себе отношение референции просто, но оно регулируется рядом сложных метасемантических принципов, которые должны создать условия корректности высказывания выражения и его интерпретации в сообществе. Линнебо приводит пример с отношением между клиентом и банковским счетом. Для того чтобы оно устанавливалось и сохранялось, нужен целый комплекс развитых банковских институций. Как возможны случаи мошенничества при открытии счета, так возможны и проблемы с установлением референции.

Думается, метасемантических фактов недостаточно, чтобы обеспечить уникальность объекта референции. Допустим, можно согласиться с Линнебо в том, что единичные термины, обозначающие абстрактные объекты, реферируют. Однако принцип абстракции не позволяет исключить возможность того, что референт у термина не один. Например, цвет объекта a = цвету объекта b , в случае если между ними есть соответствующее отношение эквивалентности цвета. Но одно сообщество считает, что это обыч-

ный зеленый, а другое – что это цвет, который сейчас воспринимается как зеленый, но потом он станет голубым, поэтому на самом деле мы абстрагируем зелубой. Среди предложенных Линнебо метасемантических ограничений на семантическую интерпретацию нет таких, которые позволяют уверенно выбрать между двумя вариантами интерпретации. Можно было бы задействовать, предложенный Льюисом, «референциальный магнетизм» или «не-эгалитаризм» [6]. Зеленый – более приемлемый референт, так как он более натуральный, но это разрушило бы концепцию «тонких» объектов, ведь тогда были бы дополнительные требования к миру, это «утяжелило» бы объекты.

Мы также не уверены, что компетентный член сообщества действительно достигает понимания референта. Он может корректно использовать термин во всех случаях, усвоив все принятые в сообществе правила, как в мысленном эксперименте «Китайская комната», но будет ли он действительно понимать, о чем говорит?

Заключение

Предложенная Линнебо интерпретация интересна тем, что позволяет реалистически интерпретировать дискурсы таких областей, как например, математика и лингвистика. Хотя философы-номиналисты утверждают, что реализм неправдоподобен, представляется, что предложенные ими стратегии парафраза не менее неправдоподобны. Интерпретация Линнебо удобна, поскольку более ориентирована на то (как мы предпочитаем), чтобы наш язык функционировал. Она лучше отражает то, как в действительности используется язык. Например, математики, когда говорят о числах, скорее считают их существующими. Это философы предполагают, что существует некая подлинная физическая реальность и язык должен изоморфно отражать ее структуру. Поэтому, несмотря на критику, считаем тезисы и идеи Линнебо обязательными для изучения философами, интересующимися проблемами философии математики, языка и метафизики.

Список литературы

1. Гудмен Н., Куайн У. О. На пути к конструктивному номинализму / пер. с англ. Е. Е. Ледникова // Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. М. : Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. С. 289–317.



2. Linnebo Ø. *Thin Objects: An Abstractionist Account*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 255 p.
3. Целищев В. В. Принципы абстракции и неологизм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 9–14.
4. Lowe E. J. *Objects and Criteria of Identity // A Companion to the Philosophy of Language* / eds. Hale B., Wright C., Miller A. Oxford : Wiley-Blackwell, 1999. P. 990–1012. <https://doi.org/10.1002/9781118972090.ch39>
5. Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск : Водолей, 2000. 127 с.
6. Lewis D. Putnam's paradox // *Australasian Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 62, № 3. P. 221–236. <https://doi.org/10.1080/00048408412340013>
- In: Gudmen N. *Sposoby sozdaniya mirov*. Moscow, Ideya-Press, Logos, Praxis, 2001, pp. 289–317).
2. Linnebo Ø. *Thin Objects: An Abstractionist Account*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 255 p.
3. Tselishchev V. V. The principles of abstractions and the neologicism. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2008, vol. 6, iss. 1, pp. 9–14 (in Russian).
4. Lowe E. J. *Objects and Criteria of Identity*. In: Hale B., Wright C., Miller A., eds. *A Companion to the Philosophy of Language*. Oxford, Wiley-Blackwell, 1999, pp. 990–1012. <https://doi.org/10.1002/9781118972090.ch39>
5. Frege G. *Die Grundlagen der Arithmetik. Eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl*. Breslau, Wilhelm Koenner, 1884. 119 S. (Russ. ed.: Frege G. *Osnovopolozheniya arifmetiki. Logiko-matematicheskie issledovaniya o ponyatii chisla*. Tomsk, Vodoley, 2000. 127 p.).
6. Lewis D. Putnam's paradox. *Australasian Journal of Philosophy*, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 221–236. <https://doi.org/10.1080/00048408412340013>

References

1. Goodman N., Quine W. O. Steps toward a constructive nominalism. *The Journal of Symbolic Logic*, 1947, vol. 12, no. 4, pp. 105–122 (Russ. ed.: Gudmen N., Quine W. O. Na puti k konstruktivnomu nominalizmu.
6. Lewis D. Putnam's paradox. *Australasian Journal of Philosophy*, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 221–236. <https://doi.org/10.1080/00048408412340013>

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 128–132

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 128–132

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>

EDN: JYWAGO

Научная статья

УДК [1:316]:004

Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена»



Н. В. Гришечкина^{1,2}✉, С. В. Тихонова^{1,3}, В. Б. Устьянцев¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

³Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Гришечкина Наталья Васильевна, кандидат философских наук, доцент, ¹докторант кафедры теоретической и социальной философии;

²доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии,

³старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, segedasyv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Аннотация. Введение. Трансдисциплинарность как фундаментальная характеристика гибридного неформального знания, характерного для цифрового общества, может быть эксплицирована в проблемном поле социальной философии. **Теоретический анализ.** Основной категориальной экспликацией трансдисциплинарности является сравнение понятий «зоны обмена» и «социально-эпистемические арены». Первое задано категориальными рядами философии науки, второе является социально-философским конструктом. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что зоны обмена отражают изначально интеринституциональный статус коммуникации, восходящий к П. Галисону, и в ней изначально ведущая роль принадлежит гуманитарному специалисту, который выступает медиатором-посредником. В социально-эпистемических аренах большее значение уделяется медиа и обывателям, совпадающим в цифровом обществе с максимально-широким кругом пользователей. Компромиссная позиция может быть сформулирована при обращении к модели трансэпистемических культур К. Кнорр-Цетины. **Заключение.** Трансдисциплинарность как особая цифровая зона, продуцирующая трансэпистемические культуры, обладает чертами как зоны обмена, так и социально-эпистемической арены. Ее гибридные характеристики заданы структурой цифрового общества, в котором институциональные границы проницаемы, горизонтальное взаимодействие сопровождается и укрепляет вертикальное, а сети по умолчанию являются механизмами распределения знания.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, социальная философия, социальная философия науки, СТС, социально-эпистемические арены, зоны обмена, социальная коммуникация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б. Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 128–132. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>, EDN: JYWAGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transdisciplinarity in the problematic field of social philosophy: “An exchange zone” vs “a socio-epistemic arena”

N. V. Grishechkina^{1,2}✉, S. V. Tikhonova¹, V. B. Ustyantsev²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

³South Ural State University ((National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

© Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б., 2024



Nataliya V. Grishechkina, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Abstract. Introduction. Transdisciplinarity as a fundamental characteristic of hybrid informal knowledge specific to a digital society can be explicated in the problematic field of social philosophy. **Theoretical analysis.** The main categorical explication of transdisciplinarity is the comparison of the concepts of an exchange zone and socio-epistemic arenas. The first is defined by the categorical series of the philosophy of science, the second is a socio-philosophical construct. A comparative analysis allows us to conclude that the exchange zones initially reflect the inter-institutional status of communication, dating back to P. Galison, and initially the leading role in it belongs to a humanitarian specialist who acts as a mediator. In socio-epistemic arenas, more importance is given to media and ordinary people, who coincide in a digital society with the widest possible range of users. A compromise position can be formulated when referring to the model of trans-epistemic cultures of K. Knorr-Cetina. **Conclusion.** Transdisciplinarity as a special digital zone producing trans-epistemic cultures has features of both an exchange zone and a socio-epistemic arena. Its hybrid characteristics are determined by the structure of a digital society in which institutional boundaries are permeable, horizontal interaction accompanies and strengthens vertical interaction, and networks are mechanisms for the distribution of knowledge by default.

Keywords: transdisciplinarity, social philosophy, social philosophy of science, STS, socio-epistemic arenas, exchange zones, social communication

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation. Competition "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: Interdisciplinary research (regional aspect)".

For citation: Grishechkina N. V., Tikhonova S. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity in the problematic field of social philosophy: "An exchange zone" vs "a socio-epistemic arena". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 128–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>, EDN: JYWAGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Становление цифрового общества затрагивает не только структурные аспекты социальной динамики, но и специфические компоненты, лежащие в основании нормативно-аксиологического среза цифровой духовной культуры – гибридные знания. О фундаментальном значении неформального распределенного знания в цифровую эпоху все чаще говорят исследователи, фокусирующиеся на социальных аспектах диалога и общества [1–3], а также сторонники акторно-сетевой теории [4–6]. Связь новых технологий коммуникации и трансформации познавательной активности человека интенсивно исследуется в социальной эпистемологии. Однако социальная философия способна надежнее раскрывать социальные структуры современных знаний, по-новому сопрягающие науку, практику и повседневность в трансдисциплинарности. Под последней мы будем понимать новую форму социальной коммуникации, связывающей цифровыми инструментами исследователей, активистов и обывателей в производстве гибридного знания, необходимого для удовлетворения сложных уникальных потребностей широких слоев населения. Потенциальная аудитория трансдисциплинарного знания совпадает с потребительской аудиторией индустрии культуры общества потребления, однако продукт, в котором заинтересована первая, невозможно произвести стандартным способом массового производ-

ства, поскольку речь идет о нетиповых случаях и требует доводки, калибровки на месте. Кроме того, последнее обстоятельство меняет и образ реципиента трансдисциплинарного знания, по сравнению с реципиентом массовой культуры он играет не пассивную, а активную роль субъекта. Эту активность обеспечивают цифровые технологии, культивирующие просьюмеризм и гражданскую науку. Гибридное знание всегда производно из интересубъективной реальности жизненного мира, оно вбирает в себя локальные элементы социокультурного контекста, разделенные коммуникантами, его производящими.

Теоретический анализ

Очевидно, что если специфика трансдисциплинарности заключается в том, что это знание формируется через дисциплинарные и институциональные границы, то состав его коммуникантов плюрален. Структурно такая социальная коммуникация не может быть монологической, а поскольку в ней нет нисходящей трансляции, а в процессе горизонтального диалога ее участники совместно формируют доступный для их понимания гибрид, объединяющий научное и социальное (прагматическое, этическое, эстетическое), постольку ситуация, когда в этой коммуникации познает только один, невозможна. Субъект познания в ней распределяется. Кроме того, трансдисциплинарность редко сводится к единичному акту коммуникации, по факту речь



идет о множественности когерентных актов, осуществляемых довольно устойчивым составом коммуникантов по одному поводу. И. Т. Касавин в схожем контексте говорит о «зонах обмена» [7], а Д. С. Артамонов – о социально-эпистемических аренах [8]. Первый позиционирует свою концепцию зон обмена как часть проекта по социальной философии науки, второй работает с категориальными рядами цифровой социальной философии. Рассмотрим эти два понятия подробнее и сравним их.

Данные концепции, как представляется, отражают процесс производства знания в современном обществе с разных сторон. Понятие «зона обмена» впервые было введено П. Галисоном в книге «Образ и логика» в 1997 г., где под ним понималось одновременно социальное и интеллектуальное пространство, которое обеспечивало интеграцию прежде автономных практик создания научных инструментов и дисциплинарных пространств, в которых осуществляются экспертиза и теоретизирование [9, с. 76]. То есть данное понятие было призвано отразить формы взаимодействия ученых, философов и инженеров в современном обществе. Концепция зон обмена конструирует пространство производства знания, отталкиваясь от самого пространства науки. Таким образом, характер и формы коммуникации в данной концепции задаются самой наукой. Концепция отражает внутренний институциональный контур изменений. Как отмечает И. Т. Касавин, «причины коммуникативного тренда предоставляет сама современная наука, поскольку она выходит далеко за рамки отдельного социального института и начинает программировать и проектировать все пространство современного общества» [7, с. 9]. Представленная позиция закладывает отношение эквивалентности между объективированными в обществе достижениями науки и широким спектром современных дисциплинарных подотраслей. Поскольку наука меняет не только физическую реальность природного пространства, но и стремится к просвещенческой перекройке человека и общества, постольку оправдана интерпретация любой наукоемкой технологии как технологии социальной и в то же самое время социальной коммуникации. Более того, наука как социальная коммуникация имеет статус метакоммуникации, опосредуя технологическим компонентом все остальные человеческие коммуникации. Проблема в том, что научная коммуникация не работает линейно и равномерно, ее дискретность объясняется столкновением с проблемами. Как правило, новая проблема означает для науки создание но-

вой инфраструктурной инструментальной базы и контакт с людьми, которые управляют элементами этой базы. Иначе говоря, столкновение с пограничным объектом вызывает формирование материальной площадки, на которой запускаются исследования междисциплинарного и трансдисциплинарного толка, консолидирующие усилия экспертов, принадлежащих к разным дисциплинарным и институциональным мирам. Эксперты, как и любые другие люди, не могут спонтанно развивать синхронную деятельность, они разговаривают на разных языках научных коммуникаций и их взаимодействие нуждается в посреднике. Зона обмена – это территория, на которой появляется фигура медиатора, нового «научного персонажа», который обеспечивает поддержку общения и перевод смыслов в гетерогенной группе коммуникантов. Показательно, что в галисоновской модели представителям естественных наук и инженерам не хватает культурных и специальных коммуникативных компетенций для эффективного выполнения этой роли, поэтому медиатором у него должен стать гуманитарий.

Концепция социально-эпистемических арен отражает процесс производства знания со стороны общества в его новом качестве, а именно цифровом, т.е. то, как меняется процесс производства знания и бытие науки под воздействием социальных изменений. Характер и формы коммуникации по производству знания через призму данной концепции задаются обществом в целом и отражают общесоциальные тенденции развития социума. Как отмечает Д. С. Артамонов, «в рамках социально-эпистемических арен субъектом производства знания оказывается не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники» [8, с. 241]. Социально-эпистемическая арена, по определению автора, это коммуникационная площадка производства исторической информации и представлений о прошлом, составляющих основу медиапамяти, в которой нивелируется граница между знанием и памятью, основанная на субъективном восприятии социальной реальности. Знаниевый продукт данного производства, а именно коллективные образы прошлого, является результатом распределенного познания основных участников процесса – ученых, граждан, цифровых технологий, которые нуждаются в получении надежных данных о событиях прошлого, вступают в разнонаправленные коммуникации. Участники процесса в то же время выступают в роли экспертов, дающих право на жизнь тому или иному кон-



тенту знания. Между ними запускается процесс выяснения социально прочных и эпистемически надежных фрагментов наличных данных, а затем их систематизация в когерентное целое. Он осуществляется по принципам хабермасианской коммуникативной рациональности, где по мере отбраковки сомнительных данных формируется коллективный конструкт, легитимируемый сообществом его создателей и позднее обществом в целом. В отличие от зон обмена, социально-эпистемические арены не являются материальным местом, а представляют собой пространство коммуникации, заданное медиа и цифровыми технологиями.

Используя возможности цифровых технологий и социальных медиа, ученые и любители истории создают социально-эпистемические арены, на которых в процессе коммуникации вырабатываются знания о прошлом, также являющиеся предметом исследования. Таким образом, для бытия социально-эпистемической арены важен временной аспект, который задается обществом, отражая его потребности, ценности, идеалы и т.д.

Согласимся с Д. С. Артамоновым в том, что эталоны профессиональной коммуникации, принятые в формальном и неформальном взаимодействии офлайн, имеют существенные отличия от стандартов взаимодействия этих же профессионалов в онлайн [10]. Социальная коммуникация задает необходимость выражения информации в общедоступной форме. Таким образом, одной из задач производства научного знания в рамках данной оптики становится перевод речи с языка профессионального на язык обыденный. Стратегии оперирования знания участниками производства приносятся извне, что приводит к необходимости их модификации в ответ на потребности конкретной исследовательской задачи. Основным инструментом производства знания в данной концепции становятся технологии. Так как в процессе коммуникации в рамках социо-эпистемической арены каждый участник выступает равноценным субъектом познания, то личностные характеристики получаемого знания обратно пропорциональны числу коммуникантов. Механизм формирования коммуникативных практик в данной концепции является горизонтальным – это широкое сетевое поле бытования коллективно разделяемых представлений. Роль историка в данном пространстве заключается в научном подтверждении актуальности конкретных тем медиаповестки, а также в выборе научных инструментов верификации получаемого знания. Устройство социально-эпистемических арен подчинено логике медиа.

В концепции К. Кнорр-Цетина, которая появилась значительно раньше концепции зон обмена, предпринята попытка увязать противоположные подходы к анализу производства научного знания. В 1982 г. в своей статье «Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research: A Critique of Quasi-Economic Models of Science» автор утверждает, что зоны обмена, в которых проводятся научные (лабораторные) исследования, являются трансэпистемическими, т.е. в них входят как представители науки, так и внешние для нее акторы. Соответственно, предметом их взаимодействия могут быть и технические, и нетехнические аргументы. Из этого тезиса вытекает радикальное следствие: в лабораторных работах, в которые всегда опосредованно и непосредственно включено большое количество техников, критерии принятия решений неизбежно будут трансэпистемическими, а значит, трансэпистемическими являются как сами исследования, так и их продукты [11].

Ученые постоянно выходят за пределы пространства исследования. Изучение этого процесса с неизбежностью выводит нас к аренам действий, трансэпистемическим как по составу участников, так и по процессам и результатам, связывающих их коммуникаций. Эти арены нельзя отнести к науке как конкретной отрасли, состоящей из дисциплин, если само отнесение будет последовательным и строгим. Рассматривая конкретные примеры. Кнорр-Цетина отмечает, что переписывание предложения о гранте с целью визита ученого в Вашингтон обычно включает в себя нечто большее, чем изменение названия. Однако само поле является «теоретическим» в том смысле, что оно не может быть эмпирически идентифицировано независимо от социальных областей, в которых происходят транзакции. В этом случае анализ трансэпистемических арен сталкивается с двумя трудностями. Первая связана с символическими отношениями – они гетерогенны, так как гетерогенен состав коммуникантов. Вторая относится к оценке масштаба вклада трансэпистемической коммуникации в производство знания.

Заключение

В случае трансдисциплинарности представляется целесообразным вести речь о специфической цифровой среде, которая может создаваться на платформе цифровых медиа в том смысле, который использует Д. С. Артамонов. Однако трансдисциплинарная коммуникация вполне осуществима в пространстве, являющемся, с точки зрения участников-людей, офлайновым,



хотя и включающим умные вещи, цифровые гаджеты, которые связываются с цифровым пространством, не вовлекая туда людей напрямую. В этом случае на передний план выходит то понимание обмена между коммуникантами, которое разрабатывается И. Т. Касавиным. С позиции людей, их взаимодействия являются нецифровыми, но актанты все равно укореняют их в цифре. В итоге трансдисциплинарность может быть рассмотрена как специфическая форма цифровой социальной коммуникации.

Список литературы

1. Пирожкова С. В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, вып. 1. С. 67–82. <https://doi.org/10.5840/eps20185519>
2. Шибаршина С. В. Социальные сети для ученых: новая форма социальности? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, вып. 4. С. 21–28. <https://doi.org/10.5840/eps201956463>
3. Петрова Е. В. Междисциплинарность и краудсорсинг в экологии как ответы на вызовы техногенной цивилизации // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, вып. 4. С. 117–122. <https://doi.org/10.5840/eps202057463>
4. Ерофеева М. А. Шутки в сторону! Акторно-сетевая теория о легитимации научного знания // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 27–37.
5. Полонская И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
6. Сосновская А. М. Проблема применения метода акторно-сетевой теории в теории медиа и медиакоммуникации // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5, № 4. С. 282–304. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.435>
7. Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, вып. 1. С. 8–17. <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
8. Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
9. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действия // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
10. Артамонов Д. С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2023. 356 с.
11. Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science // *Social Studies of Science*. 1982. № 12. P. 101–130.

References

1. Pirozhkova S. V. The principle of participation and contemporary mechanisms of producing knowledge in science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, iss. 1, pp. 67–82 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20185519>
2. Shibarshina S. V. Social networks for researchers on the internet: A new sociality? *Epistemology and Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, iss. 4, pp. 21–28 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201956463>
3. Petrova E. V. Interdisciplinarity and crowdsourcing in ecology as reply to the challenges of technogenic civilization. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, iss. 4, pp. 117–122 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202057463>
4. Erofeeva M. A. Jokes aside! Actor-network theory on the legitimization of scientific knowledge. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 6–7, pp. 27–37 (in Russian).
5. Polonskaya I. N. B. Latour's alternative sociology: concerning methodology description. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 6, pp. 72–75 (in Russian).
6. Sosnovskaya A. M. The problem of applying the actor-network theory method in media theory and media communication. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2023, vol. 5, no. 4, pp. 282–304 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.435>
7. Kasavin I. T. Exchange zones as the subject of social philosophy of science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, iss. 1, pp. 8–17 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
8. Artamonov D. S. Socio-epistemic arenas of historical cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
9. Galison P. Exchange zone: Coordination of beliefs and actions. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2004, no. 1, pp. 64–91 (in Russian).
10. Artamonov D. S. *Media Memory in the Communication Space of a Digital Society*. Diss. Dr. Sci. (Philos). Saratov, 2023. 356 p.
11. Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science. *Social Studies of Science*, 1982, no. 12, pp. 101–130.

Поступила в редакцию 28.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 28.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 02.05.2024

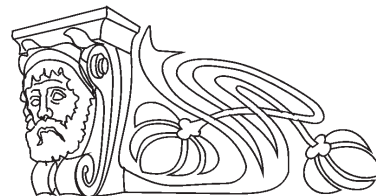


Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 133–136
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>
EDN: ICWULA

Научная статья
УДК [1:316]+[001:1]

Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса



Н. В. Гришечкина^{1,2}✉, В. Б. Устьянцев¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Гришечкина Наталья Васильевна, кандидат философских наук, доцент, ¹докторант кафедры теоретической и социальной философии; ²доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>
Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Аннотация. Введение. Трансдисциплинарность может быть переосмыслена от научно-философской к социально-философской категории с помощью обращения к теоретическим конструкциям социального консенсуса. В этом случае акцентируются ее общесоциальные функции, являющиеся социально-коммуникационным эффектом трансдисциплинарных взаимодействий науки и общества. **Теоретический анализ.** Социально-философский анализ трансдисциплинарности формируется в поле категорий социальности, времени, объекта, истины и ценностей. Они раскрыты в аутопоietическом анализе общества Н. Лумана, продолжающем веберовские традиции в отношении исследования научной рациональности. Связывание в единое целое логического, аксиологического и социального планов формирования истины в диалоге науки и общества актуализируется в реальном контексте социального времени. Рост научной специализации, разрывающей единый образ науки, детерминирует аксиологизацию и этизацию научного знания. Трансдисциплинарность, основанная на социальном признании конкретного научного знания в условиях повседневности, становится инструментом собирания разрозненных академических групп в символический социальный субъект науки. **Заключение.** Трансдисциплинарная наука как гибридный социальный субъект способна к автономному коммуникативному поведению, позволяющему ей выступать агентом политики, связанной с применением научного знания и тем самым легитимировать свои притязания на социальный авторитет.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, социальная философия, социальный консенсус, социальное время, актуальность, социально-эпистемические арены, зоны обмена, социальная коммуникация

Для цитирования: Гришечкина Н. В., Устьянцев В. Б. Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus

N. V. Grishechkina^{1,2}✉, V. B. Ustyantsev¹

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Nataliya V. Grishechkina, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Abstract. Introduction. Transdisciplinarity can be reinterpreted from a scientific and philosophical category to a socio-philosophical one by referring to the theoretical constructions of social consensus. In this case, its general social functions are emphasized, which are the social and communication effect of transdisciplinary interactions between science and society. **Theoretical analysis.** The socio-philosophical analysis of transdisciplinarity is formed in the field of categories of sociality, time, object, truth and values. They are revealed in the autopoietic analysis of the society made by N. Luhmann, which continues the Weberian traditions in relation to the study of scientific rationality. Linking the logical, axiological and social plans of the formation of truth into a single whole in the dialogue between science and society is actualized in the real context



of social time. The growth of scientific specialization, which breaks the unified image of science, determines the axiologization and ethicization of scientific knowledge. Transdisciplinarity, based on the social recognition of specific scientific knowledge in everyday life, becomes a tool for gathering disparate academic groups into a symbolic social subject of science. **Conclusion.** Transdisciplinary science as a hybrid social subject is capable of autonomous communicative behavior, which allows it to act as an agent of policy related to the application of scientific knowledge and thereby legitimize its claims to social authority.

Keywords: transdisciplinarity, social philosophy, social consensus, social time, relevance, socio-epistemic arenas, exchange zones, social communication

For citation: Grishechkina N. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 133–136 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Трансдисциплинарность современной науки как технология производства знания, пересекающая институциональные и социальные границы, становится актуальной проблемой социальной философии в том случае, если исследователь поднимается над анализом институциональных научных правил и процедур, пытается выявить в процессе социальной гибридизации научного знания его социальную сторону, позволяющую переосмыслить универсальные пресуппозиции всех вовлеченных в формирование такого знания участников. Как научная истина, выведенная логически и подтвержденная экспериментально, становится ядром знания, используемого активистами, современными художниками, биохакерами, дилетантами в своей повседневной жизни для творчества, развлечения и самосовершенствования? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, показав широкие социальные связи, неизбежно оплетающие современное научное познание, и выявив их релевантность с категориальными рядами социальной философии.

Теоретический анализ

А. Ю. Антоновский, рассматривая коммуникативные и социальные условия современной науки, выдвигает и доказывает тезис о том, что понятие «научное познание» является центром связи и синтеза в единый концепт целого ряда понятий социальной философии, таких как социальность, время, (научный) объект, истина и ценности [1]. В своих рассуждениях он опирается на идеи, изложенные М. Вебером, в которых определяются коммуникативные границы науки через противопоставление истины и ценности [2, 3]. В фокусе системно-коммуникативного подхода Н. Лумана эта методологическая оппозиция получает теоретическую разработку [4].

Логика А. Ю. Антоновского направлена на связывание в единое целое логического, аксиологического и социального: «Ведь, на мой взгляд, и в случае коммуникации истины, и в случае коммуникации ценности (несмотря на все противоречие между ценностными и истинностными суждениями) коммуникации стилизуются под взаимное подтверждение общих переживаний. В этом смысле «истина» обобщает не только высказывания, но и (почти в соответствии с аксиомой Дюркгейма) группирует индивидов в научное сообщество, одновременно выводя за его пределы тех, кто высказывает ценностные суждения» [1, с. 87]. Очевидно, что в такой трактовке условием инвариантности истины становится ее консенсусная природа. Вспомним, что Вебер подчеркивал связь основания научной истины и социального времени, последнее является условием бытия первой. Любое научное открытие привязано к социальному времени, что определяет важность проблемы актуальности в науке. Актуальность – необходимый критерий научного знания и условие его развития, так как она нацеливает исследователей на его преодоление.

Не случайно, анализируя изменения, происходящие в области знания, сопоставляя староевропейскую и современную науки, Вебер обращается к мировоззренческим основаниям, определяющим место и роль истины в жизнедеятельности человека. В староевропейской науке истина являлась условием, инструментом утверждения, обоснования абсолютных ценностей, таких как Бог, Природа, Благо, что в результате определяло и социальное измерение науки. «Полагалось, что в науке имеет место особый тип добровольного принуждения или, лучше сказать, консенсуса без принуждения. Это принуждение осуществлялось, по Веберу, при помощи «понятия», открытого Платоном и Аристотелем и реализующего двойную функцию: обеспечить научное познание надежным



инструментом и задать жесткие ориентиры для согласия по итогам научной коммуникации. Понятия, словами Вебера, захватывают оппонента «в логические тиски», из которых он не может вырваться, не согласившись» [1, с. 88].

Поиск логического консенсуса был лейт-мотивом развития классической философии в целях обоснования абсолютов. При этом необходимость согласования истин и ценностей, поиска консенсуса на данном пути решалась разными способами (например, этический рационализм Сократа, средневековая философия предложила множество вариантов консенсуса на различных мировоззренческих основаниях). Но вектор развития научного познания оставался общим – «...найти понятие и значит обнаружить подлинное бытие» [1, с. 88].

Превращение науки в социальный феномен, «производительную силу общества» как ответ на вызовы рационализирующегося общества со стороны политики и хозяйства трансформировало и научное познание. По словам Вебера, «очевидно, что новейшее развитие университетского дела... идет по американскому пути. Наши большие институты медицинского и естественнонаучного типа уже давно – “государственно-капиталистические” предприятия», со всеми следствиями «отчуждения рабочего от средств производства» [5, S. 477]. В данном случае М. Вебер, используя терминологию К. Маркса, показывает, что средства производства, необходимые ученому для проведения исследований (лаборатория, кабинет и т.д.), становятся собственностью капиталистов и чиновников, т.е. от ученого его средства производства отчуждены, а сам он подвергается эксплуатации со стороны их владельцев. Согласимся с А. Ю. Антоновским в том, что данная методологическая конструкция позволяет в полной мере задействовать концептуальный потенциал современной социальной философии. Нарастание специализации в современной науке отразилось и на медицине как социальном институте. По мнению М. В. Вартофского в отношении ситуации, «когда медицинское мастерство и моральное суждение понимаются как две различных составляющих медицины, медицинская этика становится специальностью наподобие сердечно-сосудистой хирургии или ревматологии» [6, с. 421]. Усиливающаяся тенденция роста специализации обостряет необходимость выработки четких дисциплинарных критериев знания, которые дополняются требованиями моральной

ответственности, а также социальными, правовыми и религиозными вопросами [6, с. 422].

В ситуации современной науки практика поиска логического консенсуса становится менее востребованной, постепенно переходя к практике достижения этического консенсуса, от констатации истинно (ложно) к определению правильно (неправильно), следствием чего становятся этизация и аксиологизация научного знания. Так, например, Джордж Хушв отстаивал точку зрения, согласно которой «медицинские теории зависят от индивидуальных и социальных конвенций и решений о том, что мы хотим лечить и как мы хотим лечить, так же как от ресурсов, которые у нас есть для поддержания системы здравоохранения [7, с. 24]. Более панорамно она представлена Н. Луманом, у которого зрелость научной коммуникации предполагает распад веберовской научной рациональности [8, с. 666]. К этому Луман также добавляет и утрату семантического сцепления науки с остальным обществом, что объясняет невозможность «ценностного обоснования» научных утверждений. Освобождение науки от политики и религии, т.е. от социальности, приводит к утрате возможности понимать и воспроизводить новый поликонтекстный мир. В этой ситуации, как отмечает Луман, наука начинает обеспечивать разгрузку других системно-коммуникативных автономий (политика, религия, образование, хозяйство и т.д.) [4, 8]. Таким образом, формируется внутренняя дифференциация науки на функциональную часть, направленную на развитие самостоятельных научных исследований и производительную, ориентированную на поддержку основных сфер общества через научно-технический прогресс.

Системно-коммуникативная теория в ее классической форме не проводит демаркацию между междисциплинарным и трансдисциплинарным типами знания, но при этом она обладает потенциалом в анализе данных феноменов. Вектор концептуализации, заданный А. Ю. Антоновским, приводит к выводу о том, что прежде разрозненные дисциплинарные академические группы, редко по своему влиянию доходящие до статуса социального субъекта, после сборки в трансдисциплинарной интеграции трансформируются в полноценного социального актора, проводящего свою коммуникативную линию в общественных дискуссиях и политике по научным вопросам. Такой новый гибридный социальный субъект способен заявлять свое право на социальный авторитет.



Заключение

Попытки теоретического анализа консенсуса как метода преодоления разрывов между истиной и ценностью, знанием и действием и т.д. в современной социальной философии инициирует к возникновению различных концепций. Однако векторы развития данных концепций не преодолевают базовых противоречий. Так, одна линия развития данных идей под влиянием в основном Юргена Хабермаса и Джона Роулза, подчеркивает новую форму консенсуса, основанного на практике аргументации, обоснования и обоснованности. Другая линия под влиянием таких мыслителей, как Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф, Жак Рансьер и Мишель Фуко (среди прочих), делает акцент на практике несогласия, такой как антагонизм, риторика и телесные действия. А. Макинтайр, отмечая распространенный в современном обществе ценностный релятивизм, критически оценивает данную ситуацию поиска преодоления разрывов. С его точки зрения, ни один из способов разрешения моральных конфликтов не будет эффективным и последовательным, так как противоречие между несоизмеримыми моральными требованиями и конфликтующими «добродетелями» определяет движение к крайностям – либо иррациональному выбору, либо технико-бюрократическому протоколу. В рамках медицины тенденция преодоления разрывов и «наведения мостов» привела к возникновению новой академической дисциплины, науки и практики – биоэтике, функциональной ролью которой является выработка решений сложных морально-нравственных дилемм, а основным инструментом этой практики выступает консенсус – общественная практика поиска наиболее оптимальных морально-нравственных принципов решения этических проблем. Консенсус, сочетая в себе коммуникационные, институциональные и технологические признаки зон обмена и социально-эпистемических арен, с одной стороны, поддерживает социальную солидарность, а с другой – интенсифицирует трандисциплинарность научного знания, укореняя науку в повседневном жизненном мире цифрового общества.

Поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 02.05.2024

Список литературы

1. Антоновский А. Ю. Научное познание как понятие социальной философии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 86–89. <https://doi.org/10.31857/S004287440002589-2>
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. 2012. № 3. С. 243–249.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. 2012. № 4. С. 198–212.
4. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. № 2. С. 215–233. <https://doi.org/10.5840/eps201752240>
5. Weber M. *Schriften 1894–1922*. Ausgewählt von Dirk Kaesler. Stuttgart : Kröner, 2002. 827 S.
6. Вартофский М. В. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ. ; общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1988. 507 с.
7. Khushf G. An agenda for future debate on concepts of health and disease // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2007. № 10. P. 19–27. <https://doi.org/10.1007/s11019-006-9021-7>
8. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Berlin : Suhrkamp Verlag, 1990. 732 S.

References

1. Antonovskiy A. Yu. Scientific cognition as a concept of social philosophy. *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 12, pp. 86–89 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440002589-2>
2. Weber M. Science as a vocation and profession. *Razvitie lichnosti* [Personal Development], 2012, no. 3, pp. 243–249 (in Russian).
3. Weber M. Science as a vocation and profession. *Razvitie lichnosti* [Personal Development], 2012, no. 4, pp. 198–212 (in Russian).
4. Luhmann N. Evolution of science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, no. 2, pp. 215–233 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201752240>
5. Weber M. *Schriften 1894–1922*. Ausgewählt von Dirk Kaesler. Stuttgart, Kröner, 2002. 827 S.
6. Vartofsky M. W. *Models. Representation and the Scientific Understanding*. Dordrecht; Boston; London, D. Reidel Publishing Company, 1979. 390 p. (Russ. ed.: Vartofskiy M. V. *Modeli. Rerezentatsiya i nauchnoe ponimanie*. Moscow, Progress, 1988. 507 p.).
7. Khushf G. An agenda for future debate on concepts of health and disease. *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2007, no. 10, pp. 19–27. <https://doi.org/10.1007/s11019-006-9021-7>
8. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Berlin, Suhrkamp Verlag, 1990. 732 S.



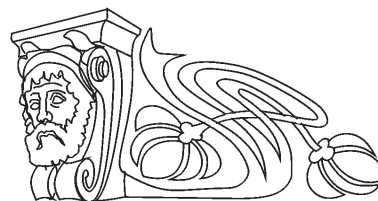
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 137–141
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 137–141
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-137-141>
EDN: IUAYMG

Научная статья
УДК 316.612:004.738.5

Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе

А. Л. Крайнов



Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме цифровой идентичности. Развитие информационного общества и процессов цифровизации ставит перед каждым пользователем сети Интернет задачу соответствия цифрового профиля его реальному обладателю. Зачастую существует большая разница между реальным человеком и его цифровыми аватарами, что приводит к не только к путанице и неоднозначному восприятию нарратора и автора со стороны другого, но и к деперсонализации автора. **Теоретический анализ.** Наличие цифровой идентичности позволяет успешно самореализоваться в виртуальном пространстве и в реальном мире, будь то трудоустройство или поиск спутника жизни. Тем не менее развитие искусственного интеллекта и нейросетей позволяет создавать множество фейков, выдавать одного нарратора за другого, подменять образ автора. С другой стороны, желание автора создать себе иной виртуальный образ в силу ряда комплексов или интриг может привести к раздвоению личности. **Заключение.** Современные процессы цифровизации подводят к осознанию необходимости цифровой идентичности. Формирование цифровой идентичности может проходить авторитарным способом и более мягким образовательным. В любом случае ее наличие даст пользователю цифровой среды неоспоримые преимущества в личной и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: цифровая идентичность, цифровое общество, цифровая культура, цифровизация, цифровой след, цифровой профиль

Для цитирования: Крайнов А. Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 137–141. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-137-141>, EDN: IUAYMG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital identity as a condition of human existence in a digital society

A. L. Krainov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Andrey L. Krainov, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problem of digital identity. The development of the information society and digitalization processes poses to each Internet user the challenge of matching the digital profile to its real owner. There is often a big difference between a real person and his digital avatars, which leads not only to confusion and ambiguous perception of the narrator and the author by the other, but also to depersonalization of the author. **Theoretical analysis.** Having a digital identity allows you to successfully self-realize in the virtual space and in the real world, be it finding a job or finding a life partner. However, the development of artificial intelligence and neural networks makes it possible to create many fakes, impersonate one narrator for another, and replace the image of the author. On the other hand, the author's desire to create a different virtual image for himself due to a number of complexes or intrigues can lead to a split personality. **Conclusion.** Modern digitalization processes lead to the awareness of the need for digital identity. The formation of digital identity can take place both in an authoritarian way and in a softer educational way. In any case, its presence will give the user of the digital environment undeniable advantages in personal and professional activities.

Key words: digital identity, digital society, digital culture, digitalization, digital footprint, digital profile

For citation: Krainov A. L. Digital identity as a condition of human existence in a digital society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 137–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-137-141>, EDN: IUAYMG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Проблема цифровой идентичности с каждым годом становится все актуальнее, что обусловлено развитием нейросетей и искусственного интеллекта, а также различных технологий создания дипфейков на их основе. Технологические новшества с легкостью позволяют ввести в заблуждение целевую аудиторию, выдав ложную информацию в цифровом профиле за истину. Этот прием используется для организации всякого рода мошенничества в виртуальной среде, цель которого – извлечение материальных благ и выгод. Усугубляет положение наличие анонимности в Интернете и желание отдельных пользователей создать себе иной цифровой образ в силу психологических особенностей своей личности.

Цифровая идентичность подразумевает установление соответствия между реальным пользователем цифровых технологий и его цифровым следом, т. е. всей совокупности действий в цифровой среде. В данном случае можно провести аналогию между цифровой идентичностью и логическим законом тождества, требующим, чтобы всякое высказывание (в нашем случае пользователь Интернета) сохраняло свои первоначальное значение и форму на протяжении всего процесса рассуждения.

Значимость исследуемой проблеме придает факт хранения важных персональных данных в цифровых профилях пользователей цифровых услуг. Утрата этих данных может привести к негативным и даже опасным последствиям для пользователя.

Цель исследования – проанализировать феномен цифровой идентичности, выявить причины, способствующие ее отсутствию, и способы ее реализации.

Новизна исследования обусловлена современными требованиями идентификации личности в цифровой среде.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Теоретический анализ

Анализ проблемы цифровой идентичности позволил выявить четыре причины ее отсутствия: психологическую, компетентностную, преднамеренную и «искусственную», когда виновником отсутствия цифровой идентично-

сти является искусственный интеллект. Данное деление условно, но оно показывает четыре доминирующих мотива, руководствуясь которыми, пользователь цифрового контента искажает информацию о себе, формируя ложный образ себя в глазах другого.

Психологическая причина отсутствия цифровой идентичности довольно распространена и связана с желанием пользователя цифрового контента создать себе воображаемый образ. Как правило, в основе подобного мотива лежат различные комплексы и неудовлетворенность своим социальным положением. С другой стороны, социальные сети задают тренд успешности, к которому волей-неволей стремятся их пользователи. Все хотят создать себе образ богатых и знаменитых и выставить себя в лучшем свете. Согласно А. В. Коневой в процессе виртуализации бытия человек трансформирует свое реальное «Я» в «Я-желаемое», которое становится компенсаторным механизмом его пребывания в виртуальности [1, с. 20]. При этом «Я-желаемое» облекается во множество образов, показывающих этого человека иным в глазах других. Более того, в реальной жизни данный цифровой профиль способствует трансформации социального поведения его носителя, который стремится соответствовать модифицированному виртуальному «Я», что в крайних случаях приводит к утрате своей идентичности и деперсонализации.

По мнению Л. В. Мурейко, деперсонализация человека в условиях информационного общества сводится не только к его унификации, но и к исчезновению индивидуальности в угоду стандартам массовой культуры [2, с. 53]. Усредненный человек идентифицирует себя со стереотипами массового информационного общества, от которого приобретает полную зависимость на физическом уровне, выражающуюся в постоянном взаимодействии с гаджетом, и на психическом уровне, проявляющуюся в формировании у него мозаичного рассеянного сознания и клипового мышления.

О цифровой трансформации, возникающей в процессе длительного пользования информационными технологиями, сводящейся к утрате субъективности и аутентичности, пишет Л. Н. Соловьева [3, с. 77]. Непрерывная самоидентификация, сопровождающая человека во множестве пространств виртуальной реальности, рано или поздно может привести к утрате им своего «Я» [3, с. 79]. В виртуальном мире



перманентной симуляции копия становится главнее оригинала, создаваемый цифровой образ – главнее его реального владельца. Оскар Уайльд задолго до возникновения проблемы цифровой идентичности описал подобный феномен в романе «Портрет Дориана Грея». И. О. Щедрина обозначает проблему разграничения автора и нарратора, связанную с мифотворчеством человека о самом себе в виртуальном пространстве, приводящем к множеству образов автора [4, с. 127]. Каждый из них есть результат нарратива, каждый из них по-своему правдив, но итогом подобной мультипликации становится размытие цифровой идентичности. Побег от реальности в цифровое мета-пространство порождает цифровых двойников автора, таких же реальных для виртуальной среды, как и он сам.

Компетентностная причина отсутствия цифровой идентичности обусловлена недостаточными знаниями, умениями и навыками у пользователя цифрового контента виртуального пространства. Она непосредственным образом связана с образовательным процессом, а целевая аудитория пользователей, чьи цифровые профили не идентичны их владельцам, главным образом, представлена детьми, пенсионерами и необразованными людьми в сфере информационных технологий.

Особый интерес для настоящего исследования представляют преднамеренная и искусственная причины, так как они являются источником практически всех угроз и рисков виртуальности. В обоих случаях отсутствия цифровой идентичности преследуется цель ввода в заблуждение целевой аудитории или конкретного объекта. Данный прием, как правило, применяют мошенники с целью получения от него необходимой информации, использование которой принесет им материальную выгоду. В первом случае они сами вручную создают фейковый профиль, во втором – используют искусственный интеллект.

Фейковые цифровые профили в Интернете – бич не только SMM-щиков, вынужденных ежечасно от них отбиваться, так как наличие фейковых подписчиков понижает рейтинг продвигаемого ресурса, но и серьезная социальная проблема. Мошенники, создающие их, нередко используют технологии социальной инженерии для выуживания информации о пользователе личного характера с целью заставить его добровольно расстаться с материальными ценностями.

Ярким примером использования нейросетей для привлечения подписчиков (потенциальных жертв) являются фейковые аккаунты голливудских звезд в социальных сетях компании Meta (запрещена на территории Российской Федерации). При проявлении минимального интереса к известной персоне со стороны пользователя (проставление лайка) его аккаунт тотчас начинают атаковать десятки чат-ботов, преследуя цель во время беседы вывести «жертву» в сторонние мессенджеры, чтобы узнать реальный номер ее телефона. Некомпетентный пользователь будет думать, что реально общается со звездой и попадет под влияние искусственного интеллекта и мошенников. Далее чат-боты просят переслать им настоящее фото пользователя, расспрашивают подробно об информации личного характера и персональных данных, флиртуют, а итогом такой беседы всегда становится просьба сделать пожертвование (donation) звезде, желательно в криптовалюте. Автор статьи на личном опыте испытал все особенности беседы с такими чат-ботами, имея неосторожность пролайкать несколько фотографий Шарлиз Терон, Камерон Диас и Дженнифер Энистон на официальных верифицированных аккаунтах.

Способствует торжеству социальной инженерии в современных реалиях такой феномен, как лайфлоггинг – фиксация всех событий своей жизни с помощью гаджетов и публичная демонстрация их в социальных сетях [5, с. 132–133]. При этом на всеобщее обозрение выставляются не только фото и видео лайфлоггера, но и геометки, время съемки, что дает возможность нейросетям и мошенникам собрать полную информацию о социальном портрете потенциальной жертвы: дате рождения и увлечениях, местах работы и учебы, времени и продолжительности активности в Интернете и за его пределами, привычках и интересах, друзьях и коллегах по работе. Таким образом, лайфлоггер сам делает себя мишенью скаммеров.

Заключение

Несмотря на рассмотренные примеры отсутствия цифровой идентичности, современные процессы цифровизации постепенно подводят пользователя цифрового пространства к осознанию необходимости ее наличия, к пониманию того, что цифровая идентичность является условием бытия человека в цифровом обществе.



Можно выделить два подхода к решению проблемы формирования цифровой идентичности. Первый, довольно авторитарный и жесткий, связан с принуждением государством своих граждан навести порядок в своих цифровых профилях [6]. Еще в 2013 г. Лига безопасного Интернета внесла предложение использовать паспорт для пользования глобальной сетью, а в 2023 г. в России данный вариант рассматривался как способ защиты Рунета и его пользователей от фейков [7]. Сегодня многие социальные сети, например ВКонтакте, предлагают пользователям верифицировать свой цифровой профиль, подключив к нему Госуслуги или ряд других официальных сервисов, что равносильно использованию паспорта.

Достаточно авторитарная политика формирования цифровой идентичности проводится в Китае. Согласно А. А. Петрову Китай на государственном уровне проводит верификацию населения в цифровом пространстве через скоринговую систему социального доверия [7, с. 17]. Без подтвержденного цифрового профиля китаец просто не сможет осуществить большинство операций повседневной жизнедеятельности, так как все они связаны с активностью в цифровом пространстве.

Второй подход к решению проблемы цифровой идентичности связан с формированием у граждан цифровой культуры как совокупности необходимых компетенций для работы в цифровом пространстве. Данный подход реализуется через систему образования посредством организации и проведения различных (в зависимости от целевой аудитории) курсов цифровой грамотности. Огромную роль организационной цифровой культуры вуза как источника цифровой грамотности не только его сотрудников и обучающихся, но и всех заинтересованных лиц, подчеркивает А. В. Глузман [8, с. 52]. Развитие цифровых компетенций позволит избежать многих рисков цифровизации, повысит осознанность своих действий в виртуальном пространстве, что неизбежно приведет к увеличению процентной доли идентичности цифровых профилей своим владельцам.

Очевидные преимущества цифровой идентичности – это повышение уровня доверия к вашему цифровому профилю со стороны пользователей цифрового пространства, потенциальных работодателей, бизнес-партнеров, рекламодателей и прочих участников цифровой среды; повышение безопасности цифрового профиля

от взлома и прочих действий мошенников; возможность заниматься электронной коммерцией и обращаться с запросами в госорганы. Преимуществ от наличия цифровой идентичности, несомненно, больше, чем от ее отсутствия.

Список литературы

1. Конева А. В., Лисенкова А. А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14–28. <https://doi.org/10.17223/22220836/35/2>
2. Мурейко Л. В. Процессы дегерсонализации человека в информационном обществе в контексте исследований «искусственного интеллекта» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60), № 1. С. 48–54.
3. Соловьева Л. Н. Идентичность в условиях цифровой трансформации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11 (103). С. 76–81. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.11.12>
4. Щедрина И. О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 3 (65). С. 124–129. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3/124-129>
5. Храмова Л. С. Персональная идентичность в эпоху цифровой трансформации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 4. С. 130–135. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-130>
6. Авдеев Р. В России создадут суверенный интернет со входом по паспорту и безопасными сайтами. URL: <https://3dnews.ru/1088486/do-kontsa-goda-v-rossii-nachnut-testirovat-suverenniy-internet-s-bezopasnimiservisami-i-vhodom-po-personalnomu-identifikatoru> (дата обращения: 31.01.2024).
7. Петров А. А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия // Chronos. 2020. № 8 (47). С. 11–24.
8. Глузман А. В., Тимиргалеева Р. Р., Переверзев М. В. Модель формирования и развития цифровой культуры вуза // Гуманитарные науки. 2021. № 2 (54). С. 51–56.

References

1. Koneva A. V., Lisenkova A. A. The identity matrix in the digital age: Social challenges to overcome the anonymity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2019, no. 35, pp. 14–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/22220836/35/2>



2. Mureyko L. V. Depersonalisation processes in informational society in terms of "artificial intelligence" researches. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya»* [Scientific notes of the Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Series "Philosophy. Sociology"], 2008, vol. 21 (60), no. 1, pp. 48–54 (in Russian).
3. Soloveva L. N. Identity in the context of digital transformation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2022, no. 11 (103), pp. 76–81 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.11.12>
4. Shchedrina I. O. Identity in the digital space: Narrative between the cognitive and the existential. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Humanities research in the Russian Far East], 2023, no. 3 (65), pp. 124–129 (in Russian). <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-3/124-129>
5. Khramova L. S. Personal identity in the era of digital transformation. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investments], 2023, no. 4, pp. 130–135 (in Russian). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-130>
6. Avdeev R. V *Rossii sozdatut suverennyy internet so vkhodom po pasportu i bezopasnymi saytami* (In Russia they will create a sovereign Internet with passport entry and secure sites). Available at: <https://3dnews.ru/1088486/do-kontsa-goda-v-rossii-nachnut-testirovat-suverennyy-internet-s-bezopasnymi-servisami-i-vhodom-po-personalnomu-identifikatoru> (accessed 31 January 2024) (in Russian).
7. Petrov A. A. Chinese digital profile or social trust scoring system. *Chronos*, 2020, no. 8 (47), pp. 11–24 (in Russian).
8. Gluzman A. V., Timirgaleeva R. R., Pereverzev M. V. Model for the formation and development of a university's digital culture. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2021, no. 2 (54), pp. 51–56 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 142–146

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 142–146

<https://phpp.sgu.ru>

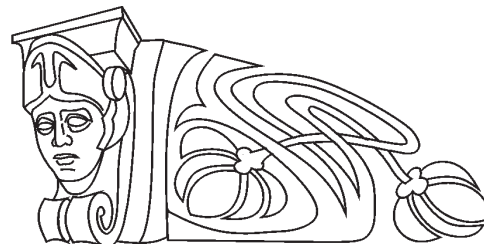
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-142-146>

EDN: HAZGOI

Научная статья

УДК 316.7-053.81|192|

Изменение эстетических идеалов под воздействием феномена культа молодости 1920-х годов



Ю. Е. Музалевская

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18

Музалевская Юлия Евгеньевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры технологии и художественного проектирования трикотажа, muz-yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1139-9725>

Аннотация. Введение. Принцип эстетической трансформации затрагивает не только функционирование моды, но и круг проблем, относящихся к мировоззрению и мировосприятию человека, являющихся актуальными для любого времени. Эстетические проблемы имеют более глубокую подоснову, чем смена образов вестиментарной моды, и лежат в сфере социальной и культурной жизни общества. **Теоретический анализ.** В отдельные моменты истории обострение социальной и культурной сторон общественной жизни вызывает изменение выработанных веками духовных ценностей, вслед за которыми подвергаются пересмотру и эстетические идеалы. В период 1920-х гг. молодость становится доминирующей в обществе возрастной категорией, появляется культ молодости. Теоретическую основу этого феномена предоставили Т. Парсонс, К. Манхейм, Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга и другие, обосновывая его конфликтом поколений, отсутствием преемственности между ними. **Заключение.** Предпринята попытка комплексного подхода к анализу целого ряда аспектов социально-культурного характера в определенный временной период, послуживших отправной точкой возникновения культа молодости, что повлекло за собой переоценку эстетических идеалов. Мода чутко отреагировала на него, молодежные образы вдохновили на новые смелые направления и определили ее развитие на десятилетия вперед.

Ключевые слова: поколение, эстетические идеалы, культ молодости, мода, музыка, конфликт, свобода, образ женственности

Для цитирования: Музалевская Ю. Е. Изменение эстетических идеалов под воздействием феномена культа молодости 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 142–146. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-142-146>, EDN: HAZGOI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Changing aesthetic ideals under the influence of the phenomenon of the cult of youth in the 1920s

Yu. E. Muzalevskaya

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg 191186, Russia

Julia E. Muzalevskaya, muz-yuliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1139-9725>

Abstract. Introduction. The principle of aesthetic transformation affects not only the functioning of fashion, but also a range of problems related to the worldview and world perception of a person, which are relevant for any time. Aesthetic problems have a deeper foundation than the change of images of vestimentary fashion, and lie in the sphere of social and cultural life of society. **Theoretical analysis.** At certain points in history, the aggravation of social and cultural aspects of public life causes a change in the spiritual values developed over the centuries, followed by a revision of aesthetic ideals. In the period of the 1920s, youth became the dominant age category in the society, and the cult of youth appeared. The theoretical basis of this phenomenon was provided by T. Parsons, K. Mannheim, X. Ortega-y-Gasset, J. Huizinga and others, justifying it by the conflict of generations, the lack of continuity between them. **Conclusions.** An attempt has been made to take an integrated approach to the analysis of a number of aspects of a socio-cultural nature in a certain time period, which served as the starting point for the emergence of the cult of youth. The phenomenon led to the reassessment of aesthetic ideals. Fashion reacted sensitively to it, youth images inspired bold new directions and determined its development for decades to come.

Keywords: generation, aesthetic ideals, cult of youth, fashion, music, conflict, freedom, image of femininity

For citation: Muzalevskaya Yu. E. Changing aesthetic ideals under the influence of the phenomenon of the cult of youth in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 142–146 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-142-146>, EDN: HAZGOI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Под общим выражением «духовные ценности» понимается вся совокупность «духовного, интеллектуального, морального и эстетического». Для того чтобы обозначить это понятие «культура», между ними «должно существовать некое равновесие или гармония» [1, с. 34]. Сфера эстетического, как связанная с пониманием красоты представлениями об эстетических идеалах, нагляднее других демонстрирует существование этого равновесия и гармонии или же, напротив, отсутствия. Понимание красоты, сформированное еще в античные времена, у разных народов варьируется, что обусловлено, прежде всего, этнокультурными различиями, но в то же время в процессе культурных взаимодействий происходят их взаимовлияние и взаимопроникновение. Представления о том, что есть красота, особенно красота физическая, к которой неизменно приковано внимание человечества, подвержены и эволюционному развитию в процессе культурно-исторического развития, захватывающего «все стороны жизни, включая и сферу эстетических отношений к действительности» [2, с. 28]. Обращаясь к теме эстетического, проявляющегося наиболее ярко во внешнем виде человека, возможно провести аналогии и с более глубинными процессами, изменяющими духовную составляющую его личности. В соответствии с представлениями о том, каким должен быть человек, складывались и эстетические идеалы. В отдельные периоды истории эстетическое отношение к действительности, формировавшееся веками, резко изменяется и в этом неповинна мода, как пытаются легковесно обвинить ее, она лишь, как зеркало, отражает социальные и культурные процессы жизни общества. К явлениям, изменившим эстетические идеалы, относится культ молодости, обусловленный изменениями в общественных отношениях. В его основе лежит конфликт поколений, особенно остро проявившийся в 20-х гг. XX в.

Теоретический анализ

Теоретическую основу нового феномена составляют классовый и поколенческий подходы. Рассмотрение молодости как жизненного этапа и постановка главным в этой проблеме преемственности поколений или ее отсутствия характерны для поколенческого подхода, изложенного в теории социализации (Т. Парсонс «О социальных системах», Ш. Эйзенштадт «От

поколения к поколению») и теории поколений (К. Манхейм «Диагноз нашего времени», Х. Ортега-и-Гассет «Избранные труды: Метод поколений в истории» и др.). По теории социально-культурной эволюции общества Т. Парсонса общество развивается от простых форм к более сложным. Возрастание способности к адаптации – главный фактор эволюции. Наибольшей адаптационной способностью наделена молодежная возрастная категория, которая в какие-то исторические периоды провозглашает безграничную свободу и обесценивает опыт предыдущих поколений, разрывает преемственность. Немецкий социолог и философ К. Манхейм, пытаясь выявить движущие силы исторического развития, которое, как он полагал, происходит не постепенно, а урывками, в процессе принятия поколенческой эстафеты отводит молодежи роль стимулятора исторических изменений. Она представлялась ему как некая общность, настроенная конфликтно по отношению к старшим и сплачиваемая общими переживаниями, эмоциями. По его мнению, программа действий молодежи заложена в самой биологической природе [3, с. 442]. Возрастные биологические особенности, отличающиеся от мира взрослых, – кипучая энергия молодости, дух сумасбродства, энтузиазм, склонность к экспериментаторству; в то же время молодых отличает и отсутствие твердых принципов, прочных убеждений, формирование которых возможно лишь с окончательным взрослением и становлением личности.

Начало XX в. стало переломным моментом истории, когда у индивидов обострилась необходимость самоутверждения. Особенно остро ощущается потребность найти точку опоры в разрушающемся мире, теряющем основополагающие ценности, казавшиеся незыблемыми. В этих условиях растерянное общество возлагает надежды на молодое поколение, к которому возрастает интерес. Характеризуя эпоху начала XX в. как переломную, нидерландский историк Й. Хейзинга дает ей определение «пуерильная» от введенного им в книге «Тени завтрашнего дня» термина «пуерилизм». Под ним понимается неразвитое и неиндивидуальное сознание, следствием которого становится пуерильное поведение, выражающееся в ненасыщаемой потребности в развлечениях, жажде сенсаций, тяге к массовым зрелищам, в превалировании эмоций над разумом [1, с.113]. Складывается впечатление, что Й. Хейзинга говорит о сегодняшнем времени. Во всяком случае между первым проявлением такого поведения в на-



чале прошлого века и настоящим временем мы не видим пропасти, разница лишь в ускорении и рекламе, господство которой начинается в 1950-е гг. В то же время Й. Хейзинга подчеркивает, что пуерилизм не тождественен культуре молодости, во все времена молодость – это свежесть сил, надежда на будущее, резерв будущего. Однако в гл. III произведения «Нынешний культурный кризис в сравнении с прежним» [1, с. 27], а произведение датируется 1935 г., мысль автора о том, что «здоровый дух не боится брать с собой в дорогу весомый груз ценностей прошлого», как нельзя лучше характеризует те времена, когда исчезает чувство принадлежности к исторической преемственности, вместе с которым исчезает и ценность опыта прошлого.

Молодежь придает первостепенное значение повседневности, ценности которой преобладают над ценностями прошлого. Мысль Хейзинги перекликается со взглядами лауреата Нобелевской премии К. Ц. Лоренца, описывающего в работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» «признаки глобального кризиса культуры, одним из которых он считает разрыв с традицией. Он (кризис культуры. – Ю. М.) наступает, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению больше не удастся достичь взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодежь обращается со старшими как с чужой этнической группой» [4, с. 58–59].

С наступлением культа молодости, «как говорит Ортега-и-Гассет, наступил культ тела, который является вечным симптомом молодого вдохновения в противоположность культу духа, культу разума – показателю старения» [5, с. 147].

Новым развлечением эпохи становится джазовая музыка, «общей характеристикой» которой «может стать танцевальность ритма, то есть нацеленность на развлекательность, пробуждающая исключительно радостные эмоции, актуальные в условиях сложной социально-политической, экономической обстановки XX века – революции, войны, экономических кризисов» [6, с. 13]. Необычные ритмы привлекали соответствием ритмам современной жизни, свободолюбию ее духа. При обращении к джазу возникает вопрос: возможно ли употреблять классические критерии эстетического, в основе которых – идеал возвышающей, объективно заданной красоты для характеристики облика джазового искусства, вышедшего из низовой афроамериканской культуры? Классическая музыка, основанная на эстетически возвышенном со-

знании, тяготеет к изысканной аполлонической области культуры. В. Конен характеризовала ее «как восходящую в своих истоках к возвышенному философскому характеру христианской литургии» [7, с. 94]. Искусство этого периода претерпевало сильные потрясения, прервавшие его многовековую эволюцию; его джаз, как обусловивший во многом и изменение вестиментарной моды. Урбанизация и демократизация художественной культуры XX в. обусловили развитие массового искусства, появление музыки третьего пласта как нового массового жанра. XX в. и в сфере эстетики был революционным, подвергая «расслоению ее целостное наполнение». Отстранившись от идеала возвышенной красоты, искусствоведы предлагают понимать под эстетикой принцип художественской позиции, в искусствоведческой лексике появляется новая разновидность эстетического, так называемая эстетика направления. В период пересмотра эстетических понятий предлагалось сосредоточивать взгляд лишь на уровне видения обывателя, отодвинув возвышающий идеал объективно заданной красоты. Джаз эстетически тяготеет к простому слушателю, стремится создать вместе с ним особый мир. Относительно него, на первый взгляд, можно говорить лишь о человеческом видении. «Атрибутом джаза как искусства и музыкального направления становится принципиально устная форма творчества, импровизация и перекрестный ритм» [6, с. 125]. Основанный на формах и канонах афроамериканской культуры, джаз становится символом свободы, объединяющим интернациональным стилем раскрепощенной жизни молодого поколения. «Это духовные христианские песнопения темнокожих американцев – госпел и спиричуэл – жанры, принесшие в это искусство дыхание возвышенного, чувство гармонического человеческого единения» [8, с. 180], что позволяет применять к джазу традиционно-эстетические понятия. Разделяя общество в социальном плане, он, прежде всего, стал видимой причиной разрыва поколений, который произошел в результате гораздо более глубоких процессов. Культ молодости способствовал смещению акцентов с пола на возраст. Как заметил Р. Барт, «в структурном плане юность выступает как сложный член оппозиции женское/мужское: она тяготеет к андрогинности» [9, с. 292].

Атмосфера свободы проявлялась во всем. Как отражение глобальных изменений, произошедших на сломе эпох, изменяются прежние идеалы женственности и их воплощение в эле-



гантности. Послевоенное время предполагало возвращение утраченной женственности, но парадоксальным образом воплощение новой женщины, свободной духовно и телесно, происходит в образе, похожем на мальчика, тяготеющего к андрогинной эстетике. Очевидно, что здесь произошел синтез с процессом эмансипации, предоставляющим женщине свободу выбора и проявления индивидуальности. Он получил название «Ля гарсон» по одноименному названию образа, созданного в романе Виктора Маргеритта [10]. Образ женщины-мальчика не был унисексуальным, в нем намечалось рождение новой женственности, близкой к андрогинности, в которой превалирует уплощение в области груди фигуры. Происходит смена эстетических идеалов женской внешности: подчеркивание красоты груди сменяется ее внешней нивелировкой. Элементы мужского стиля, короткая стрижка сближают представителей противоположных полов, как и поведение девушек, демонстрирующих свободу нравов, закрепленную ранее как мужское поведение. Общий процесс демократизации выразился и в отказе от драгоценных украшений, замененных на бижутерию. Р. Барт в эссе «От самоцветов к ювелирным украшениям» констатирует, что «секуляризация украшений обусловила их разрыв с миром *femme fatale*, позволивший женщинам присоединиться к роду человеческому» [11, р. 54–59]. Для танцевальных вечеринок использовались платья в стиле ар-деко с бахромой из нитей бисера по низу. «Это был последний «шикарный стиль» европейских столиц, сознательно ориентированный в прошлое» [12, с. 640].

Новое эстетическое прочтение красоты женского образа предполагало большую степень обнаженности, что достигалось укороченной длиной костюма, отсутствием рукавов. Поскольку декоративность все еще оставалась важнейшей частью композиционного оформления женского наряда, простота нового силуэта дополнялась великолепными бисерными рисунками, создающими сложность фактуры и обогащающими образное прочтение. Бисер заменил другие виды отделок, им украшали свои модели все известные французские дома моды, такие как Китмир, Шанель и др. Открытые платья для танцевальных вечеринок, дающие невиданную ранее свободу движений, стали своеобразной разграничительной чертой для женщин разных возрастов. Только молодежь могла легко следовать модным веяниям. Вошедший в моду

образ молоденькой девушки, как нельзя лучше отвечающий новым эстетическим идеалам красоты, оказался практически недостижимым для солидных дам. В арсенале последних еще не было возможностей пластической хирургии. Ускорившийся темп жизни, акцент на спортивные увлечения, быструю езду на автомобилях также способствовали еще большему разведению поколений. Об этом времени подробно рассказывается в работе петербургского искусствоведа О. Хорошиловой [13].

Заключение

Воздействие множества ценностей как существующих во все времена, так и новоявленных, вызвали явление культа молодости. К первым относится идеал равенства, ко вторым – дух современного искусства, культ спорта, возникновение нового молодежного направления развития моды и стилевых решений, неизвестных ранее. Эстетические ценности высокой моды с ее аурой роскоши утратили свое доминирующее влияние. Сформировалась иная, массовая культура, пропагандирующая гедонистические ценности, ее становлению во многом способствовали средства массовой коммуникации, новые виды досуга; эта культура была преимущественно молодежной, развиваясь с «постоянно нарастающим социальным принципом суверенной индивидуальности молодости, возведенной в культ» [14, с. 14]. Продолжение тенденций противостояния поколений, процветания массовой культуры, открытое неприятие молодежью господствующих ценностей общества вылились в контркультуру; она продолжила процесс осознанным поиском новых форм самовыражения при помощи художественных средств, принимавших все более эстетическую направленность.

Список литературы

1. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
2. Кузнецова Т. В. Диалектика эстетического: универсальное и своеобразное: учебное пособие М. : Издатель А.В. Воробьев, 2022. 244 с.
3. Манхейм К. Диалог нашего времени. Проблемы молодежи в обществе. М. : Юрист, 1994. 538 с.
4. Лоренц К. Ц. Обратная сторона зеркала / пер. с нем.; под ред. А. Гладкого. М. : Республика, 1998. 393 с.
5. Долгов К. М. От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М. : Искусство, 1990. 399 с.



6. Костюк Е. Б., Музалевская Ю. Е., Ястремский Т. С. Музыка и мода XX века: от субкультуры к массовости. СПб. : Нестор-История, 2021. 192 с.
7. Конен В. Д. Третий пласт. Новые массовые жанры музыки XX века. М. : Музыка, 1994. 160 с.
8. Амирханова С. А. Эстетика джаза: pro и contra // Проблемы музыкальной науки 2008. № 2 (3). С. 177–180.
9. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр.; вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М. : Издательство им. Сабашиных, 2003. 512 с.
10. История женщин на Западе : в 5 т. Т. 5 : Становление культурной идентичности в XX столетии / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб. : Алетейя, 2015. 622 с.
11. Barthes R. From Gemstones to Jewellery // The language of fashion. London : Bloomsbury, 2013. pp. 54–59.
12. Власов В. Г. Ар-Деко Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 8 т. Т. 1. СПб. : ЛИТА, 2000. 864 с.
13. Хорошилова О. А. Молодые и красивые. Мода двадцатых годов. М. : Этерна, 2016. 416 с.
14. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / пер. с фр. Ю. Розенберг. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
4. Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens. München, Zürich, R. Piper & co. Verlag, 1973. 338 S. (Russ. ed.: Lorents K. *Oborotnaya storona zerkala*. Moscow, Republica, 1998. 393 p.).
5. Dolgov K. M. *Ot Kirkegora do Kamu: Ocherki evropeyskoy filosofsko-esteticheskoy mysli XX veka* [From Kierkegaard to Camus: Essays on the European Philosophical and Aesthetic Thought of the twentieth century]. Moscow, Iskusstvo, 1990. 399 p. (in Russian).
6. Kostuk E. B., Muzalevskaya Yu. E., Yastremskiy T. S. *Muzika i moda XX veka ot subcultury k massovosty* [Music and Fashion of the Twentieth Century: From Subculture to Mass Culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021. 192 p. (in Russian).
7. Konen V. D. *Tretiy plast. Novye massovye zhanry muzyki XX veka* [The Third Layer. New Mass Genres of Music of the Twentieth Century]. Moscow, Muzyka, 1994. 160 p. (in Russian).
8. Amirkhanova S. A. The aesthetics of jazz: Pro and contra. *Problemy muzykalnoy nauki* [Music Scholarship], 2008, no. 2 (3), pp. 177–180 (in Russian).
9. Bart R. *Le système de la Mode*, Paris, Seuil, 1967. 215 p. (Russ. ed.: Bart R. *Sistema Mody. Stati po semiotike kultury*. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovukh, 2003. 215 p.).
10. *A History of Women in the West. Volume V. Toward a Cultural Identity in the Twentieth Century*. Cambridge, Belknap Press, 1994. 728 p. (Russ. ed.: *Istoriya zhenzhin na Zapade: v 5 t. T. 5 : Stanovlenie kul'turnoy identichnosti v XX stoletii*. St. Petersburg, Aleteya, 2015. 622 p.).

References

1. Huizinga Joh. In de schaduwen van morgen; Der Mensch und die Kultur; Geschonden wereld. Haarlem, "Tienk Vilink", 1935. 456 S. (Russ. ed.: Huisinga Joh. *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i cultua. Zatemnenny mir*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2010. 456 p.).
2. Kuznetsova T. V. *Dialectika esteticheskogo: universalnoe i svoeobraznoe* [The Dialectic of the Aesthetic: The Universal and the Peculiar]. Moscow, izdatel A. V. Vorobyev, 2022. 244 p. (in Russian).
3. Mannheim K. *Die Diagnose unserer Zeit. Die Probleme der Jugend in der modernen Gesellschaft. Die Schriften des Historischen Colleges*. Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, München, 1941. 538 S. (Russ. ed.: Manheim K. *Diagnoz nashego vremeni. Problemy molo-dezhi v sovremennom obshchestve*. Moscow, Yurist, 1994. 538 p.).
11. Barthes R. From Gemstones to Jewellery. *The language of fashion*. London, Bloomsbury, 2013, pp. 54–59.
12. Vlasov V. G. *Ar-deco. Bolshoy entsiclopedicheskiy slovar izobrazitel'nogo iskusstva: v 8 t. T. 1* [Art Deco. Large Encyclopedic Dictionary of Fine Art: in 8 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, LITA, 2000. 864 p. (in Russian).
13. Horoshilova O. A. *Molodye i krasivye. Moda dvadtsatikh godov* [Young and Beautiful. The Fashion of the Twenties]. Moscow, Eterna, 2016. 416 p. (in Russian).
14. Lipovetsky G. *L'empire de l'éphémère la mode et son destin dans les sociétés modernes*. Paris, Gallimard, 1987. 345 p. (Russ. ed.: Lipovetskiy G. *Imperiya efimernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 336 p.).

Поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 02.05.2024



Научная статья

УДК [316.3+28](470+571)

Интеграция исламских философско-правовых аспектов в парадигму социально-экономического развития России



А. В. Муратов

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Муратов Алексей Владимирович, преподаватель-исследователь, специалист по связям с общественностью управления международных коммуникаций, alieksiei.muratov.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4065-6448>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются социальная трансформация государственно-конфессиональных отношений, ее исторический аспект, позитивные и негативные тенденции их эволюции в условиях формирования современного российского общества. В качестве объекта исследования выступили социально-философские аспекты некоторых положений экономической модели, основанной на принципах ислама как одной из традиционных конфессий Российской Федерации. **Теоретический анализ.** Приведены теоретические основы данного вопроса в парадигме классической мусульманской мысли, а также примеры их применения в современном социально-экономическом поле российских регионов. Проанализированы философские обоснования рассматриваемых моделей социальных взаимоотношений с позиции исламской теологии. **Заключение.** Результатом данной работы являются выводы, согласно которым использование потенциала и наработок на базе социально-философского аспекта исламской теологии может послужить позитивным опытом включения исламских моделей в общероссийское социально-экономическое поле. Это будет способствовать эффективному развитию отраслей жизнедеятельности российского социума. Особую роль в данном процессе призвана сыграть интеграция конфессионального аспекта в парадигму социально-экономического развития России.

Ключевые слова: общество, социальная справедливость, экономика, философия, религия, ислам

Для цитирования: Муратов А. В. Интеграция исламских философско-правовых аспектов в парадигму социально-экономического развития России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 147–151. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-147-151>, EDN: GLPFCC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integration of islamic philosophical and legal aspects into the paradigm of social and economic development of Russia

A. V. Muratov

Yuri Gagarin Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Alexey V. Muratov, alieksiei.muratov.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4065-6448>

Abstract. Introduction. The article examines the social transformation of state-confessional relations, its historical aspect, positive and negative trends of their evolution in the conditions of the formation of modern Russian society. The object of the study was the socio-philosophical aspects of some provisions of the economic model based on the principles of Islam as one of the traditional denominations of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** The theoretical foundations of this issue in the paradigm of classical Muslim thought are given, as well as examples of their application in the modern socio-economic field of Russian regions. The philosophical justifications of the considered models of social relationships are analyzed from the standpoint of Islamic theology. **Conclusion.** The result of this work is the conclusion that the use of the potential and developments based on the socio-philosophical aspect of Islamic theology can serve as a positive experience of the inclusion of Islamic models in the all-Russian socio-economic field. This vector of development is designed to make progress in the spheres of life of the Russian society. And at the same time, the integration of the denominational aspect into the paradigm of socio-economic development of Russia has a special role to play.

Keywords: Society, social justice, economics, philosophy, religion, Islam

For citation: Muratov A. V. Integration of Islamic philosophical and legal aspects into the paradigm of social and economic development of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 147–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-147-151>, EDN: GLPFCC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Российский социум исторически сформировался в результате длительного процесса объединения полиэтнического и поликонфессионального конгломерата народов. На наш взгляд, первостепенное значение в направленности к единению представителей российских этносов имела идея справедливости, заложенная в религиозной традиции основных конфессий. На основе идеи равенства, благочестия и нравственного совершенствования порой, конечно, с проявлениями воинствующего атеизма в советский период нашей истории формировался единый советский народ [1]. Вряд ли приверженный справедливости человек найдет что-либо аморальное в моральном кодексе строителя коммунизма. Полагаем, что у человечества и нет иного пути выживания кроме построения справедливого общества. При этом важной и неотъемлемой частью является благочестие и нравственное совершенствование, в том числе в социально-экономическом сегменте взаимоотношений. Во всяком случае сейчас вполне очевидно, что западная цивилизация, поставившая во главу угла стремление к потреблению и оправдывающая разврат во всех его проявлениях, ведет человечество к гибели.

Теоретический анализ

В дореволюционной России, как и в других государствах того времени, общество было представлено господствующим и угнетённым классами. Представители господствующего класса Российской империи, к которому, прежде всего, относились дворяне, зачастую использовали религию для удержания своей власти, потому и не акцентировали внимание на идеях справедливости, составляющих этическую основу как христианства, так и ислама.

Первое время советского этапа российской истории характеризовалось господством атеизма. Часто преследовались и попадали под каток репрессий служители всех конфессий. Однако в свою очередь поддерживавшие советскую власть в большинстве своем верили в построение справедливого общества. Они отвергали Бога, но при этом руководствовались нормами справедливости, изложенными как в христианстве, так и в исламе. Вместе с тем советская культура ориентировала граждан на приоритетность общечеловеческих, гума-

нистических ценностей, демонстрирующих возвышение над эгоизмом и уважение к представителям других культур [2, с. 151].

Важно отметить, что преимущественно основой развития многих входящих в Российскую империю территорий являлись принципы исповедуемой большей частью населения религии ислама. Именно этот фактор регулировал практически все сферы жизни общества. Так, в Поволжье ислам был принят официальной религией на государственном уровне в 922 г. в Волжской Булгарии. На Кавказ он начал приходить уже в первые века своего распространения, примерно в VI в. Стоит отметить, что и после присоединения к России ислам оказывал значительное влияние на социальную и экономическую жизнь народов новой России. В качестве примера можно привести факт существования шариатских судов, в которых рассматривались имущественные, семейные споры, иногда уголовные дела, наделение функциями регистрации актов гражданского состояния представителей мусульманского духовенства и пр., встроены в систему государственного управления, вплоть до 20-х гг. XX в. уже в Советской России.

Постсоветский период и закрепление принципов свободы совести и вероисповедания положил начало ренессансу религиозных институтов. В свою очередь, наряду с обрядовыми практиками, стали активно возрождаться социальные, экономические, правовые и научные институты ислама. Обусловлено это тем, что в исламской традиции изначально заложена регламентация всех основных сфер жизнедеятельности общества [3, с. 269]. Представители мусульманских народов большое внимание уделяют соответствию своей повседневной жизнедеятельности нормам ислама. Преимуществом является то, что в основу этих норм заложены сакральные тексты, призывающие к индивидуальной и социальной справедливости. Известно, что предписания мусульман богословы условно разделяют на три категории: «ибадат» (поклонение), «муамалат» (мирские дела) и «укубат» (наказания) [4, с. 16].

Изучив социальный аспект теории исламского права, становится очевидным, что с этой позиции шариат выступает как универсальная система социального регулирования, охватывающая различные виды взаимоотношений [4, с. 16]. В свою очередь стоит отметить неприемлемость некоторых принципов социально-



го, экономического и правового устройства, практикуемых на официальном уровне, для представителей мусульманского сообщества России. Как пример в социально-экономической сфере это невозможность государственной регистрации брака с несколькими женами и как следствие – невозможность регулирования распределения материальных благ таких семей, права вступления в наследство, разрешение споров. В экономической сфере это неприемлемость процентного кредитования, ипотеки, ростовщичества и других спекулятивных инструментов, дозволенность работы только с реальными активами и др. В силу данных обстоятельств среди мусульманских обществ российских регионов в разной степени существует сложившаяся система реализации и регулирования социально-экономических отношений параллельно официальным государственным институтам. Вопросы реализации возможности применения социально-экономического аспекта учения ислама в условиях современного светского общества активно изучаются и прорабатываются в мусульманской научной среде [5, с. 3].

Изучение и оформление социально-экономической теории мусульманскими учеными берет свое начало в Средние века у классиков исламской философии, таких как Аль-Газали, Ибн Халдун и др. [6, с. 252]. Существуют некоторые базовые понятия, определяющие особенности исламской экономической модели:

1. Закят – налог, выплачиваемый при достижении определенного уровня благосостояния (нисаб), в пользу нуждающихся. Существует 7 категорий, в чью пользу распределяется данный налог, которые оговорены в тексте самого Священного Корана. Важно отметить, что закят является эффективным инструментом достижения социальной сплоченности и справедливости.

2. Рыба – ссудный процент, ростовщичество. Ислам категорически запрещает использование данного вида кредитования. Анти-социальная функция ростовщичества весьма очевидна. Примерами тому могут послужить многочисленные тупиковые ситуации, в которых оказываются люди, по тем, или иным причинам вовлеченные в процентные сделки. К большому сожалению, зачастую подобные ситуации приводят к трагическим последствиям – от распада семей до суицида. Кроме того, система ссудного процента, лежащая в основе экономической системы многих стран, периодически приводит к кризису в экономике [7].

3. Гарар – неопределенность относительно условий, предмета договора, в том числе цены. Виды сделок, содержащие гара, также категорически запрещены. В свою очередь, под определение «гарар» подпадают и лотереи, казино, азартные игры.

Для функционирования и регулирования экономических процессов в исламском мире выработан комплекс операций, механизмов и инструментов. Данные операции, механизмы и инструменты имеют ряд позитивных особенностей, позволяющих достичь основных принципов социальной справедливости и минимизации негативных последствий [6, с. 260].

Таким образом, использование потенциала и наработок на базе социально-философского аспекта исламской теологии может послужить позитивным опытом включения исламских моделей в общероссийское социально-экономическое поле, в том числе на фоне текущей политико-экономической ситуации, требующей замены западному направлению привлечения инвестиций [8, с. 65]. В ходе работы XII Международного экономического саммита «Россия – исламский мир: KazanSummit 2021» Президент Татарстана и председатель группы стратегического видения «Россия – исламский мир» Рустам Минниханов, приведя данные статистики, отметил, что во всех направлениях исламской экономики прогнозируется уверенный рост [9].

Стоит отметить, что на протяжении последних лет предпринимаются попытки оформления в российском правовом поле финансовых организаций, ведущих свою деятельность согласно исламским принципам и внедрения исламского банковского продукта в российскую банковскую систему.

С 1 февраля 2023 г. в соответствии с законом, одобренным Государственной думой РФ, проводится двухлетний эксперимент по внедрению исламского банкинга в Дагестане, Чечне, Башкортостане и Татарстане. В результате осуществленного в рамках данного исследования анализа финансовых изданий по состоянию на осень 2023 г. отмечаются как положительные тенденции данного эксперимента, так и вопросы, нуждающиеся в доработке. Так, в эксперименте приняли участие некоторые известные банки и финансовые организации. Среди популярных, социально значимых продуктов можно отметить банковские карты, исключающие начисление процента на остаток средств либо автоматически переводящие его на счета благотворительных организаций, оговоренных



в договоре. Данная карта не активна в объектах продажи алкогольной, табачной продукции в ночных клубах, организациях микрозаймов, потенциально являющихся триггерами социальной нестабильности.

Другим важным продуктом, пользующимся спросом у организаций, участвующих в эксперименте, является исламская модель жилищного кредитования. В основе данного продукта лежит договор «мурабаха», т. е. выкуп с продажей в рассрочку. При этом банк или финансовая организация производит покупку жилья, определяет по договоренности с покупателем его фиксированную стоимость и сроки рассрочки платежа. Проценты, комиссии, пени в данном случае полностью исключены, а окончательная стоимость не меняется. Таким образом, потребитель избегает социально негативных последствий, таких как неопределенность, вызванная колебаниями финансовой сферы, непредвиденное увеличение долговой нагрузки, коллекторские инструменты взимания тех самых комиссий, штрафов и пени. Также можно отметить услуги партнерского финансирования, где прибыль и риски распределяются между обеими сторонами договора.

Стоит подчеркнуть, что возможность использования данных продуктов не обусловлена конфессиональной, или этнической, принадлежностью и доступна абсолютно всем представителям российского социума.

Среди вопросов, нуждающихся в доработке, можно выделить некоторые разночтения терминов и понятий законодательной базы традиционных финансовых организаций и банковского сектора и исламской экономики. Следует отметить, что подобные формы социально-экономических отношений практикуются на территории нашей страны давно, однако сейчас только начали оформляться в правовом поле. Невовлеченность мер социальной государственной поддержки, таких как материнский капитал, жилищные сертификаты и другие, в данный сегмент также нуждается в проработке.

Активно обсуждаются возможности и пути реализации принципов исламской экономики в российском социально-экономическом пространстве. В частности, анализируются экономические выгоды исламских финансов [10]. В научных кругах активно проводятся исследования, подтверждающие, что финансовые продукты, происходящие из исламской социально-экономической модели, являются востребованными и конкурентоспособными [11].

Заключение

Полагаем, что нам не следует отклоняться от пути построения справедливого общества, но идти по нему следует с верой в Бога. На примере социально-экономического аспекта показано, что в исламе содержится много идей, которые могут быть весьма полезны при построении справедливого, консолидированного российского общества. Из вышесказанного также следует, что Россия имеет богатую социокультурную основу, палитру которой составляют достижения цивилизаций, вошедших в ее состав. Многие из этих достижений несправедливо отвергнутые в прошлом, находят свое применение в современных реалиях. Очевидно, что данный вектор развития призван к осуществлению прогресса в отраслях жизнедеятельности российского социума. Особую роль в этом может сыграть интеграция конфессионального аспекта в парадигму социально-экономического развития России.

Список литературы

1. Мозжилин С. И. Идея справедливости и гражданственность в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 382–386. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-382-386>
2. Мозжилин С. И. Совесть и идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 148–152. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>
3. Ахунов А. М., Ахмадуллин В. А., Беккин Р. И., Долгов Б. В., Емельянов А. Л., Ефимова Л. М., Рыжкова Е. А., Сапронова М. А., Сурков Н. Ю., Суворова Ю. К., Ходынская-Голенищева М. С. Ислам в мировой политике в начале XXI века : учебное пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. М. : МГИМО-Университет, 2016. 345 с.
4. Кулиев Д. Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. № 1. С. 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-1-13-25>
5. Агамов А. А. Исламский фактор и социально-экономические процессы на Северном Кавказе: На примере Республики Дагестан: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 148 с.
6. Ахтямов Н. С. Исламская экономическая модель: концептуальные и теоретические основы // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 15. С. 252–261.
7. Анохов И. В. Роль ростовщичества в экономике // Baikal Research Journal. 2010. № 6. URL: <http://brj-bqueer.ru/reader/article.aspx?id=13935> (дата обращения: 30.04.2024).



8. Зарипов И. А. Исламские финансы в России: проблемы становления и пути их решения // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 64–74.
9. Минниханов: объем активов исламской экономики к 2024 году должен вырасти до \$3,7 трлн // tass.ru. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12017707> (дата обращения: 11.01.2023).
10. Чокаев Б. В. Исламские финансы: возможности для российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 6. С. 106–127. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-6-106-127>
11. Нагимова А. З. Исламские финансы в России: взгляд участников рынка // Вопросы экономики. 2021. № 5. С. 74–90. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-74-90>
4. Kuliev D. T. Sharia and Fiqh: Concept, sources and relation. *Islamovedeniye* [Islam Studies], 2020, no. 1, pp. 13–25 (in Russian). <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-1-13-25>
5. Agamov A. A. *The Islamic Factor and Socio-Economic Processes in the North Caucasus: On the Example of the Republic of Dagestan*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2006. 148 p. (in Russian).
6. Akhtyamov N. S. Islamic Economic model: Conceptual and theoretical foundations. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo"* [RGGU Bulletin. Series "Economics. Management. Law"], 2013, no. 15, pp. 252–261 (in Russian).
7. Anokhov I. V. The role of usury in the economy. *Baikal Research Journal*, 2010, no. 6. Available at: <http://brj-bquep.ru/reader/article.aspx?id=13935> (accessed April 30, 2024) (in Russian).
8. Zarirov I. A. Islamic finance in Russia: Problems of formation and ways to solve them. *Mir novoy ekonomiki* [The world of New Economy], 2016, no. 2, pp. 64–74 (in Russian).
9. Minnikhanov: ob'єм aktivov islamskoy ekonomiki k 2024 godu dolzhen vyrasti do \$3,7 trln (Minnikhanov: The volume of assets of the Islamic economy should grow to \$3.7 trillion by 2024). In: *tass.ru*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/12017707> (accessed January 11, 2023) (in Russian).
10. Chokaev B. V. Islamic finance: Opportunities for the Russian economy. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 6, pp. 106–127 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-6-106-127>
11. Nagimova A. Z. Islamic finance in Russia: Evidence from market participants. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2021, no. 5, pp. 74–90 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-74-90>

References

1. Mozzhilin S. I. The idea of justice and citizenship in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 382–386 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-382-386>
2. Mozzhilin S. I. Conscience and ideology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 148–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>
3. Akhunov A. M., Akhmadullin V. A., Bekkin R. I., Dolgov B. V., Emel'yanov A. L., Efimova L. M., Ryzhkova E. A., Saponova M. A., Surkov N. Yu., Suvorova Yu. K., Khodynskaya-Golenishcheva M. S. *Islam v mirovoy politike v nachale XXI veka* [Efimova L. M., Saponova M. A., eds. Islam in World Politics at the beginning of the XXI century]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2016. 345 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 02.05.2024
 The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 152–156

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 152–156

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-152-156>

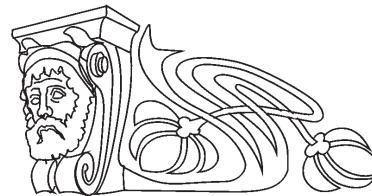
EDN: GUUYZA

Научная статья

УДК 140.8:141.132

Методология гармонической конвергенции для мировоззрения универсализма

С. П. Мякинников



Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28

Мякинников Сергей Петрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, msscaph@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7640-8374>

Аннотация. Введение. Статья посвящена методологическим вопросам формирования мировоззрения универсализма, исключающим редукцию единого, целого, многого и части друг к другу. Ограниченные, односторонние типы мировоззрений холизма, меризма и генологического типа допускают такую редукцию, исключая выбор оптимального, устойчивого со-развития природы, общества и человека. **Теоретический анализ.** Проводится компаративный анализ мировоззренческо-методологических установок холизма, меризма и единого центра с целью выявления их редукционистских крайностей. В качестве их замены предлагается новый вариант мировоззрения универсализма (постхолизм), формируемый методологическими средствами, исключающими абсолютизацию единого, целого или частей. Основными такими средствами позиционируются понятие «единое целое в единичной части», процедура «гармонической конвергенции» и принцип «норедукционизма», которые обеспечивают тенденцию к сплавленности смыслового содержания понятий единого, целого, единичного, уникального. **Заключение.** Формулируется вывод о том, что, благодаря данным инструментам, мировоззрение постхолизма способно нивелировать методологические недостатки холизма, механицизма, элементаризма, индивидуализма, генотеизма и других мировоззренческо-методологических платформ. Это позволяет осуществить соразмерное взаимодействие в ходе развития единого (фундаментальных законов бытия), целого (общества) и части (человека).

Ключевые слова: единое, целое, мировоззрение, холизм, универсализм, гармоническая конвергенция

Для цитирования: Мякинников С. П. Методология гармонической конвергенции для мировоззрения универсализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 152–156. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-152-156>, EDN: GUUYZA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The methodology of harmonic convergence for the worldview of universalism

S. P. Myakinnikov

Kuzbass State Technical University, 28 Vesennaya St., Kemerovo 650000, Russia

Sergey P. Myakinnikov, msscaph@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7640-8374>

Abstract. Introduction. The article is devoted to methodological issues of the formation of the worldview of universalism, excluding the reduction of the one, the whole, many and a part to each other. Limited, one-sided types of worldviews of holism, merism and the genological type allow such a reduction, excluding the choice of optimal, sustainable co-development of nature, society and a man. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of the ideological and methodological attitudes of holism, merism and onecentrism is carried out in order to identify their reductionist extremes. As their replacement, the author proposes a new version of the worldview of universalism (postholism), formed by methodological means that exclude the absolutization of a one, whole or parts. The main means of such kind are the concept of a «one whole in a single part», the procedure of «harmonic convergence» and the principle of «non-reductionism», which ensure a tendency to fusion of the semantic content of the concepts of a one, whole, singular, and unique. **Conclusion.** The conclusion is made that, thanks to these tools, the worldview of postholism is able to neutralize the methodological flaws of holism, mechanicism, elementarism, individualism, henotheism, and other ideological and methodological platforms. This allows for a proportionate interaction in the course of the development of a one (fundamental laws of being), a whole (society) and a part (person).

Keywords: one, whole, worldview, holism, universalism, harmonic convergence

For citation: Myakinnikov S. P. The methodology of harmonic convergence for the worldview of universalism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 152–156 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-152-156>, EDN: GUUYZA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Актуальность и значимость проблем единства многообразия форм бытия и его целостности, а также уникальности каждого отдельного объекта, его самоценности несомненны и очевидны. Тем не менее все больше осознается, что данная проблематика гораздо шире, так как история показывает невозможность единого, целого, многого и единичного заменить друг друга. По мере развития цивилизации все более необходимым признается их сопряжение во взаимном дополнении друг к другу. Эта тенденция усматривается в нацеленности на достижение соразмерности развития отраслей познания, взаимоучета задействованных исследователями методов и оптимальной согласованности темпов функционирования различных областей и сторон жизни общества, конкретной личности, процессов со-развития социальных и природных структур.

Думается, что для адекватной реализации этой тенденции следует повысить степень осознанности человека с помощью формирования у него наиболее соответствующего действительности мировоззрения. Сознательная жизнь людей упорядочивается и проясняется посредством формирования соответствующей реальности специфики их мировоззрения, картины мира, во многом определяя мысли, чувства и действия.

Для решения обозначенной проблемы требуется мировоззрение универсалистского типа и соответствующая ему методология исследования действительности. Миропонимание универсализма призвано повысить степень осознанности человека через переосмысление сопряженных понятий целого и единого посредством особых методов. Это позволит привнести в картину мира вместе с учетом единства всего многообразия форм бытия моменты индивидуации отдельной части при одновременном признании цельности объектов.

Такое фиксирование в единичном, многом и целом единого и равнозначное учитывание уникальности единицы в последнем, в системе, в единстве множества, целостности требует не столько структурного синтеза, интеграции частей, сколько их подлинного функционального сближения, конвергенции с целью отображения динамики связей, отношений соответствующей действительности, баланса между ними, гармонии всего со всем и каждым в природе, обществе, человеке. По сути речь идет о своего

рода методологии гармонической конвергенции, в наибольшей мере соответствующей мировоззрению универсализма.

Теоретический анализ

Выделим следующие типы мировоззрений по признаку сопряжения интересующих нас категорий единого, целого, многого и единичного: меризм, холизм и генологический тип. Мировоззрение меризма отличается редукцией качеств целого к качествам его частей, абсолютизацией последних, игнорированием, принижением характеристик целостности или единства при рассмотрении объекта как целого или единого [1]. При этом происходит замена целостности любого объекта и его единства свойствами отдельных единиц в составе множества частей (атомизм, элементаризм) или их суммарными, аддитивными качествами (механицизм, партикуляризм), склонностью к сегментарности, дискретности. Наиболее ярко мировоззренческий меризм проявляется в формах радикального редукционизма, отрицающего особые качества сложного объекта. Партикуляризм заключается в склонности к обособлению, разобщению частей внутри целого, а радикальный элементаризм (атомизм) способен усмотреть лишь отдельные единицы, а не их единство или целостное образование. Такая логическая процедура автономизации частей в целом при акценте на их состав сопровождается позиционированием самого целого бессодержательной, абстрактной формой. Механицизм больше акцентируется на квантификацию, на количественные показатели и параметры любых статических и динамических связей изменяющегося объекта, эксплицируемого как конгломерат, механический комплекс, а не система, интегративная структура. Мировоззрение меризма, например, в форме крайнего индивидуализма превалирует в Западных странах.

Холистическое мировоззрение рассматривает мир, человека, их отношения как целое [2]. Выделяются следующие важнейшие особенности мировоззрения холизма: догматизация взглядов на объект как на целое и редукция качеств его частей к качествам целого; абсолютизация характеристик целостности и умаления; недоучет характеристик уникальности каждой части, качеств отдельных частей и качеств их единства; замена обоснования объекта как единого его интерпретацией только как целого (т.е. наделенного свойствами интегрированности, эмерджентности, системности, синергии); игнорирование



или недооценка значения суммации частей, их качеств во множестве (многого), феноменов механицизма и элементаризма; большая чем в меризме тенденция к непрерывности, континуальности; преувеличенный квантитатизм; гипертрофия количественно-структурных характеристик перед качественно-функциональными; уклон в коллективном сознании социума в сторону тоталитаризма, политического абсолютизма. От этих крайностей не свободны современное научное познание, процессы социально-политического, культурного развития общества, значительное количество его представителей. В частности, в онтологии преобладает системный подход (вариация целостного), который не позволяет усмотреть за целым индивидуальность части, а также пребывающее в целом и части единое.

Мировоззрение «всеединства» основывается на генологии. Генологические версии мировоззрения – атеистический едиоцентризм и религиозный едиоцентризм (или генотеизм) выражают метафизику единого с целью изучения демаркации между бытием природы и инобытием сверхприродного единого (Бога, монады, информационного поля, космического разума и др.). Суть мировоззрения едиоцентризма [3] выражают такие черты, как редукция качеств целого и частей к качествам единого и абсолютизация последних; нерассмотрение причин, предпосылок возникновения индивидуальных свойств у частей, детерминируемых единым; абсолютизация временной бесконечности, пространственной непрерывности функционирующего единого объекта; приоритетный квалитатизм, преимущественный учет качественно-функциональных характеристик и недоучет, игнорирование количественно-структурных особенностей объекта; гипертрофия абстрактности, схоластичности абсолютизируемого единого, ведущая к крайне метафизической интерпретации материального мира; монистическая попытка устранения мыслительной бинарности всего, разделения на составляющие, противоположности путем непосредственного выведения существующего из божественного Первоисточка при полной или преимущественной замене автономии целого, многого и единичного абсолютным одним от Абсолюта. Методологический подход, выявляющий единое, до сих пор остается за рамками науки, так как отождествляется с метафизикой и мистикой, включая религию.

Общее движение мысли ведет от обнаружения ограниченности мировоззрений меризма, холизма и едиоцентризма к поиску взаимосвязи

их составляющих для формирования более соответствующего реальности миропонимания. Такое расширение воззрений на мир обнаруживает концепт единого в целом через части, оформляемый в понятии «единое целое в единичном (любой части)». Смысловая специфика данного понятия формируется под влиянием смыслов конвергируемых понятий «единое», «целое» и «часть».

Рассмотрим кратко основные пары коррелятов этих понятий: целого и части, единого и части, единого и целого, единого целого и части, а также соотношения общего (складывающегося из множества единичностей) и уникального в части. В соотношении целого и части имеет место не только проявленность целостности (главного качества целого) в свойствах каждой единичной составляющей целого, но и обратное влияние всего множества качеств частей на свойства целого. Подобным образом складываются коррелятивные связи между единым и частью. Однако есть отличие в том, что прежде единое, а не целое просматривается в уникальных качествах единичной части через общее (единое во многом), единство (атрибут единого). В паре единого и целого при сохранении своеобразной реципрокности (взаимодополняемости, взаимоосуществимости) их отношений все же превалирует генезисная зависимость целого от единого. Единое играет решающую роль в формировании качеств целого, целостности. Это указывает на субстанциональную первичность единого и вторичность целого. Однако целое, в свою очередь, способно, как бы «последействуя», вносить качественные коррективы в смысловое поле единого. Корреляции единого и целого позволяют выделять особое значение, коннотацию термина «единое целое», которое берется за основу. Отклоняющееся значение термина «единое целое в части» возникает в ходе деривации от основного значения термина «единое целое» благодаря тому, что учитывается зависимость от признаков сопряженных единого и целого качеств отдельной части (в том числе уникальных) и обратное влияние последних на качества понятия-сплава единого целого. Наконец, самобытные качества единичной части структурно и функционально коррелируют с качествами этой части, являющимися общими для всего множества частей целого. Плотная сеть взаимосвязей характеристик, свойств единого, целого, многого и уникальной части любого объекта (от мира до атома) служит онтологической предпосылкой для выделения понятия «единое целое в части».



Таким образом уже в термине «единое целое в части» обнаруживается подлинный нонредукционизм, максимальная степень рядоположенной взаимопроникновенности бесконечного множества форм бытия, в отличие от терминов «целое», «часть» и «единое». Методологический принцип нонредукционизма позволяет исключить редукционистскую абсолютизацию, крайние односторонности в структуре любого объекта.

Взаимопроникновение смыслового содержания понятий «единое», «целое» и «часть» обеспечивается методологическим арсеналом гармонической конвергенции, основными инструментами которой служат процедура оптимизации и процедура конвергенции. Благодаря оптимизации обеспечивается наилучшее согласование процессов функционирования составляющих объекта, их сбалансированность между собой, которые и выражаются в связях понятий единого, целого, много, части, тогда как конвергенция предопределяет оптимизацию путем динамики сближения, сплавления, взаимного пронизывания изменяющихся частей данного объекта. В этом случае в смысловом поле понятия «единое целое в (единичной, уникальной) части» обнаруживаются проявления единого в структурных единицах посредством фиксации функциональных «единственностей» в рамках интегрированного целого, целостности.

Авторская конкретизация смысла понятия «единое целое» облегчает возможность его методологического применения для создания категориально-понятийного аппарата альтернативного меризму, холизму и едиоцентризму нового мировоззрения универсализма [4, 5]. Предлагаем назвать последнее «постхолизмом» [6], указывая на большую широту пространства смысла, чем у понятий меризма (фиксирующего лишь отдельные части или их сумму), холизма (создающего акцентуацию на целом, составленном из многих частей) и едиоцентризма (означающего преимущественно единое). Постхолизм можно рассматривать в качестве одной из конкретизаций концепта универсализма.

Заключение

Итак, позиционируемая в статье мировоззренческо-методологическая платформа универсализма (обозначенная как постхолизм) позволяет фиксировать единое, а также целостность в единичной структуре, в отдельной части. С ее помощью становится возможным существенно нивелировать острые редукционистские углы

меризма, холизма и едиоцентризма, устранить крайности их частных позиций, мешающие оптимизации картины мира и устойчивому развитию общества, личности. Это означает надделение постхолизма как мировоззрения потенциалом нонредукционизма. Подлинный нонредукционизм в связке с гармонизацией предельно сближенных, конвергируемых категорий единого, целого и части выявляется в репрезентируемом в роли философской категории, основополагающем в данной форме мировоззрения понятии единого целого в единичном. Это понятие следует представлять специфической коннотацией понятий «единое», «целое» и «часть». Сущность данной коннотации состоит в установлении смысловой корреспонденции между целым, единым и частью в структуре, а также между множественностью, единством, общим, целостностью и неповторимой единичностью в структуре, функционировании и развитии любого объекта путем задействования процедуры гармонической конвергенции основных значений понятий единого, целого и части. Это оттеночное, дополнительное значение постхолистического термина «единое целое в части» не соответствует объемам денотации концептов целого, единого и части в холизме, едиоцентризме и меризме соответственно. Сам термин «единое целое в части» выступает в данном смысловом контексте итогом деривации (отклонения) от главных значений терминов «целое», «единое» и «часть».

В свете изложенного необходимо выделить следующие уточненные достоинства предлагаемой мировоззренческой позиции постхолизма:

- паритетность максимально широко рассматриваемых единичного, уникального и целого, единого в сопряжении их друг с другом;

- обоснованность появления целостности при интеграции частей целого из их суммы;

- обоснованность наличия единого посредством его свойств в каждой части, во всем множестве частей и в самом целом;

- подлинная нондистинктивность, доходящая до нонредукционизма (максимальное устранение редукции частей, целого и единого друг к другу);

- устранение абсолютизации односторонних квалитатизма и квантитатизма как функционально-качественного и структурно-количественного методологических подходов;

- допущение в едином целом сосуществования разобобщенных единиц и континуальной среды, физического и иноматериального, вне материального, объективной и субъективной реальностей;



равнозначный учет энергии и вещества в роли качественно различающихся носителей, акторов информации как в твердо материальных, так и в иных измерениях мира.

Список литературы

1. Внутских А. Ю., Панов В. Д. О потенциале принципов холизма и меризма в развитии фундаментальных физических теорий // Новые идеи в философии. 2016. № 3. С. 13–19.
2. Погужина Н. Н., Савченко И. А. Холизм и редукционизм как базовые понятия и методологические принципы социально-философских исследований // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 43–46. <https://doi.org/10.31857/S004287440003618-4>
3. Мокий В. С. Методология научных исследований. Трансдисциплинарные подходы и методы. 2018. URL: https://studme.org/252881/filosofiya/metodologiya_nauchnyh_issledovaniy_transdistsiplinarnye_podhody_i_metody (дата обращения: 09.02.2024).
4. Гапрушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2010. 291 с.
5. Щекова Р. Р. Мировоззренческий универсализм Б. Н. Чичерина: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010. 183 с.
6. Мьякинников С. П. Новая мировоззренческо-методологическая платформа со-развития общества и природы: постхолизм // Манускрипт. 2023. Т. 16, вып. 4. С. 255–263. <https://doi.org/10.30853/mns20230052>

References

1. Vnutskikh A. Yu., Panov V. D. On the potential of holism and reductionism principles in the development of fundamental physical theories. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 2016, no. 3, pp. 13–19 (in Russian).
2. Pogozhina N. N., Savchenko I. A. Holism and Reductionism as Basic Methodological Principles in Social Research. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 1, pp. 43–46 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440003618-4>
3. Moki V. S. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy. Transdisciplinarnye podkhody i metody* (Methodology of scientific research. Transdisciplinary approaches and methods), 2018. Available at: https://studme.org/252881/filosofiya/metodologiya_nauchnyh_issledovaniy_transdistsiplinarnye_podhody_i_metody (accessed February 5, 2024) (in Russian).
4. Gaprushkin V. E. *Humanistic Universalism as a Paradigm of Worldview*. Diss. Dr. Sci. (Filos.). Ivanovo, 2010. 291 p. (in Russian).
5. Shchekova R. R. *B. N. Chicherin's Worldview Universalism: Historical and Philosophical Analysis*. Diss. Cand. Sci. (Filos.). Ekaterinburg, 2010. 183 p. (in Russian).
6. Myakinnikov S. P. A new worldview-methodological platform for the co-development of society and nature: Postholism. *Manuskript* [Manuscript], 2023, vol. 16, iss. 4, pp. 255–263 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/mns20230052>

Поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 157–161

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 157–161

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-157-161>

EDN: YBBHFC

Научная статья
УДК [111.32+159.9]:004



Эскапизм как предмет философской рефлексии

М. Д. Напсо

Северо-Кавказская государственная академия, Россия, 369000, г. Черкесск, ул. Ставропольская, д. 36

Напсо Марианна Давлетовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, napso.marianna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Аннотация. Введение. Трансформации технологического характера углубляют процессы диджитализации, охватившие своим воздействием пространство жизни индивида и социума, придали эскапизму как форме существования и поведенческой стратегии новое звучание. Виртуальные практики стали важнейшей составляющей жизни и деятельности индивида, создали условия, которые усилили эскапистские тенденции и настроения. **Теоретический анализ.** Социальное явление эскапизма, в том числе цифрового, – предмет междисциплинарных исследований, что связано со сложностью и амбивалентностью данного феномена. В центре научно-исследовательского интереса сущность эскапизма, процессы формирования эскапистского сознания и мировоззрения, влияние исторического и социального контекстов на эволюцию и востребованность эскапистских практик. **Заключение.** Эскапизм является специфическим средством ухода от обыденности жизни в мир инореальности. Существующие различия в оценках идеологии эскапизма позволяют раскрыть ее противоречивый характер, который заключается в наличии в нем негативных моментов, формирующих пространство зависимости (в том числе цифровой), и позитивных составляющих, способствующих развитию сферы воображения, благодаря чему происходит более глубокое понимание подлинной реальности, осознание ее доминирующей роли для бытия индивида.

Ключевые слова: эскапизм, цифровой эскапизм, инореальность, симулякр, симуляция

Для цитирования: Напсо М. Д. Эскапизм как предмет философской рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 157–161. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-157-161>, EDN: YBBHFC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Escapism as a subject of philosophical reflection

M. D. Napso

North-Caucasus State Academy, 36 Stavropol'skaya St., Cherkessk 369000, Russia

Marianna D. Napso, napso.marianna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Abstract. Introduction. Technological transformations and the expanding processes of digitalisation, which have encompassed the space of an individual and social life, have given a new meaning to escapism as a form of existence and behavioural strategy. Virtual practices have become the most important component of life and activity of an individual and have created conditions that have strengthened escapist tendencies and moods. **Theoretical analysis.** The social phenomenon of escapism, including digital escapism, is the subject of interdisciplinary research due to the complexity and ambivalence of this phenomenon. In the centre of research interest there is the essence of escapism, the processes of formation of escapist consciousness and worldview, the influence of historical and social contexts on the evolution and demand for escapist practices. **Conclusion.** Escapism is a specific means of escape from the everyday life into the world of other-reality. The existing differences in assessments of the ideology of escapism allow us to reveal its contradictory nature, which consists in the presence of negative aspects that form the space of dependence (including digital), and positive components that contribute to the development of the sphere of imagination, thanks to which there is a deeper understanding of the true reality, awareness of its dominant role for the existence of an individual.

Keywords: escapism, digital escapism, inoreality, simulacrum, simulation

For citation: Napso M. D. Escapism as a subject of philosophical reflection. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 157–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-157-161>, EDN: YBBHFC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Феномен эскапизма как философской категории и как социального явления всегда был и остается предметом научных размышлений, в особенности в современных условиях глобального воздействия цифровых технологий на бытие индивида и общества. В самом общем виде эскапизм (в рациональном и психо-эмоциональном смыслах) есть ничто иное, как бегство от реальности, порожаемое различными условиями и факторами. Тотальное господство IT-технологий, универсальный характер их применения, вызываемые ими тектонические сдвиги придали новое звучание эскапизму как модусу существования.

Одновременно он выступает в качестве способа преодоления возможных угроз, когда выходом из создавшейся для индивида ситуации является бегство от реального мира, наполненного сложностями, противоречиями, трудно разрешимыми проблемами. Стремление выйти за пределы привычного, устоявшегося, рутинного является для многих мотивирующим трендом, хотя этот «уход» не всегда означает бегство в мир идеальных и совершенных сущностей. Не последнюю роль в этих мотивациях играют факторы, сопровождающие индивида: одиночество, заброшенность, ненужность, утрата сущностных аспектов жизни, бытие под давлением и диктатом технических средств и достижений являются теми объективными основаниями, которые придают эскапизму востребованность, более того – некоторую привлекательность. Бегство от реального мира с помощью цифровых технологий (так называемый киберэскапизм) становится экзистенциальным трендом существования достаточно большого числа людей, и с этим обстоятельством трудно не считаться. Дистанционные практики, став неотъемлемой частью повседневности и профессиональной деятельности, привели к возникновению особого социального, культурного и нравственного пространства, драйвером которого стали современные технологии. Их востребованность объясняется наличием в них разнообразного контента – эвристического, прагматического, научного, развлекательного и т. д. Индивид становится участником широкого спектра связей и взаимодействий, благодаря которым он получает дополнительные возможности для самовыражения и самоидентификации, а его жизнь наполняется новыми смыслами и значениями. Одновременно создается мир иллюзий

и симулякров, которые нередко воспринимаются как идентичные реальным переживаниям.

Все это делает необходимым анализ феномена эскапизма как социального явления, испытывающего на себе воздействие процессов цифровизации. Виртуальный мир, став частью существования современного человека, не только трансформирует само явление эскапизма, но и создает новые угрозы, касающиеся в первую очередь идентичности, которая в потоке информации, не всегда поддающейся рациональному осмыслению, способна утратить свою уникальность. Киберсреда, с одной стороны, создает исключительные возможности и перспективы для развития творческих потенций индивида, а, с другой стороны, является «опасным» местом, создающим риски утраты аутентичности. Когда зависимость человека от мира виртуальных феноменов становится абсолютной, когда реальность преломляется и «перереформируется» в виртуальность, эскапизм становится формой разрешения возникающих дилемм, решение которых в представлении многих может быть осуществлено быстрее и продуктивнее, чем в реальном мире.

Теоретический анализ

Феномен эскапизма относится к числу проблем, которые стали актуальными и востребованными научным знанием. Сложность и противоречивость данного социального явления свидетельствуют о необходимости его всестороннего анализа, который возможен на основе применения междисциплинарного подхода, что связано в первую очередь, как считают специалисты, с «размытостью, многозначностью самого понятия» [1, с. 183]. Этим объясняется, возможно, все возрастающий интерес к явлению эскапизма со стороны исследователей – философов, психологов, IT-специалистов, социологов, культурологов. Диджитализация, охватив своим воздействием пространство жизни социума и индивида, привела к появлению новых форм эскапизма, эскапистского сознания и мировоззрения, эскапистского поведения, сформировалось понятие «эскапистский опыт», которые, вместе взятые, требуют научного осмысления. Реалии жизни создают условия для эскапизма, и данное обстоятельство прослеживается в процессе исторической эволюции. Не подлежит сомнению факт того, что социально-исторический контекст вызывает к жизни те или иные формы эскапизма. Не стал исключением и современный век, по праву именуемый цифровым.



Эскапизм относится к числу социальных феноменов, которые характеризуются универсальностью, присутствием повсюду, тем более что, по мнению эскаписта, реальный мир и мир воображаемый, наполненный иллюзиями разного характера и степени воздействия, находятся во взаимосвязи, воздействуя друг на друга самым противоречивым образом. Всесторонний анализ идеологии эскапизма может быть осуществлен, как уже отмечалось через использование междисциплинарных практик, поскольку интерпретации и характеристики эскапизма четко не определены в силу его сложной социальной природы и вызываемых им неоднозначных последствий. Определения эскапизма в терминах «нейтральный», «плохой» («негативный»), «хороший» («позитивный»), «умеренный», «радикальный» свидетельствуют о его амбивалентной природе, существовании в разнообразных формах, множественности порождающих его причин. Бегство от физического мира может и порождается объективными и субъективными условиями, факторами различного содержания и характера воздействия.

Эволюция человеческой истории знает множество способов бегства от реальности, возникновение которых связано со спецификой социально-исторического, экономического и культурного времени, которое и определяет основные характеристики эскапизма и формы его проявления. Эскапизм – это специфическая стратегия поведения индивида или групп индивидов, благодаря которой осуществляется переход из мира реальности в мир воображаемых сущностей, которые вытесняют и компенсируют «агрессию и негативизм физического и социального мира» [2, с. 141]. В процессе «эскапистской деятельности» формируется соответствующий опыт, который позволяет индивиду успешнее интегрироваться и адаптироваться к условиям инореальности, окунуться в мир фантазий и иллюзий. В представлении эскаписта реальный мир и воображаемая реальность находятся во взаимосвязи и этим подчеркивается «универсальная природа эскапизма как имманентная для сущности человека, когда под действием обстоятельств личность внутренне себя изолирует от социума» [3, с. 53].

В этом явлении видятся как плюсы, так и минусы. С одной стороны, эскапистские практики предлагают выбор стратегий поведения, упрощающих восприятие реальности, а, с другой стороны, они создают пространство несвободы, которое ограничивает возможности индивида.

Эта несвобода проявляется в том, что иллюзии оказывают захватывающее воздействие, наполняют сознание индивида и социума в целом впечатлениями, которые не обладают реальным содержанием. Итогом этого становится формирование искаженных представлений о мире и происходящих в нем процессах, человек перестает трезво и адекватно оценивать их, тем самым становясь заложником мира придуманных сущностей. Когда реальность замещается вымыслом, подлинные чувства перестают быть настоящими, возникают симулякры, которые, деформируя сферу сознания, приводят к разрушению индивидуального и социального мира, где «бал» правит инореальность с присущими ей символами и знаками. Тем самым происходит ослабление внутренних потенций индивида, препятствующее процессам его самореализации. Так эскапизм становится негативной девиацией, поскольку происходит замещение реальности иллюзорным миром: индивид «строит» собственный мир, в котором легче находятся ответы на многие вопросы как личной жизни и не только. Формирующаяся видимость реальности приводит к тому, что «всякая переживаемая правда теряется за реальным присутствием лжи, которая обеспечивается самой организацией видимости. Человек безропотно переносит свою участь, заключающуюся в отчуждении собственной... жизни...» [4].

Можно предположить, что жизнь в таком мире обладает некоторой привлекательностью, которая делает ее более комфортной в широком смысле этого слова, более свободной от сложностей и трудностей бытия. Ведь жизнь в придуманном мире снижает остроту восприятий, формирует чувства апатии и безразличия ко всему тому, что тревожит и создает угрозы всякого рода. Следует подчеркнуть, что одновременно у индивида снижается способность трезво оценивать суть происходящих явлений, уменьшается интерес к «имманентной сути вещей при увеличении интереса к ее образу» [5, с. 93].

Средством «ухода» от действительности становятся цифровые технологии, Интернет, создавшие новое пространство культуры, социального общения, заменившие мир реальных взаимоотношений виртуальными. По мнению специалистов, число тех, кто предпочитает реальной жизни онлайн-бытие, имеет тенденцию к росту. Диджитал-реальность оказывается более привлекательной: в ней индивид чувствует себя раскованно, именно в ней он находит точки опоры, необходимые для самореализации и са-



мовыражения. Участие в онлайн-программах, взаимодействие различных людей через системы Skype или Zoom способствуют возникновению образов реальных коммуникаций, иллюзий свободы и самовыражения. Итогом этого становится появление симулякров и фантазмов, за которыми скрывается приобретающий черты искаженной реальности подлинный мир с его проблемами и трагедиями. Оперируя симуляциями, индивид, склонный к эскапизму, ограничивает свои возможности в познавательной и рефлексивной деятельности, а в потоке потребляемой, не всегда рационально осмысленной информации, теряются его индивидуальность, способность к критическому и аналитическому мышлению.

Бытие в мире кибериллюзий приводит к утрате навыков и компетенций, формируемых реальными процессами. Более того, возникают дополнительные угрозы, связанные с возможностью манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, которое при поверхностном взгляде расширяет пространство социальных взаимодействий. Однако в действительности индивид-эскапист, ограничив себя существованием в виртуальном мире, оказывается в ситуации заброшенности, ненужности. Бегство от реальности знаменует отказ от активной деятельности, одиночество приобретает черты морального императива, поскольку в нем и через него индивид погружается в мир ирреальных сущностей, которые управляют им. Число тех, кто предпочитает жизнь вдалеке от общества, неуклонно растет, чему способствуют современные условия, характеризующиеся нестабильностью и неопределенностью. В таких условиях бегство от физического мира становится более предпочтительным, такая жизнь окрашивается иллюзиями и симуляциями, которые обнаруживаются повсюду, в первую очередь в практиках развлечений, ставших сегодня неотъемлемой частью бытия современного человека. Невостребованность индивида превращает его в маргинала, балансирующего на границе между реальным и вымышленным бытием. Так подлинный мир и придуманный меняются местами и это имеет своим следствием не только искажение подлинных смыслов, свойственных естественному миру, но и превращение искусственной реальности в доминирующий феномен, а также в предпочитаемый образ жизни.

Ритмы современных трансформаций, обусловленные развитием ИТ-технологий, формируют пространство стохастичности: быстрые изменения не всегда полностью осмысливаются

индивидуальным и коллективным сознанием, не поспевающим за происходящими сдвигами глобального характера. В таких условиях осложняются процессы, связанные с социализацией и адаптацией, поскольку индивиды находятся в ситуации технологического давления, что негативно отражается на их психо-эмоциональных и моральных состояниях. Выходом из ситуаций тревожности и алармизма становится эскапизм (и киберэскапизм), позволяющий отвлечься или уйти от неприятностей жизни в идеальный мир инореальности, в мир искусственной среды, которые полны иллюзий и фантазий, способствующих в наибольшей и наилучшей степени реализации себя как личности – креативной, самодостаточной, востребованной. По мнению эскаписта, современный человек оказывается «зажатым» тисками, с одной стороны, социальных норм и правил, а с другой, правовых установлений и законов, ограничивающих его свободу.

Бегство от реальной действительности, отказ от навязываемых обществом стандартов воспринимаются как условия, обеспечивающие комфортное существование, а в целом формирующие конформизм в качестве поведенческой и нравственной стратегии. Исследователи отмечают, что цифровой формат оказывается для многих, в особенности молодых людей, местом общения, которое представляется менее ответственным, но более персонализированным, и это якобы обеспечивает большую свободу, поэтому виртуальный эскапизм становится более предпочтительным, ибо в нем индивид конструирует собственное Я и собственную жизнь по своему усмотрению. Участие в виртуальных коммуникациях расширяет пространство воображения, что, безусловно, играет позитивную роль в процессах, связанных с формированием креативности и развитием интеллекта. Данное обстоятельство позволяет вести речь о положительных аспектах эскапизма как социального явления в том числе.

Заключение

Таким образом, эскапизм в разных формах своего существования является средством ухода от реалий жизни и в таком качестве содержит угрозы для бытия индивида. Современные технологии приводят к возникновению новых эскапистских практик, с помощью которых происходит «переход» в мир инореальности, воображаемых сущностей, полных симулякров. Так индивид-эскапист преодолевает психические и эмоциональные настроения, рутину повседневно-



ности, окунается в мир фантазий и иллюзий, придающих его существованию некоторую правдивость и особую привлекательность.

Список литературы

1. Сметанина Т. А., Ключев А. А. Метафизика эскапизма. Поиск ускользающего смысла // Манускрипт. 2017. № 1. С. 183–185.
2. Меньшикова Е. Е. Идеологемы эскапизма в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 2 (44) : в 2 ч. Ч. I. С. 140–142.
3. Теславская О. И., Кардапольцева А. А., Беловол Е. В., Савченко Т. Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 6. С. 52–64. <https://doi.org/10.7868/S0205959217060058>
4. Дебор Ги. Общество спектакля. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения: 20. 01. 2024).
5. Лопатинская Т. Д. Эскапизм в киберпространстве как жизненная стратегия // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2020. № 3 (23). С. 92–97. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2020.3.092>

References

1. Smetanina T. A., Klyuev A. A. Metaphysics of escapism. Search for elusive meaning. *Manuscript* [Manuscript], 2017, no. 1, pp. 183–185 (in Russian).
2. Menshikova E. E. Ideologemes of escapism in the advertising tourist narrative. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. Tambov, Gramota, 2015, no. 2 (44): in 2 pt., pt. 1, pp. 140–142 (in Russian).
3. Teslavskaya O. I., Kardapol'tseva A. A., Belovol E. V., Savchenko T. N. Escapism as a research subject in contemporary psychology. *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2017, vol. 38, no. 6, pp. 52–64 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0205959217060058>
4. Debord Guy. *Obchshestvo spektaklya* (The Society of the Spectacle). Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (accessed January 20, 2024).
5. Lopatinskaya T. D. Escapism in cyberspace as a life strategy. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»* [Herald of Tver State University. Series “Philosophy”], 2020, no. 3 (23), pp. 92–97 (in Russian). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2020.3.092>

Поступила в редакцию 27.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 27.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 162–166

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 162–166

<https://phpp.sgu.ru>

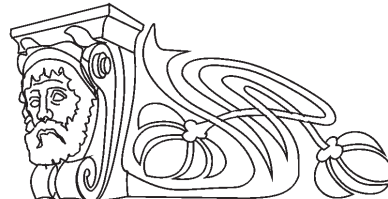
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-162-166>

EDN: GKXPAN

Научная статья

УДК 616-08-047.42+608.1

Проблема критериев приемлемости в биомедицинском эксперименте: философско-методологический анализ



М. А. Нартова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Нартова Мария Андреевна, аспирант кафедры философии и методологии науки, m.nartova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2069-791X>

Аннотация. Введение. Становление и развитие современной доказательной медицины не представляется возможным без проведения клинических исследований при участии человека как испытуемого. Методология таких экспериментов основана на тщательном отборе испытуемых на основании так называемых критериев приемлемости – параметрах, совокупность которых, по мнению научного сообщества, формирует оптимальную для изучения терапевтических свойств того или иного лекарства группу пациентов. Рассматриваются некоторые биоэтические аспекты практических проблем формулирования таких критериев; исследуется вопрос о возможности надлежащего применения полученных в рамках клинических исследований научных данных. **Теоретический анализ.** На примере пациентов с ВИЧ-положительным статусом показано, что чрезмерная формализация процесса определения критериев приемлемости приводит к формированию фундаментальных различий между участниками клинических исследований и пациентами рутинной врачебной практики, что ставит под угрозу возможность надлежащей экстраполяции результатов таких исследований вне экспериментального поля и реализацию одного из главных биоэтических принципов клинических исследований: приносить пользу обществу. **Заключение.** Обосновывается необходимость пересмотра методологических и биоэтических оснований процесса формулирования критериев приемлемости с учетом тех рисков, с которыми сталкиваются пациенты экспериментальной терапии и реальной клинической практики.

Ключевые слова: биоэтика, клинические исследования, критерии приемлемости, методология эксперимента, редукционизм в медицине

Для цитирования: Нартова М. А. Проблема критериев приемлемости в биомедицинском эксперименте: философско-методологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 162–166. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-162-166>, EDN: GKXPAN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of eligibility criteria in biomedical experiment: Philosophical and methodological analysis

M. A. Nartova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Maria A. Nartova, m.nartova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2069-791X>

Abstract. Introduction. The formation and development of modern evidence-based medicine is not possible without clinical studies with the participation of humans as subjects. The methodology of such experiments is based on careful selection of subjects based on the so-called eligibility criteria – parameters which form the optimal patient group for studying the therapeutic properties of a particular drug based on the science community's expectations. The article considers some bioethical aspects of the practical problems of formulating such criteria, and also it examines the question of the possibility of proper application of scientific data obtained in the framework of clinical studies. **Theoretical analysis.** Based on the example of HIV-positive patients, it is shown that excessive formalization of the process of determining eligibility criteria leads to the formation of fundamental differences between participants in clinical trials and patients in routine medical practice, which put at risk the ability to properly extrapolate the results of such studies outside the experimental field and realization of one of the basic bioethical principles of clinical trials: to be useful for society. **Conclusion.** The article substantiates the need to revise the methodological and bioethical foundations of the process of formulating eligibility criteria, taking into account the risks faced by patients of experimental therapy and patients in real clinical practice.

Key words: bioethics, clinical trials, eligibility criteria, methodology of experiment, reductionism in medicine



For citation: Nartova M. A. The problem of eligibility criteria in biomedical experiment: Philosophical and methodological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 162–166 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-162-166>, EDN: GKXPAN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Клинические исследования, будучи неотъемлемой частью современной доказательной медицины, позволяют сформулировать фармакологические рекомендации для лечения заболеваний различных нозологий. Цель их проведения – изучение эффективности и безопасности лекарственных средств при участии человека как испытуемого. Одним из важнейших методологических принципов таких исследований является формулирование строгих критериев приемлемости (eligibility criteria) для потенциальных участников, что обеспечивает формирование унифицированной группы пациентов, принимающих участие в биомедицинском эксперименте.

Научное сообщество признает важность критериев приемлемости для надлежащего проведения клинических исследований и получения достоверных результатов, однако все чаще ученые обращают внимание на несостоятельность некоторых устоявшихся практик, связанных с разработкой таких критериев, как чрезмерная строгость, и связанные с этим аспектом сложности в последующем формулировании клинических рекомендаций [1, 2]. Краткий философско-методологический анализ некоторых практических проблем формулирования критериев приемлемости проводится с учетом двух составляющих: во-первых, необходимости получения значимых, с научной точки зрения, результатов (которые не могли быть получены иным, кроме проведения клинических испытаний, способом), а во-вторых, необходимости защищать права и здоровье испытуемых, которые добровольно подвергают себя риску, участвуя в экспериментальном протоколе.

Теоретический анализ

Критерии приемлемости подразделяются на две основные категории: критерии включения (параметры, которые должны быть зафиксированы у потенциального пациента для его включения в эксперимент) и критерии исключения (наличие хотя бы одного параметра из этой категории делает невозможным участие пациента в клиническом исследовании). И если первая

категория чаще всего является специфичной по отношению к определенной нозологии, отражая функциональные, физиологические, биохимические и другие особенности течения заболевания, то вторая категория – критерии исключения – представляет собой более унифицированную группу параметров, нередко независимую от профиля исследования. Так, среди наиболее часто утверждаемых критериев исключения исследователи выделяют состояние беременности, лактацию, нарушение функции почек и печени, а также наличие у потенциального пациента определенных инфекционных заболеваний, например ВИЧ [3].

Изучение биоэтических аспектов проблемы формулирования критериев исключения целесообразно начать с краткого анализа онтологического статуса болезни в рамках клинического испытания. Для начала обратимся к самому понятию «исследование». Согласно определению, предложенному ведущим отечественным биоэтиком Б. Г. Юдиным, «исследование, в частности экспериментальное исследование, – это создание для изучаемого объекта (или явления, или процесса) таких условий, которые позволяют контролировать оказываемые на него воздействия» [4, с. 59].

Объектом клинических исследований является лекарственная форма фармакологически активного вещества или плацебо, изучаемых или используемых для контроля. Формулирование критериев приемлемости в рамках клинических испытаний по сути представляет собой «конструирование» подходящей для исследования данного лекарственного препарата болезни путем обозначения области допустимых параметров (возраст пациента, его функциональное состояние, наличие или отсутствие у него сопутствующих заболеваний и т.п.). С клинической точки зрения, целью применения таких критериев служит унификация потенциальных участников по наиболее значимым параметрам, а также исключение пациентов с повышенным риском возникновения побочных эффектов в рамках протокола исследования [5]. Однако с учетом того, что субъектом таких экспериментов выступает человек, обоснованным представляется исследование биоэтических аспектов такого редуccionистского подхода.



Более 100 лет назад английский врач А. Гаррод сформулировал тезис о том, что «... не существует двух особей одного вида с абсолютно идентичными параметрами тела или химическими процессами, протекающими по одному пути» [6, с. 1620]. Стремительное развитие биомедицины, обусловленное такими достижениями современной науки, как секвенирование ДНК, а также развитие протеомики и эпигенетики подтверждают этот тезис, не позволяя ученым естественнонаучных специальностей игнорировать тенденции к превалированию персонализированной медицины над унифицированным подходом в терапии [7]. При этом вопреки тезису М. Фуко о том, что «нет иной болезни, кроме индивидуальной ... потому что действие болезни по полному праву разворачивается в форме индивидуальности» [8, с.256], каждый биомедицинский эксперимент при участии человека как испытуемого по сути делает болезнь унифицированной, отвечающей строгим критериям на время проведения исследования.

Говоря о клинических исследованиях, Б. Г. Юдин отметил исключительную важность их научной обоснованности, «ведь если в силу тех или иных причин исследование не сможет принести достоверных или значимых результатов, то это значит, что испытуемые будут подвергаться необоснованному риску и тяготам» [9, с. 127]. Справедливым представляется вопрос о том, насколько существующий подход к формулированию критериев исключения является аргументированным с методологической и биоэтической точек зрения, и способствует ли его применение на практике получению значимых научных результатов.

Участие в клинических исследованиях всегда несет в себе риски для пациентов с учетом преимущественно экспериментальной, не включенной в клинические рекомендации, фармакотерапии. Как уже отмечалось, одним из методологических решений, которое предположительно позволяет защитить здоровье потенциальных испытуемых, является недопущение к исследованию тех пациентов, которые в силу наличия тех или иных физиологических состояний подвержены повышенному риску при включении в экспериментальный протокол.

Одной из важнейших методологических проблем при таком подходе является проблема наличия фундаментальных различий между группами пациентов в биомедицинских экспериментах и пациентов в реальной клинической практике. В связи с этим аспектом Аверитт и

соавторы предполагают, что недостаточно тщательная разработка критериев приемлемости может привести к тому, что результаты, полученные в рамках клинического исследования, не смогут быть воспроизведены вне биомедицинского эксперимента [10].

Для изучения данной проблематики рассмотрим одно из наиболее дискуссионных методологических решений, на которое ссылаются критики превалирующего в современных клинических исследованиях подхода к формулированию критериев исключения, а именно ВИЧ-положительный статус пациентов. Существующий в настоящее время подход к проведению биомедицинских экспериментов при участии человека как испытуемого подразумевает, что ВИЧ-положительный статус служит критерием исключения для большинства протоколов, кроме исследований антиретровирусной терапии. При этом недопущение пациентов с ВИЧ, например в онкологические протоколы, представляется спорным с биоэтической точки зрения с учетом того, что в реальной популяции пациентов с ВИЧ-положительным статусом именно онкологические заболевания являются одной из основных причин смертности [11]. Другими словами, именно для этой группы пациентов результаты клинических испытаний противоопухолевых препаратов чрезвычайно важны, но ввиду ВИЧ-положительного статуса такие пациенты не смогут принять участие в протоколе.

Значимым представляется вопрос о том, является ли допустимым приоритет экспериментальной «чистоты» над реальной терапевтической практикой. Выбирая строгие критерии приемлемости, исследователи постулируют максимально возможную степень методологической обоснованности такого рода экспериментов, в том числе с точки зрения безопасности его участников. Но является ли это достаточным для того, чтобы не пересматривать такие критерии? Если участие в исследовании безопасно для его участников, но полученные данные не могут быть экстраполированы на рутинную клиническую практику, то можно ли считать проведение такого исследования методологически и этически обоснованным?

Стоит отметить еще один биоэтический аспект, связанный с проблемой формулирования критериев приемлемости, а именно практику назначения препаратов вне инструкции по применению (off label). Если определенная группа пациентов (скажем, пациенты с ВИЧ-положительным статусом) исключается из проведения клиниче-



ских исследований, то сформулировать научно обоснованные и экспериментально подтвержденные рекомендации по фармакотерапии для таких пациентов не представляется возможным. В этом случае врачи вынуждены назначать препараты, эффективность и безопасность которых никогда не была проверена для этой группы пациентов. Назначение препаратов вне инструкции по применению (т. е. без предварительно проведенных клинических исследований для этой группы пациентов) становится серьезной этической проблемой для врачей и фармацевтов ввиду необходимости проведения оценки соотношения риска и пользы терапии, формально не одобренной научным сообществом, для каждого конкретного пациента [12]. С одной стороны, такая ситуация соотносится с тенденцией все большего развития персонализированной медицины, когда учет индивидуальных особенностей пациента начинает превалировать над стандартизированными протоколами. С другой стороны, это приводит к обособлению внутри парадигмы доказательной медицины области субъективных медицинских решений, не подкрепленных научными исследованиями, что представляется спорным как с методологической, так и с биоэтической точки зрения.

Заключение

Чрезмерная формализация критериев приемлемости позволяет усомниться в одном из принципов Нюрнбергского кодекса, постулирующего, что эксперимент должен приносить обществу положительные результаты, а также актуализирует вопрос о том, возможно ли поступательное и равномерное относительно разных групп пациентов развитие современной фармакотерапии. Таким образом, представляется необходимым не только проведение биоэтического и методологического анализов существующей концепции включения пациентов в клинические исследования, но и пересмотр устоявшейся модели определения критериев приемлемости с учетом необходимости формулирования клинических рекомендаций для пациентов реальной, а не экспериментальной клинической практики.

Список литературы

1. Nguyen T. N., Raymond J., Nogueira R. G., Fischer U., Siegler J. E. The problem of restrictive thrombectomy trial eligibility criteria // *Stroke*. 2022. Vol. 53, № 9. P. 2988–2990. <https://doi.org/10.1161/STROKEAHA.122.040006>

2. George S. L. Reducing patient eligibility criteria in cancer clinical trials // *Journal of Clinical Oncology*. 1996. Vol. 14, № 4. P. 1364–1370. <https://doi.org/10.1200/JCO.1996.14.4.136>
3. Duggal M., Sacks L., Vasisht K. P. Eligibility criteria and clinical trials: An FDA perspective // *Contemporary Clinical Trials*. 2021. Vol. 109. P. 106515. <https://doi.org/10.1016/j.cct.2021.106515>
4. Юдин Б. Г. Социальные технологии, их производство и потребление // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. 31, № 1. С. 55–64.
5. Jin S., Pazdur R., Sridhara R. Re-evaluating eligibility criteria for oncology clinical trials: Analysis of investigational new drug applications in 2015 // *Journal of Clinical Oncology*. 2017. Vol. 35, № 33. P. 3745. <https://doi.org/10.1200/JCO.2017.73.4186>
6. Garrod A. E. The incidence of alkaptonuria: A study in chemical individuality // *The Lancet*. 1902. Vol. 160, № 4137. P. 1616–1620.
7. Goetz L. H., Schork N. J. Personalized medicine: Motivation, challenges, and progress // *Fertility and Sterility*. 2018. Vol. 109, № 6. P. 952–963.
8. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 310 с.
9. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 2. С. 126–135.
10. Averitt A. J., Weng C., Ryan P., Perotte A. Translating evidence into practice: eligibility criteria fail to eliminate clinically significant differences between real-world and study populations // *NPJ digital medicine*. 2020. Vol. 3, № 1. P. 6. <https://doi.org/10.1038/s41746-020-0277-8>
11. Uldrick T. S., Ison G., Rudek M. A., Noy A., Schwartz K., Bruinooge S., Schenkel C., Miller B., Dunleavy K., Wang J., Zeldis J., Litter R. F. Modernizing Clinical Trial Eligibility Criteria: Recommendations of the American Society of Clinical Oncology-Friends of Cancer Research HIV Working Group // *Journal of Clinical Oncology: Official Journal of the American Society of Clinical Oncology*. 2017. Vol. 35, № 33. P. 3753–3761. <https://doi.org/10.1200/JCO.2017.73.733>
12. Bernardi A., Pegoraro R. The ethics of off-label use of drugs: oncology pharmacy in Italy // *Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics*. 2008. Vol. 33, № 2. P. 95–99. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2710.2008.00902.x>

References

1. Nguyen T. N., Raymond J., Nogueira R. G., Fischer U., Siegler J. E. The problem of restrictive thrombectomy trial eligibility criteria. *Stroke*, 2022, vol. 53, no. 9, pp. 2988–2990. <https://doi.org/10.1161/STROKEAHA.122.040006>
2. George S. L. Reducing patient eligibility criteria in cancer clinical trials. *Journal of Clinical Oncology*, 1996, vol. 14, no. 4, pp. 1364–1370. <https://doi.org/10.1200/JCO.1996.14.4.136>



3. Duggal M., Sacks L., Vasisht K. P. Eligibility criteria and clinical trials: An FDA perspective. *Contemporary Clinical Trials*, 2021, vol. 109, pp. 106515. <https://doi.org/10.1016/j.cct.2021.106515>
4. Yudin B. G. Social technologies, its manufacturing and consumption. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. 31, no. 1, pp. 55–64 (in Russian).
5. Jin S., Pazdur R., Sridhara R. Re-evaluating eligibility criteria for oncology clinical trials: Analysis of investigational new drug applications in 2015. *Journal of Clinical Oncology*, 2017, vol. 35, no. 33, pp. 3745. <https://doi.org/10.1200/JCO.2017.73.4186>
6. Garrod A. E. The incidence of alkaptonuria: A study in chemical individuality. *The Lancet*, 1902, vol. 160, no. 4137, pp. 1616–1620.
7. Goetz L. H., Schork N. J. Personalized medicine: Motivation, challenges, and progress. *Fertility and Sterility*, 2018, vol. 109, no. 6, pp. 952–963.
8. Foucault M. *Naissance de la clinique une archeologie du regard medical*. Paris, Presses universitaires de France, 1963. 212 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Rozhdenie kliniki*. Moscow, Smysl, 1998. 310 p.).
9. Yudin B. G. From ethical expertise to humanitarian expertise. *Znaniye. Ponimaniy. Umeniyе* [Knowledge. Understanding. Skill], 2005, no. 2, pp. 126–135 (in Russian).
10. Averitt A. J., Weng C., Ryan P., Perotte A. Translating evidence into practice: Eligibility criteria fail to eliminate clinically significant differences between real-world and study populations. *NPJ digital medicine*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 6. <https://doi.org/10.1038/s41746-020-0277-8>
11. Uldrick T. S., Ison G., Rudek M. A., Noy A., Schwartz K., Bruinooge S., Schenkel C., Miller B., Dunleavy K., Wang J., Zeldis J., Litter R. F. Modernizing Clinical Trial Eligibility Criteria: Recommendations of the American Society of Clinical Oncology-Friends of Cancer Research HIV Working Group. *Journal of Clinical Oncology: Official Journal of the American Society of Clinical Oncology*, 2017, vol. 35, no. 33, pp. 3753–3761. <https://doi.org/10.1200/JCO.2017.73.733>
12. Bernardi A., Pegoraro R. The ethics of off-label use of drugs: Oncology pharmacy in Italy. *Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics*, 2008, vol. 33, no. 2, pp. 95–99. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2710.2008.00902.x>

Поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 17.02.2024; approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 167–171
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 167–171
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-167-171>
EDN: FXYZM

Научная статья
УДК 27-36+929Авва Дорофей



Личностный и социальный идеал согласно Поучениям преподобного Аввы Дорофея

П. Ю. Салов

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общечерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, строение 1

Салов Пётр Юрьевич, аспирант кафедры библейско-богословских дисциплин, peter_salov@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0008-3389-8765>

Аннотация. Введение. Христианство, развивавшееся в особых исторических условиях на территории византийской Газы, постепенно сформировало в регионе уникальную школу духовного наставничества, связанную с именами выдающихся подвижников. Одновременно с этим развивалась и региональная аскетическая литературная традиция. **Теоретический анализ.** Дорофей Газский – выдающийся христианский учитель ранневизантийского периода – формулирует свой собственный критический взгляд на современные ему социальные нормы, природу человека и причины человеческих пороков, противопоставляя им образ жизни христианского аскета. Значительное внимание Авва Дорофей уделяет психологии духовного совершенствования, борьбе со страстями. В настоящей статье рассматриваются и обобщаются основные мотивы в поучениях Аввы Дорофея, посредством которых он определяет личностный и социальный идеал христианского подвижничества. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому поучения преподобного Дорофея Газского направлены на формирование не только личностного, но и социального идеала, а монашество в его трактовке не является движением антисоциальным, оно должно способствовать становлению нового, справедливого сообщества, основанного на принципах коммунитаризма и литургического единства. Подчеркивается, что достижение данной цели не предполагает политическо-силового или интеллектуального противостояния с внешним миром.

Ключевые слова: Авва Дорофей, Газа, аскетизм, христианская антропология

Для цитирования: Салов П. Ю. Личностный и социальный идеал согласно Поучениям преподобного Аввы Дорофея // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 167–171. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-167-171>, EDN: FXYZM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A personal and social ideal according to the Teachings of St. Abba Dorotheus

P. Yu. Salov

Religious Organization – Higher Theological Educational Organization of the Russian Orthodox Church “Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies”, 4/2, building 1 Pyatnitskaya St., Moscow 115035, Russia

Petr Yu. Salov. peter_salov@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0008-3389-8765>

Abstract. Introduction. Christianity, which developed in special historical conditions on the territory of Byzantine Gaza, gradually formed a unique school of spiritual mentoring in the region, associated with the names of outstanding ascetics. At the same time, a regional ascetic literary tradition was developed. **Theoretical analysis.** Dorotheus of Gaza, an outstanding Christian teacher of the early Byzantine period, formulates his own critical view of contemporary social norms, human nature and the causes of human vices, contrasting them with the lifestyle of a Christian ascetic. Abba Dorotheus pays considerable attention to the psychology of spiritual development and the struggle with the passions. This article examines and summarizes the main motives in the teachings of Abba Dorotheus, through which he defines the personal and social ideal of Christian asceticism. **Conclusions.** It is concluded that the teachings of the saint Dorotheus of Gaza are aimed at the formation of not only a personal, but also a social ideal, and monasticism, as interpreted by Abba Dorotheus, is not an anti-social movement, but should contribute to the formation of a new, just community based on the principles of communitarianism and liturgical unity. It is emphasized that achieving this goal does not imply political, military or intellectual confrontation with the outside world.

Keywords: Abba Dorotheus, Gaza, asceticism, Christian anthropology

For citation: Salov P. Yu. A personal and social ideal according to the Teachings of St. Abba Dorotheus. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-167-171>, EDN: FXYZM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Монашество византийской Газы (Γάζα, Ghazzah) развивалось под влиянием ряда факторов. Исторически территория Палестины была очагом распространения христианства, а также местом притяжения христианских подвижников и аскетов. Кроме того, как замечает Н. Н. Бологов, Газа в качестве приморского города постепенно стала типичным мегаполисом позднеантичной эпохи с насыщенной культурной жизнью [1, с. 42]. С принятием же христианства в качестве государственной религии Римской империи в период правления Константина Великого христианский аскетизм в регионе получил дополнительный стимул к развитию. К VI в. у в Газе сложилась школа христианского монашества со своими уникальными особенностями общинной жизни, традицией наставничества и аскетической литературой.

Отталкиваясь от положений святоотеческой космологии и антропологии предшествующего периода, наставники монашества византийской Газы смогли в своих поучениях осуществить разработку основных принципов христианского аскетизма, обосновывая необходимость аскетических усилий в жизни христианина, а также анализируя типичные проблемы, с которыми может столкнуться подвижник в деле личностного совершенствования. Характерной особенностью монашеской традиции византийской Палестины является интенсивное взаимодействие авторитетных духовных наставников и верующих региона, среди которых было немало мирян [2, с. 13].

Важно заметить, что в этот период монашество, по выражению прот. Георгия Флоровского, состоит «не только в строгих обетах, и духовное совершенствование не менее обязательно в миру, для каждого верующего, по силе и смыслу крещальных отречений и обещаний» [3, с. 175].

Сущность же аскетического подвига, по мнению христианских наставников региона, заключается в противопоставлении христианской этики нормам «ветхого человечества», т.е. нормам мира в его общественно-историческом развитии. Традиционно в святоотеческой литературе удаление от мира (ἀναχώρησις) понимается как средство исцеления человеческой природы, а также как способ построения церкви в качестве особого мессианского сообщества, в котором личное спасение соответствует преображению окружающего мира [4, с. 308].

Теоретический анализ

Особым пониманием аскетической трансформации отличается наследие преподобного Дорофея Газского, выдающегося учителя монашества VI столетия. Преподобный Дорофей, родившись в состоятельной семье и пользуясь поддержкой родителей, смог получить хорошее светское образование. В указанный период он развил в себе навык чтения, обращаясь к философской и научной литературе. Это приобщение к светским наукам стало первым шагом преподобного на пути к монашеской жизни, которую он избрал, присоединившись к братии монастыря аввы Сериды в нескольких километрах от Газы [5, с. 33].

Необходимость сформулировать новый свод правил монашеского общежития у аввы Дорофея возникает в связи с основанием собственного монастыря. Подобный подход был характерен для палестинских обителей того времени, в которых внутренний регламент определялся основателем новой монашеской общины [6, с. 30].

Характерно поучение преподобного из «Душеполезных поучений», которое носит название «Об отвержении мира». В начале этого поучения преподобный описывает историю первых людей – Адама и Евы. Этот пример из Священного Писания необходим, чтобы произвести антропологическое различие между ветхим человечеством и призванными к спасению христианскими аскетами, а также указать смысл и цель всех аскетических усилий. Авва Дорофей следует Священному Писанию и толкованиям предшествующих христианских авторов, замечая, что человек был сотворен по образу и подобию Божию, т.е. «бессмертным, самовластным, украшенным всяческою добродетелью» [7, с. 36]. Однако в связи с нарушением божественной заповеди человек утрачивает качества, делающие его подобием Бога, и впадает в противоестественное природе человека состояние.

Греховные страсти для всего человечества начинаются с гордости. Это качество стало причиной грехопадения, когда Адам и Ева нарушили божественное установление о запрете вкушения плодов Древа познания добра и зла. Второй причиной пребывания человека в грехе является невоздержанность в своих помыслах, желаниях и устремлениях.

Для ограничения пагубных последствий грехопадения Бог через Моисея дает человечеству закон. Авва Дорофей замечает, что при этом полного исцеления падшего человечества не произошло ни в связи с дарованием людям



закона, ни в связи с последующим пришествием пророков, которых Бог посылал для вразумления и наставления людей: «Итак, благий Бог дал закон в помощь для обращения от зла, для исправления оногo; однако оно не исправилось. Послал пророков, но и они успеха не имели, ибо зло превозмогало, как говорит Исаия» [7, с. 37]. Все эти события библейской истории сами по себе не могли исправить поврежденное грехом человечество, но предуготовляли его к пришествию в мир Иисуса Христа.

И если до пришествия в мир Спасителя человек не мог противостоять греху, преодолевать страсти, то во Христе он обретает эту возможность, что подчеркивается словами Евангелия: «Даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам (Лк.10:19)».

Помимо актуального антропологического состояния ветхого человечества и причин этого положения, преподобный Дорофей в поучениях предлагает свое понимание личностного идеала христианина, подробно описывая те компоненты, из которых этот идеал складывается.

Главной характеристикой аскетической жизни является приближение к Богу, которому соответствует удаленность от мира греха. Через близость к Богу достигается личностное совершенствование монаха, понимаемое как исполнение божественного замысла о человеке.

В борьбе с мирскими пристрастиями наиболее действенным средством, с точки зрения преподобного, является смирение. Для подлинной перемены ума смирение должно сопровождать выполнение монастырских послушаний, перенесение тягот пустынной жизни. Смирение вовсе не способ закрепит монаха. Наоборот, оно служит средством духовного освобождения. Преподобный подчеркивает, что если «возношение низложило нас, невозможно иначе получить помилование как через противоположное ему» [7, с. 42].

Смирение христианского подвижника связано с навыком прилежания в духовных упражнениях. Единичный акт добродетели не делает человека праведником, именно навык меняет человека в лучшую или худшую сторону. Но поскольку мирской человек в течение жизни настолько увязает в своих греховных навыках, то освобождение требует строжайшей самодисциплины и постоянного понуждения себя к добродетели. «... Не можем исцелиться без многoй помощи, без многoх молитв и мно-

гих слёз, которые могли бы преклонить к нам милосердие Христово» [7, с. 175], – наставляет монахов Авва Дорофей.

Преподобный Дорофей отмечает, что «не все, живущие в монастырях, монахи, но тот монах, кто исполняет дело монашеское» [7, с. 281]. Это означает, что формального принятия монашеского звания недостаточно для изменения человеком своего антропологического статуса. Такая перемена не происходит автоматически, а наступает по мере того, как подвижник обретает смирение, послушание, а также прилежание в духовных упражнениях и монастырских обязанностях. Цель подвижника – не допускать того, «чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи» [7, с. 77].

Затрагивает авва Дорофей и тему социального идеала. Возникшие в Палестине в период деятельности аввы Исайи, Варсонофия Великого, Иоанна Пророка гибридные монастыри со смешанными отшельническими и общежительными формами монашеского жития привели к росту напряженности в среде монахов, поскольку аскетическая жизнь обрела и определенную социальную динамику. Возникновение нового для того времени устройства монашеской общины требовало внесения ясности относительно того, насколько контакты монахов друг с другом и мирянами совместимы с духовными упражнениями. Так складывается трактовка монашеского призвания как воинского служения, а монашеской общины как воинства Христова, отличительным знаком которого является бесстрастие [8, с. 197]. Авва Дорофей уточняет, что самодисциплина и послушание в удаленном монашеском житии строятся на совсем иных началах, иначе, чем среди людей в миру. Каждый собрат ограничивает себя и смиряется по отношению к другому ради возрастания добродетелей в отличие от мирского человека, который придерживается послушания из страха быть наказанным или из соображений выгоды. Такой человек, с точки зрения преподобного Дорофея, «как наёмник исполняет волю господина своего, чтобы получить от него плату и прибыль» [7, с. 215], что малосовместимо с призванием христианского подвижника.

Начальствующим в монастырях Авва Дорофей советует не превозноситься над подопечными, а рекомендует относиться ко всем с братской любовью, «так, чтобы даже под справедливыми предложениями, или ради заповеди, отнюдь не смущать сердца в той уверенности, что мы все



заповеди стараемся исполнять именно ради любви и чистоты сердечной» [7, с. 235]. Однако и несущие послушания должны отказаться от рассуждений о наставниках и следовать им без всякого сомнения.

Социальный идеал, с точки зрения преподобного аввы Дорофея, в рамках монашеской общины достигается совокупными усилиями каждого отдельного монаха в области личного духовного совершенствования. Для формирования полноценно действующей монашеской общины первостепенным является сохранение каждым монахом «собственного устройства», т.е. особого внутреннего подвижнического настроя, без которого выполнение общемонашеских послушаний не будет иметь никакого смысла. «Все дела, которые мы делаем, делаем для того, чтобы получить от них пользу. Какая же польза, если мы не смиряемся друг перед другом, но напротив смущаем и оскорбляем друг друга!» [7, с. 96]. Этот риторический вопрос задает преподобный Дорофей.

Совокупность усилий и сходный аскетический опыт каждого отдельного подвижника формируют особую ситуацию христианского монастыря, когда, по выражению итальянского философа Д. Агамбена, с одной стороны, «все становится правилом и богослужением вплоть до того, что жизнь кажется исчезнувшей, а с другой – все становится жизнью, и “законные предписания” трансформируются в “жизненные предписания”» [9, с. 121].

Преподобный Дорофей описывает становление такого сообщества через следующий образ. Мир христиан, мир подвижников – это круг, в середине которого находится Бог. «Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу» [7, с. 119]. Люди вне круга – это люди, которые двигаются в обратном от Бога направлении и предпочитают потакание своим страстям, а не любовь к Богу и ближним.

Приведенный пример позволяет понять, что ранневизантийское монашество не было движением антисоциальным, а, наоборот, предлагало новую этику социального взаимодействия [10, с. 117].

Эта этика подразумевает, что монашествующие выбирают особую, сугубо духовную стратегию сопротивления господствующим социальным тенденциям. Они не стремятся победить мир политически, превзойти его интеллектуально, но выбирают иной путь, который

можно назвать переучреждением социальности, осуществляемым через мистическое уподобление Христу. Этот процесс раскрывается преподобным Аввой Дорофеем посредством упомянутого образа воинского служения: «Мы носим багряный знак на мантии нашей, показывая, что мы стали воинами Христовыми и что обязаны терпеть все страдания, какие Он претерпел за нас» [7, с. 49]. В отречении от мира аскет готов поступиться даже собственной волей, «ибо отсечением своей воли он приобретает беспристрастие, а от беспристрастия приходит, с помощью Божией, и в совершенное бесстрастие» [7, с. 53]. Полной нетождественностью с миром и его страстями, отрицанием его конкуренции и вражды достигается победа христианского аскета.

Заключение

В трудах преподобного Дорофея Газского продолжается всеобъемлющая переоценка положения человека в системе социальных отношений и всего Космоса, осуществляемая выдающимися наставниками монашества ранневизантийской Палестины.

В трактовке преподобного Дорофея Газского индивидуальное аскетическое совершенствование каждого отдельного подвижника ведет к формированию новой социальной реальности, в которой действуют не законы конкуренции, а принципы коммунитаризма и литургического единства. Окружающий мир исправляется не через силовое или интеллектуальное воздействие, а через полное непризнание греховной морали и соответствующих социальных практик. При этом подвижничество не является уходом в маргинальное пространство, а становится личностным и социальным преображением, благодаря которому мир возвращается к своему подлинному состоянию, т.е. к замыслу Бога о нем.

Список литературы

1. Болгов Н. Н. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели // *Античная древность и средние века*. 2014. Т. 42. С. 38–52.
2. Perrone L. Byzantine Monasticism in Gaza and in the Judean Desert: A Comparison of Their Spiritual Traditions // *Proche-Orient Chrétien*. 2012. Vol. 62, № 1/2. P. 6–22.
3. Флоровский Г. В. Византийские отцы V–VIII вв.: Из чтений в Православном богословском институте в Париже. Минск: Издательство Белорусского экзархата, 2006. 337 с.



4. *Василий Великий*. Творения: в 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М.: Сибирская Благовонница, 2008. 750 с.
5. *Бернацкий М. М., иером. Дионисий (Шлёнов)*. Дорофей Газский // Православная энциклопедия. Т. XVI / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 32–43
6. *Курбанов А. В.* Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря аввы Сериды) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 1 (222). С. 30–36.
7. *Палестинский Дорофей*. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. М.: Благовест, 2010. 415 с.
8. *Bitton-Ashkelon B., Kofski A.* The Monastic School of Gaza. Boston: Brill, 2006. 262 p.
9. *Агамбен Джорджо*. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.: Издательство института Гайдара, 2020. 209 с.
10. *Логиновский С. С.* Отвержение мира как практика изменения идентичности у аввы Дорофея // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 112–122.
- antine Fathers of V–VIII centuries: From the Readings at the Orthodox Theological Institute in Paris]. Minsk, Belorusskiy Ekzarkhat Publ., 2006. 337 p. (in Russian).
4. *Vasilii Velikiy. Tvoreniya: v 2 t. T. 1: Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Ekzegeticheskie sochineniya. Besedy* [Works: in 2 vols. Vol. 1: Dogmatic-Polemical Works. Exegetical works. Conversations]. Moscow, Sibirskaia Blagovonnitsa, 2008. 750 p. (in Russian).
5. *Bernatsky M. M., hierom. Dionisy (Shlyonov). Dorotheus of Gaza*. In: *Pravoslavnaya Entsiklopediya. T. XVI* [Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II, ed. Orthodox Encyclopedia. Vol. XVI]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2007, pp. 32–43 (in Russian).
6. *Kurbanov A. V.* Unit of Palestinian monastery and Justinian's legislation about monasticism (on the example of The Abba Serid' monastery). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science], 2016, no. 1 (222), pp. 30–36 (in Russian).
7. *Palestinskiy Dorofey. Prepodobnogo ottsa nashego Avvy Dorofeya dushhepoleznye poucheniya i poslaniya s prisovokupleniem voprosov ego i otvetov na onye Varsanufiya Velikogo i Ioanna Proroka* [Our Reverend Father Abba Dorotheus: Soul-Useful Teachings and Epistles with the Addition of His Questions and Answers to Them by Barsanuphius the Great and John the Prophet]. Moscow, Blagovest, 2010. 415 p. (in Russian).
8. *Bitton-Ashkelon B., Kofski A.* *The Monastic School of Gaza*. Boston, Brill, 2006. 262 p.
9. *Agamben Giorgio. Vysochayshaya bednost'. Monasheskie pravila i forma zhizni* [The Highest Poverty. Monastic Rules and Form-of-Life]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2020. 209 p. (in Russian).
10. *Loginovskiy S. S.* "Rejection of the world" as practice of change of identity at Dorofei's Avva. *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika* [Discoursology: Methodology, Theory, Practice], 2016, no. 10, pp. 112–122 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 02.05.2024
 The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 172–175

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 172–175

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-172-175>

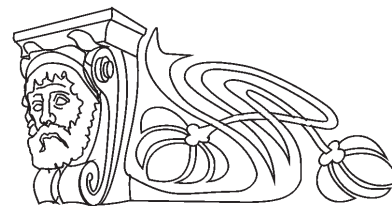
EDN: GALAJT

Научная статья

УДК [37.014+316.752](470+571)

Аксиологические проблемы образования в современной науке

Е. С. Серегина



Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Серегина Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, katushellaa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1747-8286>

Аннотация. Введение. Современное российское общество столкнулось с серьезными вызовами и угрозами, требующими переосмысления ценностных приоритетов на основании традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Данная ситуация актуализирует необходимость анализа аксиологических проблем образования, решение которых могло бы оказать существенное влияние на сохранение духовной безопасности России, ведь именно образование оказывает ключевое воздействие на процесс становления и развития личности. **Теоретический анализ.** Современная образовательная деятельность сталкивается с рядом проблем, имеющих под собой аксиологические основания: отсутствие единой и четкой системы ценностей в сфере образования, недостаточное внимание к моральным и этическим аспектам воспитания, гуманизация образования. **Заключение.** Решение указанных проблем можно найти в развитии аксиологической теории, способствующей формированию и поддержанию устойчивости мировоззренческой системы. Фундаментальными принципами данной системы, во-первых, выступает признание ценности человека как личности, во-вторых – воспитанность, которая базируется на идее приоритетности общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Необходимо концептуальное переосмысление системы образования с учетом главенства традиционных духовно-нравственных ценностей, присущих российской культуре.

Ключевые слова: аксиологические проблемы, образование, ценности, гуманизм

Для цитирования: Серегина Е. С. Аксиологические проблемы образования в современной науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 172–175. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-172-175>, EDN: GALAJT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Axiological problems of education in modern science

E. S. Seregina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 123242, Russia

Ekaterina S. Seregina, katushellaa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1747-8286>

Abstract. Introduction. Modern Russian society is faced with serious challenges and threats that require the rethinking of values based on traditional Russian spiritual and moral values. This situation actualizes the need to analyze the axiological problems of education, the solution of which could have a significant impact on the preservation of Russia's spiritual security, because education has a key impact on the process of formation and development of personality. **Theoretical analysis.** Modern educational activity is faced with a number of problems that have axiological grounds: the lack of a unified and clear system of values in the field of education, insufficient attention to the moral and ethical aspects of education, the problem of humanization of education. **Conclusion.** The solution to these problems can be found in the development of an axiological theory, which contributes to the formation of a worldview based on the recognition of the value of a person as a personality, as well as education based on the principles of priority of universal values, human life and health, and free personal development. It is necessary to conceptually rethink the education system, taking into account the priority of traditional spiritual and moral values inherent in the Russian culture of society.

Keywords: axiological problems, education, values, humanism

For citation: Seregina E. S. Axiological problems of education in modern science. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 172–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-172-175>, EDN: GALAJT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Современный период развития российского общества характеризуется особым вниманием к вопросам образования, ведь образование оказывает ключевое влияние на процесс становления и развития личности, воспитания, формирования жизненных ценностей и приоритетов. Наука как важнейший ресурс общественного развития реагирует на потребности и запросы государства и общества. В связи с этим аксиологические проблемы образования в современной науке вызывают все больший интерес и привлекают внимание ученых.

Как известно, аксиология представляет собой учение о ценностях, их происхождении, природе и специфике, иерархии, типах и т.д. Термин «аксиология» происходит от греч. *axios* – «ценность» и *logos* – «слово», «понятие» [1]. Сегодня аксиология является одной из самых востребованных, актуальных, междисциплинарных и перспективных областей исследования.

В условиях развязывания против России гибридной войны, в том числе в идейно-духовной сфере, важно переосмысление принципов образования с учетом традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Теоретический анализ

Категория «ценность» является основной категорией в аксиологической теории. Однако в зависимости от исторического периода развития философской мысли ценности рассматривались и воспринимались по-разному. Первые размышления о ценностях можно встретить в трудах античных философов. Так, в работах Сократа, Платона и Аристотеля кроются глубинные истоки аксиологической мысли. Особое влияние на ценностные ориентации оказало развитие религиозных учений в период Средневековья. Философы Нового времени внесли значительный вклад в развитие теории ценностей, их роль в жизни человека и общества, а также рассуждали о месте самого человека в ценностной иерархии. Современный этап развития науки характеризуется активным изучением ценностей, способом оценки и формирования, а также их влиянием на личностные качества человека.

Проводимые реформы в сфере образования, направленные на совершенствование образовательной системы, невозможно эффективно реализовать без осмысления аксиологических проблем.

Современная образовательная деятельность сталкивается с рядом проблем, имеющих под собой аксиологические основания. Их решение кроется в первую очередь в переосмыслении ценностных ориентаций. В связи с наличием данных проблем перед наукой ставится задача изучить их и найти наиболее эффективные теоретические и практические подходы к их минимизации и устранению.

Рассмотрим подробнее аксиологические проблемы, выделяемые современной наукой в сфере образования.

Во-первых, отсутствие единой и четкой системы ценностей на каждом уровне образования, что влечет неясность ценностных ориентаций и установок личности. В настоящее время деятельность внешних и внутренних деструктивных сил реализуется по двум направлениям: вытеснение ценностей диаметрально противоположными (индивидуализм против коллективизма, глобализм против патриотизма, сепаратизм против единства народов и т.д.), постановка под сомнение поведения общества с целью указания на несоответствие декларируемым ценностям (противопоставления «ценность свободы – репрессии», «ценность семьи – домашнее насилие» и т.д.). Цель этой деятельности – деконструкция всего массива духовно-нравственных ценностей через обесценивание элементов массива. Эта деятельность осуществляется субъектами медиапространства (средства массовой информации, блогеры, деятели культуры и искусства, инфлюенсеры различного рода, коммуникационные платформы (зарубежные социальные сети, видеохостинги)), некоммерческими и международными организациями, политическими объединениями, неинституционализированными группами подростков «креативного» класса. Основным механизмом вытеснения традиционной духовно-нравственной составляющей является пропаганда альтернативной системы ценностей при одновременном указании на несовместимость российских ценностей с пропагандируемыми и указанием на преимущества последних. Механизм дискредитации духовно-нравственных ценностей направлен на разобщение всего российского социального поля, на разрушение общества. В связи с этим крайне важно выработать четкую и единую систему ценностей образования, которая должна опираться в первую очередь на базовые традиционные ценности россиян, а также провести переоценку ценностей, отказавшись от уничижительного слепого подражательства западным идеалам.



Во-вторых, ориентация современного образования на процесс передачи знаний от преподавателя учащемуся. При этом уделяется недостаточное внимание моральным и этическим аспектам воспитания. Наиболее ярко указанную проблему охарактеризовал основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский: «Нет, одного ума и одних познаний еще недостаточно для укоренения в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который иногда согласно с рассудком, а часто в противоречии с ним, связывает людей в честное, дружное общество» [2, с. 431]. Образование необходимо рассматривать не как сугубо способ передачи навыков, умений, компетенций, а как особенный процесс воспитания и развития личности подрастающего поколения, направленный на усвоение знаний в совокупности с нравственными ориентациями и нацеленный на становление всесторонне развитой индивидуальной личности. «Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего», – утверждал Д. И. Менделеев [цит. по: 3, с. 1217].

Особое внимание необходимо уделять вопросам патриотического воспитания молодежи, следует проводить системную, комплексную, непрерывную работу, нацеленную на формирование национально-ориентированного, патриотического самосознания молодежи, основанного на гармоничном сочетании ценностей сильной державы и благополучия человека [4]. В данном случае речь должна идти не просто об изучении достоверных исторических фактов, а о формировании определенных моральных и нравственных оценок, о воспитании глубокого уважения к прошлому страны, которое является основой патриотизма.

В-третьих, проблема гуманизации образования, т. е. проблема разработки концепций обучения, основанных на взаимном уважении, развитии самостоятельности, установлении искренних и доброжелательных воспитательных отношений. Идеи гуманизма являлись предметом изучения многих известных педагогов-исследователей, таких как В. Г. Белинский, Н. И. Пирогов, А. И. Радищев. В их число входит и В. А. Сухомлинский, который утвердил основные концепции гуманистического образования, а именно: личность ребенка – высшая ценность воспитания и образования; необходимость минимизации авторитарного подхода в образовании; стремление к созданию условий, способствующих всестороннему и гармонич-

ному развитию и самореализации личности; поощрение активно-творческих способностей ребенка; возрождение русских национальных и культурных традиций и т.д. «Перевод человека на новый уровень овладения культурой, изменение его отношения к миру, другим людям и к себе, повышение ответственности за свои действия и их последствия – основной результат гуманизации образования и воспитания» [5, с. 38]. При этом гуманизм не должен приобретать космополитические интерпретации, он должен раскрываться на практике через российские традиционные духовно-нравственные идеалы и принципы.

В-четвертых, распространение взглядов на образование как на услугу, однако образование является общечеловеческой ценностью, которая охватывает не только процесс обучения, но и воспитание подрастающего поколения, способствующие развитию человека как целостной личности. В 2022 г. из Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» исключили понятие «образовательная услуга». Целью данного изменения является устранение ассоциации педагогов и педагогической деятельности с коммерческим предложением. В данном случае речь идет не просто о смене понятий, а о переосмыслении образования как ценности. Необходимо и дальше работать в контексте отказа от возобладавшего рыночно-сервисного понимания образования как услуги.

В-пятых, статус, место и роль педагога в системе образования. К. Д. Ушинский писал: «Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер» [6, с. 51]. Для возвышения (восстановления) роли педагога, его профессии следует популяризировать классическое представление о педагоге, который выполняет особую функцию социального служения, является не только источником знаний, но и наставником, примером и ориентиром молодого поколения. Только педагог, проявляющий чуткость, отзывчивость и одновременно ведущий авторитетный и конструктивный диалог, может стать примером, воспитать и направить обучающегося. Следует отметить, что через систему образования, через труд педагога осуществляются не только образование и воспитание отдельной личности, но и всего народа как единой гражданской исторической нации.



Заключение

В современной науке выделяется несколько групп аксиологических проблем, основанных на отсутствии единой четкой системы ценностей в образовании, а также на недостаточном использовании воспитательных подходов. Решение указанных проблем можно найти в развитии аксиологической теории, которая способствует раскрытию ценностного содержания явлений. Кроме того, следует провести концептуальный анализ и пересмотр системы образования с учетом приоритета традиционных духовно-нравственных ценностей, присущих российской культуре общества. Очевидно, что национальная система образования не может быть оторвана от воспитательных функций, касающихся в том числе последовательного привития гражданственности и патриотизма. Необходима выработка новых принципов воспитания, включающих особые механизмы работы с «чувствительными» темами. К таким темам следует отнести домашнее насилие в контексте семейных ценностей, репрессии и религиозные гонения в контексте исторической преемственности, роль духовенства в контексте нравственных ценностей, национальный вопрос в контексте национального единства. С учетом современных реалий указанные темы представляются наиболее актуальными. Кроме того, необходима системная работа по преодолению укоренившегося в образовании сервисно-предпринимательского подхода, а также по повышению общественного статуса педагога.

Рассмотренные аксиологические проблемы по существу могут быть решены только путем переосмысления системы российского образования всех уровней с учетом базовых, традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 02.05.2024

Список литературы

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. 719 с.
2. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. М. ; Л. : Академия педагогических наук РСФСР, 1948. С. 425–488.
3. Рахматуллина З. Я. «Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего» (о духовном воспитании современной молодежи) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3-1. С. 1217–1221.
4. Сергей Кабышев: традиционные ценности – основа образования // Справедливая Россия – Патриоты – за правду. URL: <https://spravedlivo.ru/13918310> (дата обращения: 03.05.2024).
5. Колесникова И. А. О критериях гуманизации образования // Гуманизация образования: Теория. Практика. СПб. : СПГУПМ, 1994. С. 37–45.
6. Ушинский К. Д. «Три элемента школы» (1857) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1948. С. 42–68.

References

1. *Filosofskiy slovar'* [Frolov I. T., ed. Philosophical Dictionary]. Moscow, Respublika, 2001. 719 p.
2. Ushinskiy K. D. On the moral element in Russian education. In: Ushinskiy K. D. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 2: Pedagogicheskie stat'i 1857–1861 gg.* [Collected Works: in 11 vols. Vol. 2: Pedagogical Articles of 1857–1861]. Moscow, Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1948, pp. 425–488 (in Russian).
3. Rakhmatullina Z. Ya. “Knowledge without education is a sword in the hands of a madman” (about the spiritual education of modern youth). *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2009, vol. 14, no. 3-1, pp. 1217–1221 (in Russian).
4. Sergey Kabyshev: Traditional values are the basis of education. In: *Spravedlivaya Rossiya – Patrioty – za pravdu* (Just Russia – Patriots – for the truth). Available at: <https://spravedlivo.ru/13918310> (accessed 3 May 2024) (in Russian).
5. Kolesnikova I. A. On the criteria for the humanization of education. In: *Gumanizatsiya obrazovaniya: Teoriya. Praktika* [Humanization of Education: Theory. Practice]. St. Petersburg, SPGUPM Publ., 1994, pp. 37–45 (in Russian).
6. Ushinskiy K. D. “Three elements of school” (1857). *Ushinskiy K. D. Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 2: Pedagogicheskie stat'i 1857–1861 gg.* [Collected Works: in 11 vols. Vol. 2: Pedagogical Articles of 1857–1861]. Moscow, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1948, pp. 42–68 (in Russian).



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 176–179

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 176–179

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-176-179>

EDN: ELBFQE

Научная статья

УДК 316.75-053.81

Проблема деидеологизации: социально-ценностные аспекты (на примере современной молодежной среды)



Е. В. Скрыбина

Ивановский государственный политехнический университет, Россия, 153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, д. 21

Скрыбина Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, e.gryzdeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1651-4456>

Аннотация. Введение. В статье анализируются социально-ценностные аспекты проблемы деидеологизации (на примере современной молодежной среды). Рассматриваются причины, сущность и социальные последствия отказа от государственной идеологии (национальной идеи). Исследуется работа глубинных социальных механизмов, таких как общественное самосознание и социальная само-рефлексия. **Теоретический анализ.** Раскрывается сложность обозначенного вопроса; уточняются функции государственной идеологии, причины отказа от нее на постсоветском пространстве; конкретизируются цели и задачи работы. Исследуется взаимосвязь деидеологизации с исчезновением конструктивных морально-ценностных ориентиров и формированием целого ряда негативных социальных тенденций. **Эмпирический анализ.** Определяются эмпирическая база, методика и методология исследования. Устанавливается прямая корреляция деидеологизации с многообразием проявлений социального инфантилизма и ростом популярности целого ряда антиобщественных движений и настроений. **Заключение.** Констатируется, что в условиях взятого в постперестроечный период курса на деидеологизацию страны у современной молодежи появляются видоизмененные морально-ценностные идеалы, губительные как для личностного роста, так и развития общества в целом. Формулируются выводы, согласно которым волонтерская и другая позитивная социальная активность является одним из наиболее эффективных способов преодоления негативных последствий деидеологизации.

Ключевые слова: государственная идеология, ценностный аспект, национальная идея, молодежь, национализм, вандализм, политический инфантилизм, волонтерская деятельность

Для цитирования: Скрыбина Е. В. Проблема деидеологизации: социально-ценностные аспекты (на примере современной молодежной среды) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 176–179. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-176-179>, EDN: ELBFQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of deideologization: The social and value aspects (on the example of the modern youth environment)

E. V. Skryabina

Ivanovo State Polytechnic University, 21 Sheremetevskiy Ave., Ivanovo 153000, Russia

Elena V. Scriabina, e.gryzdeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1651-4456>

Abstract. Introduction. The article analyzes the social and value aspects of the problem of deideologization (using the example of the modern youth environment). The reasons, essence and social consequences of the rejection of the state ideology (national idea) are considered. The work of deep social mechanisms, such as social self-awareness and social self-reflection, is investigated. **Theoretical analysis.** The complexity of the issue under consideration is revealed, the functions of the state ideology and the reasons for abandoning it in the post-Soviet space are clarified, the goals and objectives of the work are specified. The interrelation of deideologization with the disappearance of constructive moral and value orientations and the formation of a number of negative social trends is investigated. **Empirical analysis.** The empirical base, methods and methodology of the research are clarified. A direct correlation of deideologization with the variety of manifestations of social infantilism and the growing popularity of a number of antisocial movements and moods is revealed. **Conclusion.** It is shown that in the conditions of the course taken in the post-perestroika period towards the de-ideologization of the country, modern youth have modified moral and value ideals that are detrimental to both personal growth and the development of society as a whole. Conclusions are formulated according to which volunteer and other positive social activity are one of the most effective ways to overcome the negative consequences of deideologization.

Keywords: state ideology, value aspect, national idea, youth, nationalism, vandalism, political infantilism, volunteer activities

For citation: Skryabina E. V. The problem of deideologization: The social and value aspects (on the example of the modern youth environment). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 176–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-176-179>, EDN: ELBFQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

На фоне серьезных внешних и внутренних вызовов, с которыми в настоящее время сталкивается Российская Федерация, особый интерес научного сообщества вызывает проблема государственной идеологии [1, 2]. В условиях процессов глобализации, очевидных признаков кризиса международного права, роста национализма, фашизма и экстремизма задача комплексного теоретико-методологического изучения этого неоднозначного социально-политического феномена становится актуальной как никогда.

Теоретический анализ

Сложность рассматриваемого вопроса выявляется уже на этапе теоретико-правового анализа отечественной законодательной системы. Так, с одной стороны, ст. 13.2 Конституции РФ накладывает прямой запрет на государственную идеологию [3]. С другой стороны, государственная идеология, традиционно понимаемая как определенная система взглядов, ценностей, идеалов и норм, транслируемых и защищаемых государством, именно с правовой точки зрения является, безусловно, необходимой, более того, по мнению теоретика-правоведа А. И. Овчинникова, «... присутствует неизбежно в системе правовых норм, издаваемых государством...» [4, с. 84].

Известный отечественный социолог В. Н. Кузнецов, обосновывая целый ряд важнейших функций государственной идеологии (мобилизационную, мировоззренческую, идентификационную, интеграционную, функцию социализации и другие), уточняет, что в начале 1990-х гг. термин «государственная идеология» не только приобретает негативный и даже «ругательный» оттенок, но и вообще начинает исчезать из научного оборота. По мнению исследователя, запрет государственной идеологии является прямым следствием массивного разрушения советской системы и ее идеологических устоев [5].

Цель настоящей работы – исследование концептуально-ценностных последствий постсоветского курса на деидеологизацию государства (на примере современной молодежной среды), продиктованного «архитекторами» новой постсоветской государственности, такими как Е. А. Гайдар, С. М. Шахрай и другими, доказывающими «лживость» коммунистической идеологии [6] и опирающимися в своих установках

на западных теоретиков, утверждавших, что государственная идеология – это откровенный рудимент, ненужный современной России [7].

Эмпирический анализ

В 2022–2023 гг. на базе Ивановского государственного политехнического университета (ИВГПУ) было организовано выборочное тестирование 150 студентов дневного отделения вуза: средний возраст испытуемых составил 18–22 года, респондентам была предложена анкета, состоящая из блоков, содержащих индикаторы социально-ролевых, морально-этических и личностно-психологических свойств и качеств личности, а также раскрывающих идейно-политические убеждения и взгляды современного студенчества.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что в современной студенческой молодежной среде достаточно сильны антидемократические и антилиберальные настроения (выявлены примерно у 25% опрошенных), в умонастроениях 23% обнаружена достаточно опасная тенденция к национализму, у 17% – склонность к проявлению вандализма, тесно связанная с обесцениванием традиционных общественных ценностей, у трети студенчества формируются ярко выраженные признаки внешнего локус-контроля (т.е. склонность возлагать ответственность за свои личные неудачи на внешние обстоятельства и (или) других людей, снимая с себя всю ответственность за происходящее), почти каждый десятый допускает возможность добиваться успеха аморальными и противоправными способами, следуя печально известному принципу «*homo homini lupus es*».

Обработка полученных эмпирических результатов, во-первых, позволяет констатировать, что в условиях деидеологизации страны наблюдается заметный рост националистических взглядов и настроений. Полученные данные в целом перекликаются с точкой зрения таких современных исследователей молодежного национализма, как П. В. Пинаев и Ю. Ю. Яцкевич, полагающих, что национализм в России «подобен стремительно развивающейся болезни, лекарство от которой до сих пор не найдено...» [8, с. 137].

Во-вторых, становится очевидным, что деидеологизация влечет за собой и другие, рискованные, с точки зрения целостности социальной системы, последствия, среди которых особое место занимает молодежный вандализм.



Широкое распространение этой достаточно опасной социальной тенденции в последнее время привлекает внимание все большего количества специалистов. Так, Д. В. Руденкин и Р. Ю. Порозов, понимающие под молодежным вандализмом своеобразный инструмент социализации, особо подчеркивают то обстоятельство, что современная социальная реальность как нельзя более предрасполагает к проявлениям молодежного вандализма [9, с. 52].

Полученные эмпирические данные позволяют констатировать, что в условиях взятого в постперестроечный период курса на деидеологизацию страны, у современной молодежи появляются видоизмененные морально-ценностные идеалы, губительные как для ее собственного личностного роста, так и развития общества в целом.

В период активного становления гражданского общества и возрождения русской национальной идеи обозначенная проблема заслуживает особого внимания. В настоящее время в стране действуют целевые правительственные программы, направленные на профилактику и борьбу с асоциальными явлениями, повышение социальной ответственности граждан, формирование чувства гражданственности и патриотизма. Особое внимание уделяется молодежной политике, волонтерской и другой социально значимой деятельности [10].

Отметим, что общественная и волонтерская деятельность достаточно востребована в студенческой среде ИВГПУ. Так, второй этап проведенного эмпирического эксперимента показал, что порядка 27% студентов (из 150 ранее опрошенных) в той или иной форме уже вовлечены в общественно полезную и волонтерскую работу, а более 34% респондентов задумываются о возможности участия в социальной и благотворительной деятельности. Столь оптимистичных показателей во многом удалось добиться благодаря деятельности регионального волонтерского центра, созданного на базе ИВГПУ при поддержке департамента образования Ивановской области в августе 2017 г. В работе этой волонтерской организации можно выделить несколько важнейших направлений: патриотическое, событийное, социальное, медицинское, экологическое, волонтерство в ЧС [11]. Активное вовлечение студенчества в волонтерскую деятельность – результат постоянной и эффективной кураторской и образовательно-воспитательной работы вуза с молодыми людьми (проектная деятельность социально-патриотической направленности,

студенческие конференции и круглые столы, мероприятия, посвященные годовщинам памятных дат и юбилеев, митинг-концерты, деятельность студенческих патриотических клубов и т.д.).

Эмпирические данные, полученные в ходе второго этапа исследования, наглядно показывают, что студенчество, активно вовлеченное в волонтерскую деятельность, существенно выделяется из общей массы опрошенной молодежи. Помимо более высокого уровня социальной активности, сформированного чувства долга и ответственности перед Родиной и обществом, студенты-волонтеры продемонстрировали отсутствие склонности к деструктивным социальным ориентациям (национализму, вандализму, неонацизму, антилиберальным и антидемократическим взглядам, экстремальной атрибуции и т.д.).

Заключение

Выявив некоторые, наиболее характерные, на наш взгляд, проблемы, следует отметить, что в условиях отсутствия четко сформулированной государственной идеологии (национальной идеи) социум, несомненно, сталкивается с процессами существенного искажения глубинных социальных механизмов, таких как общественное самосознание и социальная саморефлексия. Особенно отчетливо это выражается в многообразии проявлений социального инфантилизма и растущей популярности целого ряда антиобщественных настроений в современной студенческой среде.

Достаточно эффективным способом преодоления рассмотренных негативных тенденций является активное вовлечение молодежи в волонтерское движение и другую позитивную социальную деятельность. Участие в волонтерском движении стало для молодых людей своеобразным «социальным лифтом», позволяющим студенчеству максимально адаптироваться к формирующейся системе социальных отношений еще в студенческие годы. Именно волонтерская деятельность, как и другие варианты позитивной социальной активности, на наш взгляд, является наиболее действенной возможностью успешного преодоления многих негативных последствий деидеологизации.

Список литературы

1. *Вожжева Л. Б.* Национальная идея России (история и современность) // Урал индустриальный. Бакуинские чтения: Индустриальная модернизация



- Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина : материалы (Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.) / под ред. В. В. Запарий : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : УрФУ, 2014. С. 53–55.
2. Мезенцев Е. А., Колмакова Е. А. К вопросу о национальной идее и государственном девизе современной России // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 6 (62). С. 595–601.
 3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=5> (дата обращения: 30.11.2023).
 4. Овчинников А. И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // *Философия права*. 2012. № 2. С. 84–89.
 5. Кузнецов В. Н. Идеология. Социологический аспект : учебник. М. : Книга и бизнес, 2005. 816 с.
 6. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М. : Евразия, 1995. 206 с.
 7. Bell D. *The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties*. Glencoe (IL): The Free press of Glencoe, Cop., 1960. 416 p.
 8. Пинаев П. В., Яцкевич Ю. Ю. Национализм в молодежной среде современного российского общества // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 3 (19). С. 137–147.
 9. Руденкин Д. В., Порозов Р. Ю. Что современная российская молодежь понимает под вандализмом? // *Juvenis Scientia*. 2018. № 11. С. 52–54.
 10. Об утверждении Концепции развития волонтерства: распоряжение правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. URL: <https://rosrest.com/rasporjazhenie-pravitelstva-rossijskoj-federacii-ot-27-dekabrja-2018-goda-2950-r-ob-utverzhdennii-konceptcii-razvitija-volontjorstva/> (дата обращения: 30.01.2024).
 11. Мы – вместе. Региональный волонтерский центр ИВГПУ. URL: <https://ivgpu.ru/molodezhnaya-politika/regionalnyj-volonterskij-tsentr> (дата обращения: 30.01.24).
- References**
1. Vozheva L. B. The national idea of Russia (history and present). In: *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chtenija: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv. XII Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina: materialy: v 2 t. T. 1. (Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2014 g.)* [Zapariy V. V., ed. Industrial Urals. Bakunin readings: Industrial modernization of the Urals in the XVIII–XXI centuries. The XII All-Russian Scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Vasilyevich Bakunin. Materials: in 2 vols. Vol. 1]. Yekaterinburg, UrFU Publ., 2014, pp. 53–55 (in Russian).
 2. Mezentsev E. A., Kolmakova E. A. To the question of the national idea and the national motto of modern Russia. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovations], 2016, no. 6 (62), pp. 595–601 (in Russian).
 3. *The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020)*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=5> (accessed November 30, 2023) (in Russian).
 4. Ovchinnikov A.I. The concept of state ideology and its functions in the modern state. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2012, no. 2, pp. 84–89 (in Russian).
 5. Kuznetsov V. N. *Ideologiya. Sotsiologicheskii aspekt* [Ideology: A Sociological Aspect]. Moscow, Kniga i biznes, 2005. 816 p.
 6. Gaidar E. T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [The State and Evolution]. Moscow, Eurasia, 1995. 206 p.
 7. Bell D. *The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties*. Glencoe (IL): The Free press of Glencoe, Cop., 1960. 416 p.
 8. Pinaev P. V., Yatskevich Yu. Yu. The youth nationalism in the contemporary Russian society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2014, no. 3 (19), pp. 137–147 (in Russian).
 9. Rudenkin D. V., Porozov R. Yu. What is vandalism in the opinion of contemporary Russian youth? *Juvenis Scientia*, 2018, no. 11, pp. 52–54 (in Russian).
 10. *On the approval of the Concept of volunteering development. Decree of the Government of the Russian Federation no. 2950-R of December 27, 2018*. Available at: <https://rosrest.com/rasporjazhenie-pravitelstva-rossijskoj-federacii-ot-27-dekabrja-2018-goda-2950-r-ob-utverzhdennii-konceptcii-razvitija-volontjorstva/> (accessed January 30, 2024) (in Russian).
 11. *Мы – вместе. Regional'nyy volonterskiy tsentr-IVGPU* (We are together. Regional Volunteer Center- IVSPU). Available at: <https://ivgpu.ru/molodezhnaya-politika/regionalnyj-volonterskij-tsentr> (accessed January 30, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 02.05.2024
 The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 180–185

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 180–185

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>

EDN: SHRMPM

Научная статья

УДК [141.319.8:39](4/5)+929[Ницше+Гумилев]



Воля к власти в этногенезе: ницшеанские мотивы евразийской антропологии

В. Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет, Россия, 443000, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Фаритов Вячеслав Тависович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, vfar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Аннотация. Введение. В статье предпринята философская реконструкция евразийской антропологии на основе анализа теории этногенеза Л. Н. Гумилева. В концептуальных разработках классика евразийства эксплицируются мотивы ницшеанской антропологии, что позволяет вписать евразийскую концепцию человека в контекст постметафизической философии. **Теоретический анализ.** Применение методологических принципов и установок философского компаративного анализа позволяет раскрыть параллели между основными понятиями теории этногенеза и базовыми концептами ницшеанской антропологии (воля к власти, сверхчеловек, вечное возвращение). **Заключение.** Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, согласно которому ключевым моментом как ницшеанской антропологии, так и антропологического учения Л. Н. Гумилева, выступает трансгрессия, понимаемая автором как онтологический горизонт, противоположный трансценденции. В статье обосновывается тезис о том, что конститутивным моментом понимания человека в учении Ф. Ницше и теории Л. Н. Гумилева является отказ от трансценденции и утверждение сугубо трансгрессивного характера человеческого бытия. Также осуществляется переосмысление характера связи ницшеанской антропологии с наследием Античности. Обращение Ницше к Античности спровоцировано ситуацией кризиса европейской метафизики и западного христианства. Обосновывается тезис, что кризис метафизической философии является одновременно основным мотивом обращения евразийцев к Востоку как к принципиально неевропейскому горизонту философской мысли.

Ключевые слова: трансгрессия, евразийство, пассионарность, воля к власти, человек

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

Для цитирования: Фаритов В. Т. Воля к власти в этногенезе: ницшеанские мотивы евразийской антропологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>, EDN: SHRMPM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The will to power in ethnogenesis: Nietzschean motives of Eurasian anthropology

V. T. Faritov

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443000, Russia

Vyacheslav T. Faritov, vfar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Abstract. Introduction. The article carries out a philosophical reconstruction of Eurasian anthropology based on the analysis of the theory of ethnogenesis by L. N. Gumilyov. In the conceptual developments of the classicist of Eurasianism, the motives of Nietzschean anthropology are explicated, which makes it possible to fit the Eurasian concept of man into the context of post-metaphysical philosophy. **Theoretical analysis.** The application of methodological principles and guidelines of philosophical comparative analysis allows us to reveal parallels between the basic concepts of the theory of ethnogenesis and the basic concepts of Nietzschean anthropology (the will to power, overman, eternal return). **Conclusion.** A comparative analysis allows us to conclude that the key point of both Nietzschean anthropology and the anthropological teachings of L. N. Gumilev advocates transgression, understood by the author as an ontological horizon opposite to transcendence. The article substantiates the thesis that the constitutive moment of understanding a person in the teachings of F. Nietzsche and the theory of L. N. Gumilev is the rejection of transcendence and the affirmation of the purely transgressive nature of human existence. The rethinking of the nature of the connection between Nietzschean anthropology and the heritage of antiquity is also carried out. It is concluded that Nietzsche's appeal to antiquity was provoked by the situation of crisis in European metaphysics and Western Christianity. The thesis is substantiated that the crisis of metaphysical philosophy is at the same time the main motive for the Eurasians to turn to the East as a fundamentally non-European horizon of philosophical thought.

Keywords: transgression, Eurasianism, passionarity, will to power, man



Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

For citation: Faritov V. T. The will to power in ethnogenesis: Nietzschean motives of Eurasian anthropology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 180–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>, EDN: SHRMPM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Философская мысль XX столетия с полным правом характеризуется как «постницшеанская» [1]. Происходит становление принципиально «нового типа и качества восприятия как такового, уже вовсе не нуждающегося в текстах Ницше, чтобы воспринимать и чувствовать «по Ницше» [2, с. 794–795]. Сам Ницше предвидел данную ситуацию, когда писал, что время его философии еще не пришло, его идеи найдут своих последователей в будущих столетиях [3]. И речь идет не только и не столько о прямом и непосредственном влиянии наследия Ницше, сколько об объективном процессе становления того типа мышления, основные контуры и направления которого были разработаны философом.

Русская философия – не исключение из этого процесса. Наряду с большим количеством текстов, непосредственно отсылающих к наследию Ницше [4], ницшеанские мотивы могут быть эксплицированы в концептуальных разработках авторов, не причисляющих себя к ницшеанской парадигме. В частности, такое знаковое направление русской философской мысли, как евразийство, содержит в себе концептуальное ядро, которое может быть описано в ключевых терминах учения Ницше. Сами евразийцы не употребляли таких терминов, как «воля к власти», «сверхчеловек», «вечное возвращение», но дело не в терминах, а в направленности мысли. Да и у Ницше перечисленные понятия выступают не в качестве терминов с фиксированным содержанием, а скорее как открытые и подвижные концепты, подчас философских метафор [цит. по: 5].

Теоретический анализ

Теория этногенеза Л. Н. Гумилева вопреки заверениям автора о принципиальной «естественнонаучности» и «нефилософичности» его концептуальных разработок представляет собой вариант постницшеанской философской антропологии. Уже основное положение концепции Гумилева – этнос не состояние, а процесс – имплицитно подразумевает переход от онтологии субстанции к онтологии становления, от пара-

дигмы Парменида к парадигме Гераклита [6]. Соответственно, антропология Гумилева носит не метафизический, а «энергичный» характер: человек мыслится не как носитель субстанциального начала, а как открытая и динамическая «энергичная» конфигурация. Человек – не сочетание разумного, волевого и вожделеющего начала, не единство протяженной и духовной субстанции, а подвижная координация дискретных импульсов, неких квантов энергии: «Величина импульса пассионарности, соответственно, может быть либо больше, либо меньше, либо равна импульсу инстинкта самосохранения» [7, с. 435–436]. Из приведенного фрагмента видно, что пассионарность – не сущность, а энергичная характеристика, уровень напряжения. Пассионарность предполагает «способность к сверхнапряжению» [7, с. 270], это «импульс, достаточно мощный для того, чтобы преодолеть свойственный любому организму инстинкт личного и даже видового самосохранения, т.е. выражается он как жертвенность, простирающаяся даже на собственное потомство» [7, с. 332].

Здесь параллель с ницшеанской антропологией становится достаточно прозрачной при условии, что мы вынесем за скобки интерпретации учения Ницше, подобные хайдеггеровской. Для Хайдеггера воля к власти есть именно лежащая в основе всего сущность, т.е. философия Ницше завершает метафизический подход к бытию, который есть не что иное, как забвение бытия [8]. Зачисление Ницше в разряд метафизиков позволяет Хайдеггеру оставить заслугу «преодоления метафизики» преимущественно и исключительно за своей собственной философией. При таком подходе Ницше и Гумилев в философском плане оказываются фигурами несопоставимыми. Если же мы признаем за философией Ницше право на существование вне хайдеггеровского истолкования, то отнесение учения Гумилева к постницшеанской парадигме может получить научное обоснование. Еще раз подчеркнем: мы говорим не о прямом влиянии идей Ницше на концептуальные разработки Гумилева, а о предвосхищении Ницше того образа мыслей, который может быть охарактеризован как постметафизический [9].

В постметафизической парадигме воля к власти видится не в качестве единой и универ-



сальной сущности, а как множество дискретных импульсов, которые носят не субстанциальный, а энергийный характер. Воля к власти есть творческий импульс, направленный на преодоление человеческой природы, импульс, побуждающий человека «хотеть созидать дальше себя» («über sich hinaus schaffen will») [10, S. 454]. Именно такой творческий импульс согласно Гумилеву является силой, благодаря которой осуществляется преобразование природных ландшафтов в ходе этногенеза: «Изменение природы – не результат постоянного воздействия на нее народов, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т.е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза» [7, с. 271].

Важно, что и воля к власти, и пассионарность, как правило, губительны для индивидов, являющихся их носителями. Пассионарность есть «антиинстинкт или инстинкт с обратным знаком», поскольку побуждает к «принесению жизни в жертву ради иллюзии» [7, с. 436]. Аналогичным образом и у Ницше воля к власти означает хотеть любить и погибнуть (Lieben und Untergehn): «Где есть красота? Там, где я должен хотеть всей волей; где я хочу любить и погибнуть, чтобы образ не остался только образом. Любить и погибнуть – это созвучно от вечности. Хотеть любви – это значит хотеть также смерти» [11, с. 129].

Еще одна черта, позволяющая эксплицировать параллель между теорией пассионарности и учением о воле к власти, заключается в признании отклоняющегося характера пассионариев. Так, согласно Гумилеву пассионарность как «безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак» [7, с. 342]. Но и у Ницше в учении о воле к власти и сверхчеловеке речь идет об особых отклоняющихся и переходных натурах (Die abweichenden Übergangsnaturen) [12, с. 230]. Подобно пассионариям такие «переходные натуры», как правило, гибнут. Однако в некоторых случаях им удается не только погибнуть, но и внести в систему новые стереотипы поведения, которые затем будут приняты и усвоены остальными [13, с. 318].

На основании сказанного можно сделать вывод о *трансгрессивном* характере как воли к власти, так и пассионарности. Оба феномена

подразумевают некое отклонение от устоявшейся нормы, определенную степень нарушения установленных границ. Нарушение границ происходит как на биологическом, так и на социально-культурном уровне, т.е. как раз в зоне этногенеза, поскольку этносы – «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы» [7, с. 19]. Отмечая трансгрессивный характер пассионарности, следует учитывать несколько моментов. Во-первых, из сферы пассионарного отклонения от нормы исключаются явления патологического характера, «хотя пассионарность, конечно, – уклонение от нормы, но отнюдь не патологическое» [7, с. 342–343]. Таким образом, все, что проходит по ведомству психиатрии, а заодно и психоанализа, к пассионарности отнесено быть не может. Во-вторых, из содержания пассионарности исключаются животные инстинкты [7, с. 342]. В-третьих, пассионарность согласно Гумилеву имеет в качестве своего источника «микромутации». Это означает, что уклонение от нормы не должно быть масштабным, поскольку таковое может привести к разрушению и фактическому уничтожению человека. Из всех названных моментов следует, что пассионарная трансгрессия является не деструктивным, а творческим феноменом, направленным не на уничтожение человека, а на его преобразование. В этом принципиальное отличие теории Гумилева от концептуальных разработок «постмодернистов». Такие авторы, как Фуко, Делез и Гваттари, также говорят о трансгрессии, однако у них речь идет преимущественно о полном устранении границ человеческой субъектности (вспомним знаменитую метафору Фуко об изображении лица, начерченном на морском берегу). В постструктурализме трансгрессия, таким образом, негативна. В теории этногенеза трансгрессия позитивна, поскольку представляет собой импульс созидания, преобразования человека. В этом плане Гумилев ближе к Ницше, в учении которого воля к власти также представляет собой творческий импульс, направленный на превосходение человека: «Человек есть нечто, что должно превзойти». Как Ницше, так и Гумилев, выявил феномен позитивной трансгрессии, к которой Ницше относит волю к власти, а Гумилев – пассионарность.

Снижение уровня пассионарного напряжения формирует особый тип субпассионариев – людей с пониженной пассионарностью. В этногенезе выделяются целые фазы, в которых



субпассионарии начинают преобладать над пассионариями. В этом пункте мы подходим к проблеме ницшевского осмысления истории, весьма плодотворной для задач компаративного исследования учений Ницше и Гумилева.

Ницше сделал объектом самого пристального внимания два «этноса» – античный и современный европейский. Древние греки и современные европейцы занимали Ницше больше всего. В истории и культуре как тех, так и других, философ выявил периоды подъема и упадка. Речь идет о все той же «воле к власти», которая выступает в качестве импульса жизненной силы не только отдельных индивидов, но и целых народов и культур. Импульс может быть утверждающим, творческим или отрицающим, нигилистическим. На этом основании в истории народов выделяются эпохи подъема или упадка. При этом направленность исторического процесса всегда одинакова: от подъема к упадку. Сравнительно краткие периоды всплеска творческой силы неизбежно сменяются длительными эпохами декаданса. Молодой Ницше проследил эту закономерность на материале истории культуры Древней Греции. «Трагическая» эпоха бьющей через край жизненной силы сменяется моральным и рассудочным периодом, который знаменует начало конца.

Если заключить в скобки метафизический и мифический аспекты учения о сверхчеловеке и вечном возвращении, то получится метафорическое описание процесса этногенеза. Сверхчеловек, пришествие которого Ницше закликает устами своего Заратустры, есть не кто иной, как пассионарий, или тип «новых людей», закладывающих иные стереотипы поведения, на основе которых впоследствии может возникнуть другой этнос. Чтобы понять, почему Ницше вообще говорит о сверхчеловеке (или просто пассионарном человеке), нужно учесть исторический контекст, в котором возникло данное учение. Ницше более чем кто другой писал о современной Европе как о культуре, давно вступивший в период упадка. Такая оценка современности была высказана им еще в «Рождении трагедии» и в «Несвоевременных размышлениях». Тогда еще молодой Ницше возлагал определенные надежды на Шопенгауэра и Вагнера, видя в них пассионариев. Впоследствии философ отказался от этой точки зрения, разоблачив и того и другого в качестве декадентов. Среди своих современников-европейцев Ницше уже не видел никого, кроме декадентов и ниги-

листов, т.е. субпассионариев. Место для них осталось вакантным. Тогда Ницше и заполнил этот пробел современности «сверхчеловеком» (с выбором слова, как известно, помог гетевский «Фауст»). Предреченный период «восхождения нигилизма как история двух ближайших столетий» в терминологии Гумилева может быть охарактеризован как фаза обскурации европейского суперэтноса. Таким образом, можно констатировать, что ставший теоретико-методологическим постулатом евразийцев «отказ от европоцентризма» был осуществлен уже в учении Ницше.

В сфере философии истории Ницше осуществил критический пересмотр и отход от европоцентричной линейной модели исторического процесса. Сделал он это, как всегда, не систематично, а в отдельных фрагментах. Систематическая разработка циклической модели будет впоследствии осуществлена Шпенглером, рядом других авторов, в том числе Гумилевым. Ницше же сформулировал идею вечного возвращения. Если снять с этого учения мифический и космологический покровы, то можно обнаружить представление об исторических циклах. И здесь коренится причина того, почему вечное возвращение воспринимается Ницше одновременно как самая тяжелая мысль. Циклическая повторяемость исторического процесса предполагает возвращение не только периодов подъема, но и периодов упадка. «Сократический человек», «маленький человек» (*der kleine Mensch*), субпассионарий будет каждый раз возвращаться.

Историчность настолько укоренена в ницшевском философствовании, что даже богов он мыслит не иначе как в перспективе цикличности исторического процесса. Боги для Ницше суть выражение стадий подъема или упадка в жизни народов. Бессилие воли к власти или (в терминологии Гумилева) убывание пассионарности выражает согласно Ницше христианское представление о Боге. Однако именно в своей оценке христианства Ницше оказался несправедлив. Историческое мышление здесь уступило место тенденции к философскому обобщению. Ницше допустил ту ошибку, которую Гумилев характеризует как аберрацию близости: близкие явления воспринимаются как более значительные, чем явления далекие. Как уже отмечалось, Ницше жил в эпоху упадка европейской культуры и мыслил современность как эпоху упадка. В современном



западном христианстве он вполне справедливо видел и разоблачал феномен декаданса. Но то, что было верно по отношению к современному христианству, на поверку оказывается неверным в отношении его прошлых периодов, особенно наиболее удаленных от времени Ницше. Характерные черты христианства европейской культуры в стадии упадка философ распространил на все христианство в целом, превратив его тем самым в символ и синоним вырождения и нигилизма как таковых. В христианстве Ницше обнаружил квинтэссенцию ресентимента. Находясь в плену абберации близости и наблюдая неуклонно нарастающие тенденции к девальвации христианства в современности, Ницше формулирует свой тезис о смерти Бога. Здесь вновь сказывается его склонность к глобальным философским обобщениям: кризис западного христианства был осмыслен как событие всемирного масштаба. Ницше-философ взял верх над Ницше-ученым. Поскольку в ницшевской философской абберации христианский Бог мертв как таковой, мыслитель обратился к дохристианской эпохе. Под рукой оказались древние греки, культурное наследие которых Ницше в бытность свою филологом-классиком успел тщательно изучить. В завершение своей сознательной жизни Ницше выразил всю эту коллизию в лаконичной формуле: «Дионис против Распятого».

Более справедливую оценку христианства дает Гумилев в контексте своей теории этногенеза. Он обращает внимание на те исторические аспекты, которые совершенно упускает из виду Ницше, а именно: возникновение христианства в эпоху упадка римского суперэтнуса представляет собой пассионарный толчок, породивший впоследствии новую этническую целостность. Христианство дало иную систему отсчета, которая сделала неактуальными, фактически свела на нет упадочные учения поздней Античности. В отличие от Ницше Гумилев увидел в начальном христианстве мощнейший творческий импульс, крайнюю степень пассионарности [7, с. 507]. Пожалуй, именно здесь Ницше мог бы найти наиболее радикальную реализацию своего положения, что человек есть переход и гибель! Но, как уже было сказано, специфическая абберация ницшевской мысли не позволила ему этого сделать. Иначе Ницше был бы вынужден признать, что христианство далеко не всегда и не везде было прибежищем представителей

«морали рабов», но что «огонь пассионарности, сжигающий сердца людей того времени, вызвал вместо дружеских споров и бесед пожары, гасимые проливаемой кровью» [7, с. 507].

Заключение

Евразийская антропология носит трансгрессивный характер, как и антропологическое учение Ницше. Такая антропология принадлежит к философии постметафизического, антиэссенциалистского типа. Ключевым понятием здесь становится не сущность, а энергия, выражающаяся в концепциях воли к власти или пассионарности.

Список литературы

1. Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
2. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 862 с.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 6. М. : Культурная революция, 2009. 408 с.
4. Ницше: pro et contra. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2001. 1076 с.
5. Данто А. Ницше как философ. М. : Идея-пресс, 2000. 280 с.
6. Фаритов В. Т. Онтология трансгрессии. СПб. : Алетейя, 2017. 442 с.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Азбука, 2013. 672 с.
8. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. Т. 1. СПб. : Владимир Даль, 2006. 604 с.
9. Малкина С. М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. 268 с.
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 9. М. : Культурная революция, 2013. 656 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 8. М. : Культурная революция, 2008. 704 с.

References

1. Glukhov A. A. *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i postnitssheanskoe preodolenie platonizma* [Wave overlap. Plato's political logic and post-Nietzschean overcoming of Platonism]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshoy shkoly ekonomiki, 2014. 584 p. (in Russian).

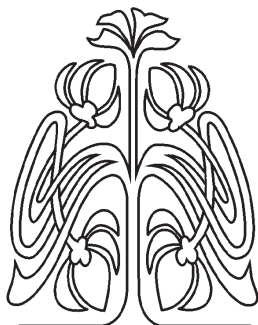


2. Nitsche F. *Sochineniya* : v 2 t. T. 2. [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, RIPOL KLASSIK, 1998. 862 p. (in Russian).
3. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 6.* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 6]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009. 408 p. (in Russian).
4. *Nitsche: pro et contra* [Nietzsche: pro et contra]. St. Petersburg, Russkiy khristianskiy gumanitarnyy institut Publ., 2001. 1076 p. (in Russian).
5. Danto A. *Nietzsche as a philosopher*. New York, Columbia University Press, 1965 (Russ. ed.: Danto A. *Nitsche kak filosof*. Moscow, Ideya-press, 2000. 280 p.).
6. Faritov V. T. *Ontologiya transgressii* [Ontology of Transgression]. St. Petersburg, Aletyaya, 2017. 442 p. (in Russian).
7. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. St. Petersburg, Azbuka, 2013. 672 p. (in Russian).
8. Heidegger M. *Nietzsche*. Band 1, Berlin, Verlag, GALLIMARD, 1971. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Nitsche: v 2 t. T. 1.* St. Petersburg, Vladimir Dal', 2006. 604 p.).
9. Malkina S. M. *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov, Saratov University Publ., 2015. 268 p. (in Russian).
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln, Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S. (in Deutsch).
11. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 4]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 432 p. (in Russian).
12. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 9* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 9]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 656 p. (in Russian).
13. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 8* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 8]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. 704 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.12.2023; одобрена после рецензирования 05.01.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 31.12.2023; approved after reviewing 05.01.2024; accepted for publication 02.05.2024



ПСИХОЛОГИЯ



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 186–191
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 186–191
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-186-191>
EDN: UXTJDM

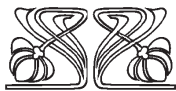
Научная статья
УДК 159.923+316.6

Внутренняя конфликтность личности и ее связь с показателями сформированности профессионального «Я» в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей

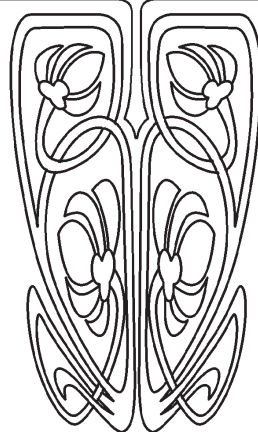
Т. В. Белых

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии образования и развития, tvbelih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-9297>



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ



Аннотация. Введение. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей связи выраженности внутренней конфликтности и комплекса психологических и социально-психологических характеристик личности в структуре индивидуальности как субъекта профессиональной социализации. **Теоретический анализ.** Анализ результатов исследований в научной литературе позволил выявить наличие противоречивых данных относительно связи внутренней конфликтности и продуктивности осуществления профессиональной деятельности, в том числе представителями помогающих профессий. **Эмпирический анализ.** Выявлены корреляционные связи, позволяющие оценить роль выраженности внутренней конфликтности личности в формировании профессионально значимых личностных и социально-психологических свойств в структуре индивидуальности, обеспечивающих успешность освоения и реализации профессиональной деятельности студентов-психологов. **Заключение.** Внутренняя конфликтность у будущих специалистов может сочетаться с низкими показателями способности к саморегуляции и волевыми усилиями, затруднениями в проявлении эго-позиции «Взрослый» в условиях межличностного взаимодействия, но при этом внутренняя конфликтность не препятствует проявлению отзывчивости и искренности в условиях контактного взаимодействия как значимых качеств, формируемых в условиях профессиональной социализации.

Ключевые слова: внутренняя конфликтность личности, профессиональная социализация, структура индивидуальности, профессиональное «Я», саморегуляция, коммуникативные особенности, ролевой конфликт

Для цитирования: Белых Т. В. Внутренняя конфликтность личности и ее связь с показателями сформированности профессионального «Я» в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 186–191. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-186-191>, EDN: UXTJDM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)



Article

Internal conflict of personality and its connection with indicators of the formation of the professional self in the structure of individuality among students of psychological specialties

T. V. Belykh

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatiana V. Belykh, tvbelih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-9297>

Abstract. Introduction. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the peculiarities of the connection between the severity of internal conflict and a complex of psychological and socio-psychological characteristics of an individual in the structure of individuality as a subject of professional socialization. **Theoretical analysis.** The analysis of research results in the scientific literature revealed the presence of conflicting data regarding the connection between internal conflict and the productivity of professional activities, including representatives of helping professions. **Empirical analysis.** Correlation connections have been identified that allow us to draw a conclusion about the role of the severity of an individual's internal conflict in the formation of professionally significant personal and socio-psychological properties in the structure of individuality, ensuring the success of mastering and implementing professional activities by future psychologists. **Conclusion.** Internal conflict in future psychologists can be combined with low levels of self-regulation and volitional efforts, difficulties in demonstrating the "Adult" ego-position in conditions of interpersonal interaction, but at the same time, internal conflict does not prevent the manifestation of responsiveness and sincerity in conditions of contact interaction as professionally significant qualities formed in the conditions of professional socialization. **Keywords:** internal conflict of personality, professional socialization, personality structure, professional self, self-regulation, communicative features, role conflict

For citation: Belykh T. V. Internal conflict of personality and its connection with indicators of the formation of the professional self in the structure of individuality among students of psychological specialties. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 186–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-186-191>, EDN: UXTJDM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение условий успешной профессиональной социализации студентов-психологов остается важной задачей для прикладной психологии личности и социальной психологии. В настоящее время психолог-практик, владея не только навыками эффективной коммуникации и саморегуляции, но и рефлексии профессионального образа «Я», должен уметь оказывать психологическую помощь. Это невозможно осуществить профессионально, если в структуре личности существуют неразрешенные внутренние конфликты, связанные с конструированием собственного образа «Я», или психолог не владеет навыками осознания наличия внутреннего конфликта и адекватными стратегиями преодоления собственной внутренней конфликтности.

Теоретический анализ

Проблеме изучения внутриличностных конфликтов и их связи с успешностью осуществления различных видов профессиональной деятельности посвящены исследования таких зарубежных психологов, как Э. Роу, Д. Сьюпер, Дж. Холланд, А. Адлер, К. Левин, А. Маслоу, К. Роджерс, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни и др. В отече-

ственной психологии данная проблема изучалась в трудах Л. И. Анцыферовой, Ф. Е. Василюка, Е. С. Калмыковой, О. В. Кузменковой, О. Г. Макарова, Л. М. Митиной, Э. Э. Сыманюк, Е. Б. Фанталовой, А. И. Шилилова и др. Существуют разные определения внутриличностного конфликта, зависящие от той теоретико-методологической концепции, которой придерживается автор. Историческая ретроспектива современных исследований по данной проблеме представлена в работе А. В. Гальченко [1]. В контексте настоящего исследования внутренняя конфликтность в структуре образа «Я» рассматривалась в соответствии с определением С. Р. Пантеева [2] как проявление личностью несогласия с собой с признаками заниженной самооценки.

Наличие внутриличностного конфликта и возможности его разрешения связаны с процессом самоактуализации личности, что отражено в трудах В. Г. Морогина, Е. Б. Фанталовой, Л. И. Анцыферовой, Б. С. Братуся, Е. Е. Вахромова, Е. Н. Городиловой, А. Маслоу, А. В. Сивцовой, В. Франкла, К. Хорни, М. Р. Щукина и др. В работе А. В. Сивцовой было установлено, что испытуемые, склонные к самоактуализации, имеют внутренние конфликты, но их успешное разрешение может повышать уровень интернальности, спонтанности, синергии и усиливать потребность в познании [3]. Н. Н. Тарновская, напротив,



обнаружила, что при убывании внутреннего конфликта у сотрудников МЧС усиливается выраженность межличностного эмоционального интеллекта, снижаются показатели реактивной и личностной тревожности [4]. О. Г. Макаров у успешных психологов выявил наличие конфликта жизненных и профессиональных смыслов, который имел отрицательную связь с интеллектуальностью, эмоциональной устойчивостью, эмпатией, самоконтролем [5]. Таким образом, в современных исследованиях высказываются противоречивые мнения относительно влияния внутриличностного конфликта на эффективность профессиональной деятельности психологов и специалистов помогающих профессий. Также обнаружено, что успешная самореализация в условиях профессиональной социализации у студентов-психологов связана с проявлением высокого уровня субъектной активности [6], способности к адаптации в стрессовой ситуации [7]. Активность бытия [8], стрессоустойчивость [9], способность к рефлексии [10] и коммуникативная активность [11] рассматриваются как детерминанты становления профессионального «Я» в структуре интегральной индивидуальности у обучающейся молодежи, в том числе у студентов-психологов. В качестве гипотезы настоящего исследования выступило предположение о том, что высокий уровень внутренней конфликтности у будущих психологов может быть связан с комплексом характеристик в структуре индивидуальности, определяющих способность к саморегуляции, разрешению ролевого конфликта, проявлению ригидности (гибкости) в ситуации межличностного взаимодействия.

Эмпирический анализ

В исследовании приняли участие 125 студентов психологических специальностей Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского и Ставропольского государственного медицинского университета в возрасте от 17 до 25 лет. Исследование проводилось в сентябре–феврале 2023–2024 гг. Использовались следующие психодиагностические методы: опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой; Многомерный опросник исследования самоотношения (МИС – методика исследования самоотношения), созданный С. Р. Пантилеевым; опросник «Исследование

психологической структуры темперамента» Б. Н. Смирнова; опросник «Контроль за действием» тестовая методика Ю. Куля (Kuhl), адаптированная С. А. Шапкиным; опросник межличностных отношений (ОМО) – русскоязычная версия А. А. Рукавишниковой опросника FIRO (Fundamental Interpersonal Relations Orientation) В. Шутца; Шкала «Локус ролевого конфликта» П. П. Горностай; Тест Э. Берна «Определение ролевых позиций в межличностных отношениях». В качестве методов математической статистики использовались: описательная статистика; корреляционный анализ Спирмена. Все расчетные процедуры выполнены в статистическом пакете программы SPSS Statistics 26.0.

С использованием корреляционного анализа была установлена связь выраженности внутренней конфликтности и разноуровневых свойств в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей. Результаты представлены в таблице.

Как видно из таблицы, внутренняя конфликтность личности связана с высоким уровнем ригидности и эмоциональной возбудимости. Данный факт подтверждается и обнаруженной связью внутренней конфликтности с низкими показателями гибкости как способности к адекватной перестройке собственных регуляторных возможностей при изменении внешних условий в сторону их усложнения. Обнаруженная корреляционная связь указывает на негативный эффект наличия внутренней конфликтности в структуре самоотношения личности и ее влияния на осуществление профессиональной психологической деятельности. Связь изучаемого показателя с высоким уровнем эмоциональной возбудимости свидетельствует о том, что будущий психолог может проявлять неуверенность в себе, смущение, эмоциональную неуравновешенность, восприимчивость к отрицательной информации наряду с эмоциональной чувствительностью, стыдливостью. Соответственно, при планировании психопрофилактической работы акцент должен быть сделан на актуализации компенсаторных механизмов в случае проявления ригидности и излишней эмоциональной возбудимости, которая в сочетании с возможной внутренней конфликтностью личности может оказывать негативное влияние на реализацию профессиональной деятельности у будущих психологов.



Связь выраженности внутренней конфликтности и разноуровневых свойств в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей
Table. The relationship between the severity of internal conflict and multi-level properties in the structure of individuality among students of psychological specialties

| Уровни интегральной индивидуальности | Разноуровневые показатели в структуре индивидуальности | Внутренняя конфликтность личности |
|--------------------------------------|--|-----------------------------------|
| Психодинамический | Ригидность | ,290** |
| | Эмоциональная возбудимость | ,564** |
| Личностный | Самообвинение | ,753** |
| | Контроль за действием при планировании | -,281** |
| | Контроль за действием при реализации | -,275** |
| | Контроль за действием при неудаче | -,342** |
| | Искренность | ,330** |
| | Требуемое поведение в области контроля | ,262** |
| | Моделирование | -,431** |
| | Общий уровень саморегуляции | -,404** |
| | Оценивание результатов | -,423** |
| | Гибкость | -,235** |
| Социально-психологический | Локус ролевого конфликта | -,261** |
| | Эго позиция «Взрослый» | -,324** |

Примечание. ** – коэффициент корреляции значим на уровне 0,01 по Спирмену.

Note. ** – the correlation coefficient is significant at the 0.01 level according to Spearman.

На личностном уровне в структуре индивидуальности обнаружено, что внутренняя конфликтность связана с самообвинением, которое интерпретируется как отсутствие симпатии к себе, с низким уровнем общей саморегуляции, сниженной способностью к использованию таких стилей саморегуляции, как моделирование и оценивание результатов. Волевые способности оказываются также сниженными, на что указывают прямые отрицательные корреляции с такими показателями, как контроль за действием при планировании, при реализации и при неудаче. Наряду с этим студенты с выраженной внутренней конфликтностью способны проявлять искренние чувства, доброту, отзывчивость, гуманное отношение к окружающим, о чем свидетельствует связь с таким показателем, как «искренность» по методике Б. Н. Смирнова. Важным является обнаруженный факт, что сомневающиеся в собственной компетентности и значимости студенты могут иметь выраженную потребность в контроле и руководстве со стороны окружающих и не желают брать на себя

ответственность за предпринимаемые действия. На социально-психологическом уровне выявлены следующие корреляционные связи. При возникновении ролевого конфликта студенты с выраженной внутренней конфликтностью склонны проявлять экстернальный локус контроля и избегать эго-позиции «Взрослый» при принятии решений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии связи между внутренней конфликтностью личности и комплексом разноуровневых психологических характеристик в структуре индивидуальности у студентов психологических специальностей. Внутренняя конфликтность в структуре самоотношения может быть сопряженной на уровне индивидуальной организации с эмоциональной возбудимостью, что совпадает с данными, полученными О. Г. Макаровым, а также с ригидностью эмоциональных, мотивационных и поведенческих



реакций, что является новым фактом. На личностном уровне внутренняя конфликтность может одновременно проявляться с заниженной способностью к саморегуляции и волевым усилиям, экстернальным локусом контроля в ситуациях, когда студент подвергается критике. Становится сложно сохранять эго-позицию «Взрослый», демонстрируя рациональность и оценку рисков при принятии ответственных решений. Эти данные согласуются с результатами, которые показали, что наиболее распространен у студентов конфликт самооценки, а с ним связаны процесс целеполагания и уровень осмысленности жизни [12]. При этом гуманистическая ориентация, отзывчивость, искренность как профессионально значимые качества выражаются с высокой долей вероятности при наличии внутренних противоречий в структуре образа «Я», что находит подтверждение в работах А. В. Сивцовой.

Полученные в ходе проведенного исследования данные могут использоваться в практике оказания психопрофилактической помощи студентам психологических специальностей, имеющим чрезмерную склонность к проявлению сомнений в собственных достижениях, недооценке реальных успехов в будущей профессиональной деятельности и, как следствие, внутренней конфликтности в структуре самоотношения и образа профессионального «Я».

Список литературы

1. Гальченко А. В. Внутриличностный конфликт: суть явления, причины, возможные последствия и принципы коррекции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 101–115.
2. Настольная книга практического психолога / сост. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. М. : АСТ: Хранитель; СПб. : Сова, 2008. С. 141–157.
3. Сивцова А. В. Внутренние конфликты в системе ценностных ориентаций как психологические основания развития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2007. 24 с.
4. Тарновская Н. Н. Взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников ГПС МЧС России при внешнестатных ситуациях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 24 с.
5. Макаров О. Г. Особенности проявления и преодоления внутриличностных конфликтов в профессиональной деятельности успешного психолога : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2006. 26 с.
6. Белых Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. М. : Илекса ; Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. 328 с.
7. Белых Т. В. Специфика межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разным уровнем адаптации в стрессовой ситуации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 298–303. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-298-303>
8. Гасанов С. К. Активность бытия как фактор развития интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 284–298.
9. Газиева М. З. Развитие структур интегральной индивидуальности стрессоустойчивых студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.
10. Гринь С. В. Интегральная индивидуальность и рефлексия // Системное познание индивидуальности человека / под ред. В. В. Белоуса, И. В. Боязитовой. Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. С. 103–110. EDN: QXYZXX
11. Васюра С. А. Гендерное исследование коммуникативной активности студентов // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / под ред. Б. А. Вяткина, Л. Я. Дорфмана, М. Р. Щукина. М. : Смысл, 2011. С. 490–497.
12. Баляев С. И., Никишов С. Н., Куркина В. О. Особенности проявления внутриличностных конфликтов у студентов различных направлений подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN322.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

References

1. Gal'chenko A. V. Intrapersonal conflict: The essence of the phenomenon, causes, possible consequences and principles of correction. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2022, vol. 8 (74), no. 3, pp. 101–115 (in Russian).
2. *Nastol'naya kniga prakticheskogo psikhologa* [Posokhova S. T., Solovyova S. L., compl. Handbook for a Practical Psychologist]. Moscow, AST, Guardian, St. Petersburg, Sova, 2008, pp. 141–157 (in Russian).
3. Sivtsova A. V. *Internal Conflicts in the System of Value Orientations as Psychological Foundations of Personality Development*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Barnaul, 2007. 24 p. (in Russian).



4. Tarnovskaya N. N. *The Relationship Between Empathy and Internal Conflict as a Psychological Condition for the Life Support of Employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia in Emergency Situations*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). St. Petersburg, 2008. 24 p. (in Russian).
5. Makarov O. G. *Peculiarities of Manifestation and Overcoming Intrapersonal Conflicts in the Professional Activities of a Successful Psychologist*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Khabarovsk, 2006. 26 p. (in Russian).
6. Belykh T. V. *Psikhologicheskie zakonomernosti dinamiki subektnykh svoystv v strukture individualnosti* [Psychological Regularities of Dynamics of Subjective Properties in the Structure of Individuality]. Moscow, Ileksa, Stavropol, Stavropolservisshkola, 2003. 328 p. (in Russian).
7. Belykh T. V. The specificity of inter-level connections in the structure of the integral individuality of students with different levels of adaptation in a stressful situation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 298–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-298-303>
8. Hasanov S. K. The activity of being as a factor in the development of integral individuality. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: permskaya shkola* [Psychology of Integral Individuality: Perm School]. Moscow, Smysl, 2011, pp. 284–298 (in Russian).
9. Gazieva M. Z. *Development of Structures of Integral Individuality of Stress-resistant Students*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Stavropol, 2012. 21 p. (in Russian).
10. Grin' S. V. Integral individuality and reflection. In: *Sistemnoe poznanie individual'nosti cheloveka* [Belous V. V., Boyazitova I. V., eds. Systemic knowledge of human individuality]. Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2009, pp. 103–110 (in Russian). EDN: QXYZXX
11. Vasyura S. A. Gender study of student's communicative activity. In: *Psikhologiya integral'noj individual'nosti: permskaya shkola* [Vyatkin B. A., Dorfman L. J., Shchukin M. R., eds. Psychology of Integral Individuality: Perm School]. Moscow, Smysl, 2011, pp. 490–497 (in Russian).
12. Balyaev S. I., Nikishov S. N., Kurkina V. O. Peculiarities of manifestation of intrapersonal conflicts among students of various areas of training. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2022, vol. 10, no. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN322.pdf> (accessed February 18, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 10.03.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192–200

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 192–200

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-192-200>

EDN: WGNCFI

Научная статья

УДК 75:159.937

Паттерны окулomotorной активности при восприятии различных направлений живописи: айтрекинг исследование



Е. А. Лазунина , Е. М. Зинченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лазунина Екатерина Алексеевна, старший преподаватель кафедры общей и консультативной психологии, ekaterinalazunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4600-9233>

Зинченко Екатерина Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, Odonata1108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-1681>

Аннотация. Во *введении* анализируется роль искусства в жизни общества. Искусство является одним из способов познания и описания мира, чья роль в развитии целостной личности огромна. В *теоретическом анализе* представлены некоторые исследования в рамках нейроэстетики. Обсуждается выбор стимульного материала – картин пяти направлений живописи: реализма, импрессионизма, модерна, кубизма, сюрреализма. Высказывается предположение, согласно которому в процессе рассмотрения художественных произведений разных направлений окулomotorная активность (ОМА) будет различной. *Эмпирический анализ* позволил выявить различия по параметрам ОМА: моргания, фиксации, саккад у испытуемых при предъявлении им картин различных направлений. Установлено, что при восприятии картин импрессионистов у испытуемых преобладало эмоциональное возбуждение, при восприятии картин модерна и импрессионизма наблюдалась наименьшая концентрированность внимания, но проявлялся наибольший интерес. Высокая концентрация внимания фиксировалась при зрительной перцепции направления реализма. Наибольшая когнитивная нагрузка была выявлена при предъявлении картин кубистов. В процессе обработки сюрреалистических изображений задействовались рациональное созерцание и ресурсы памяти. В *заключении* отмечаются характерные паттерны ОМА при восприятии различных направлений в живописи. Результаты исследования могут быть использованы в практике пассивной арт-терапии в рамках создания программ психопрофилактики.

Ключевые слова: нейроэстетика, зрительное восприятие, окулomotorная активность, айтрекинг, направления живописи

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Росмолодежь в рамках проекта № 091-11-2023-734.

Для цитирования: Лазунина Е. А., Зинченко Е. М. Паттерны окулomotorной активности при восприятии различных направлений живописи: айтрекинг исследование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192–200. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-192-200>, EDN: WGNCFI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Patterns of oculomotor activity during the perception of different art movements: Eye tracking study

Е. А. Lazunina , Е. М. Zinchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Lazunina, ekaterinalazunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4600-9233>

Ekaterina M. Zinchenko, Odonata1108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-1681>

Abstract. The *introduction* discusses the role of art in society. Art is one of the ways of learning and describing the world, and its role in the development of an integral personality is enormous. The *theoretical analysis* presents some research within the framework of neuroaesthetics. The choice of stimulus material for the study is discussed – paintings from five art movements: Realism, Impressionism, Modernism, Cubism, and Surrealism. It is suggested that in the process of viewing works of art from different movements, oculomotor activity (OMA) will be different. *Empirical analysis* showed differences in OMA parameters: blinking, fixations, and saccades, among students when they were presented with pictures of different art movements. It was found that the subjects showed emotional excitement while perceiving paintings from the Impressionist movement. Paintings of Modernism and Impressionism presented the least concentration of attention but the great-



est interest. A high concentration of attention was observed during visual perception of realism pictures. The greatest cognitive load was detected at the time of presentation of cubist paintings. Rational perception and memory resources are more involved in the processing of Surreal pictures. In **conclusion**, the characteristic patterns of OMA in the perception of various art movements are noted. Research results may be useful in the practice of passive art therapy as part of psychoprophylaxis programs.

Keywords: neuroaesthetics, visual perception, oculomotor activity, eye-tracking, art movements

Acknowledgements: The reported study was funded by the Rosmolodezh, project number 091-11-2023-734.

For citation: Lazunina E. A., Zinchenko E. M. Patterns of oculomotor activity during the perception of different art movements: Eye tracking study. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 192–200 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-192-200>, EDN: WGNMCI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Те, кто способны узреть
в прекрасном его высокий смысл, –
люди культурные. Они не безнадёжны.*
Оскар Уайлд

Введение

Искусство представляет собой отдельную сферу человеческой жизни и играет в ней немаловажную роль. Как писал культуролог Ю. М. Лотман, «необходимость искусства очевидна. Оно дает возможность человеку пройти не пройденной дорогой, пережить не пережитое в реальном мире, дает опыт того, что не случилось. То есть искусство – вторая жизнь» [1, с. 401]. Действительно сложно представить жизнь человека без творческого процесса, благодаря которому и рождаются произведения искусства. Искусство сопровождает развитие человека с самого его становления и меняется вместе с ним на протяжении веков, начиная с наскальных рисунков и заканчивая абстракционизмом в изобразительном искусстве, неоклассикой в музыке и театром вне стен. Благодаря искусству формируется культурное наследие, которое представлено в разных формах: живописи, музыкальных композициях, различных инсталляциях, театральных постановках, авторском кино и т.д. Взаимодействие с произведениями искусства формирует культурный опыт человека, что обогащает его мировоззрение и играет важную роль для развития целостной личности.

Как отмечает Т. В. Черниговская, «искусство, в отличие от науки, – это другой способ познания мира и другой способ описания мира. Искусство – это не десерт... Обычно широкая публика считает, что есть вещи серьезные. Это жизнь, в крайнем случае, технологии, науки, а есть вот такой довесок. Можно десерт съесть, а можно и не съесть... Но это такая второстепенная, необязательная вещь. Это обязательная вещь!..» [2].

Теоретический анализ

В начале XXI в. появилось такое направление, как нейроэстетика, проблемой которого является изучение восприятия позитивного отклика искусства со стороны человека. Первым, кто об этом заговорил, был британский нейробиолог С. Зеки [3]. О значении междисциплинарного подхода пишет также профессор Университета Прованса, специалист по эстетике и философии искусства Ж. Моризо, подчеркивая, что «многодисциплинарность желательна, особенно на этом этапе исследования, который еще плохо обозначен и ориентиры недостаточно определены» [4]. Необходимо отметить, что Х. Сигаки и другие [5] изучали историю художественных полотен через призму энтропии и сложности. В исследование было включено почти 140 тыс. картин, охватывающих почти тысячелетнюю историю искусства. В итоге в настоящий момент имеет место разностороннее и междисциплинарное исследование искусства [5–7].

В данной работе мы остановились на таком направлении искусства как живопись. Так, Ф. Шеллинг под живописью понимает отражение видимых сторон бытия, под музыкой – впечатление, настроение и мысли, а архитектура предстает как застывшая музыка [8]. Зритель, воспринимая изображение на материальной плоскости, постигает замысел художника, который отображает на полотне то, что созвучно его раздумьям, эмоциональному состоянию. Как следствие, художественные картины оказывают значительное влияние на своего зрителя за счет эмоционального отклика, который они вызывают [9–11].

Существует большое разнообразие направлений и стилей в живописи. Для каждого направления характерны свои особенности: техника исполнения, цвето- и светопередача, формы, реалистичность (символичность) изображения, атмосфера и т.д. Для этого исследования мы выбрали 5 направлений живописи: реализм,



импрессионизм, модерн, кубизм, сюрреализм. Этот выбор обусловлен диаметрально противоположным исполнением в рамках этих направлений. Также выбранные стили относятся к разным группам в плоскости сложность–энтропия согласно Х. Сигаки [5].

Учитывая, что искусство оказывает определенное влияние на человека, это непосредственно будет отражаться на его психоэмоциональном состоянии [12–15]. В свою очередь окуломоторная активность (ОМА) позволяет объективно оценить происходящие изменения на психофизиологическом уровне, что составляет эмоциональный фон. Анализ глазодвигательной активности дает возможность выявить зоны интереса, количество фиксаций на объектах, стратегию восприятия в момент когнитивной обработки визуального контента [16–21]. Таким образом, движение глаз может служить маркером когнитивной нагрузки, эмоционального состояния и компетенции.

В связи с этим можно предположить, что в процессе рассмотрения художественных произведений разных направлений глазодвигательная активность будет несколько различна, что станет проявляться в разных паттернах ОМА. Целью исследования явилась оценка окуломоторной активности респондентов при рассматривании картин пяти направлений.

Эмпирический анализ

Исследование проводилось на базе лаборатории когнитивной психологии в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Всего были обследованы 51 чел. в возрасте от 18 до 43 лет, из них 9 мужчин и 42 женщины, мода возраста – 19 лет. Для оценки параметров ОМА использовалась стационарная система бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модели RED 500 System, произведенной SMI (Sensorik Instruments GmbH, Германия)).

В качестве стимульного материала были отобраны 10 художественных картин по 2 картины в каждом направлении: реализм, импрессионизм, модерн, кубизм и сюрреализм. Предъявлены следующие художественные произведения: Вильгельм Лейбль «Der Spargroschen» (1877 г.), Илья Репин «Стрекоза. Портрет В. И. Репиной, дочери художника» (1884 г.), Эдуард Мане «В кафе» (1879 г.), Пьер Огюст Ренуар «Пара (Альфред Сислей с женой)» (1868 г.), Густав Климт «Смерть и жизнь» (1908–1909 гг.), Обри Бердслей

«Каприз» (1894 г.), Хуан Грис «Портрет Пабло Пикассо» (1912 г.), Пабло Пикассо «Влюбленные» (1919 г.), Сальвадор Дали «Жираф в огне» (1936–1937 гг.), «Галатhea со сферами» (1952 г.). Использовались малоизвестные картины, поэтому было маловероятно, что участники исследования видели их раньше.

Эксперимент проводился с применением аппаратного метода регистрации движения глазодвигательной активности посредством видеорегистрации движений взора испытуемого, осуществляемой стационарной системой бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модели RED 500 System, произведенного SMI (Sensorik Instruments GmbH, Германия)). Частота работы системы фиксации взора – 500 Гц. Установка минимального порога фиксации составляла в эксперименте 50 ms. Для создания протокола предъявления стимулов и последующего предъявления материала применялся программный модуль Experimental Center. Испытуемые сидели перед монитором на расстоянии 65–70 см со встроенной в него системой удаленной регистрации движения глаз. По координатам центра зрачка и роговичного блика, а также по результатам калибровки рассчитывается направление взора, привязанное к рассматриваемому наблюдателем изображению. Первичная обработка основных характеристик движений взора производилась программой BeGaze установки Eye Tracker. В ходе исследования использовались различные показатели морганий, фиксаций и саккад.

На экране айтрекера показывали 10 отобранных картин. Каждая из них предъявлялась отдельно. Участнику исследования было дано указание свободно рассматривать картину в течение 10 с, после чего она автоматически заменялась следующей. Картина не сопровождалась каким-либо текстом, также не были указаны автор и ее название.

Статистическую обработку проводили с помощью программы SPSS Statistics 22. Для установления достоверных различий между показателями использовали критерий Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса.

По итогам проведенного сравнительного анализа при восприятии картин различных направлений живописи с использованием критерия Краскела-Уоллиса у испытуемых наблюдались существенные различия в окуломоторной активности.

По глазодвигательным показателям моргания были выявлены различия в восприятии направлений живописи по параметрам частоты



морганий ($H = 69,74$, при $p \leq 0,01$), общей продолжительности морганий ($H = 105,68$, при $p \leq 0,01$)

и максимальной продолжительности морганий ($H = 15,42$ при $p \leq 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты анализа показателей моргания по критерию Краскела-Уоллиса (H) при восприятии картин различных направлений

Results of the blink indicators analysis using the Kruskal-Wallis H test in the perception of the paintings from different art movements

| Параметр | Направление живописи | Средний ранг | H | Асимптотическая значимость |
|---|----------------------|--------------|---------|----------------------------|
| Общая продолжительность морганий, мс | Реализм | 104,77 | 105,684 | ,000** |
| | Импрессионизм | 222,51 | | |
| | Модерн | 108,01 | | |
| | Кубизм | 99,22 | | |
| | Сюрреализм | 105,49 | | |
| Частота морганий, кол/с | Реализм | 142,32 | 69,743 | ,000** |
| | Импрессионизм | 51,49 | | |
| | Модерн | 156,02 | | |
| | Кубизм | 145,69 | | |
| | Сюрреализм | 144,48 | | |
| Максимальная продолжительность морганий, мс | Реализм | 133,25 | 15,422 | ,004* |
| | Импрессионизм | 145,17 | | |
| | Модерн | 92,86 | | |
| | Кубизм | 132,76 | | |
| | Сюрреализм | 135,95 | | |

Примечание. * – статистически значимые различия при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

Note. * – statistically significant differences at $p \leq 0,05$; ** – at $p \leq 0,01$.

При попарном сравнении различий по критерию Манна-Уитни по глазодвигательным показателям моргания было выявлено, что статистически достоверно при рассматривании картин импрессионизма у испытуемых частота морганий ниже, но при этом общая продолжительность морганий выше, чем при рассматривании других изображений (табл. 2).

Можно предположить, что при предъявлении в качестве стимула картин импрессионистского направления у испытуемых преобладало большее эмоциональное возбуждение, но в то же время наблюдалась нагрузка на процессы памяти и внимание. Картины художников-импрессионистов характеризуются динамикой, игрой света и тени. Они отличаются присутствием чистых цветов при отсутствии четких границ и некоторой размытостью и недосказанностью. Полученные в настоящем исследовании данные соотносятся с мнением Ю. И. Александрова о том, что полотна импрессионистов отсылают нас к ранним воспоминаниям и детским впечатлениям [22].

В результате исследования было также выявлено, что частота морганий достоверно наибольшая при восприятии картин направления модерн. При частом моргании во время зрительной перцепции теряется часть поступающей визуальной информации. Данный факт свидетельствует в пользу того, что при рассматривании картин данного направления у испытуемых наблюдалась наименьшая сконцентрированность внимания.

Проведенный анализ глазодвигательной активности показателей фиксации позволил выявить следующие тенденции. По критерию Краскела – Уоллиса при зрительном восприятии картин различных направлений статистические различия были установлены по параметрам количества фиксации ($H = 85,11$, при $p \leq 0,01$), средней дисперсии фиксации ($H = 117,47$, при $p \leq 0,01$) и общей дисперсии фиксации ($H = 123,06$, при $p \leq 0,01$) (табл. 3).

При восприятии изображений направления модерн можно наблюдать наибольшее количество фиксации, наименьшее количество



Таблица 2 / Table 2

Результаты анализа показателей моргания по критерию Манна–Уитни при попарном сравнении восприятия картин различных направлений
Results of the blink indicators analysis using the Mann–Whitney U test in pairwise comparison of the perception of the paintings from different art movements

| Параметр | Общая продолжительность морганий, мс | | | | Частота морганий, кол/с | | | |
|---------------|--------------------------------------|-------|--------|--------|-------------------------|-------|--------|--------|
| | Средний ранг | Uэмп | Z | P | Средний ранг | Uэмп | Z | P |
| Импрессионизм | 75,18 | 93,0 | -8,089 | ,000** | 34,82 | 450,0 | -5,702 | ,000** |
| Реализм | 27,82 | | | | 68,18 | | | |
| Импрессионизм | 75,04 | 100,0 | -8,045 | ,000** | 27,96 | 100,0 | -8,044 | ,000** |
| Модерн | 27,96 | | | | 75,04 | | | |
| Импрессионизм | 75,12 | 96,0 | -8,08 | ,000** | 31,88 | 300,0 | -6,705 | ,000** |
| Кубизм | 27,88 | | | | 71,12 | | | |
| Импрессионизм | 75,18 | 93,0 | -8,089 | ,000** | 34,82 | 450,0 | -5,702 | ,000** |
| Сюрреализм | 27,82 | | | | 68,18 | | | |

Примечание. **– статистически значимые различия при $p \leq 0,01$.

Note. ** – statistically significant differences at $p \leq 0.01$.

Таблица 3 / Table 3

Результаты анализа показателей фиксации по критерию Краскела–Уоллиса при восприятии картин различных направлений
Results of the fixation indicators analysis using the Kruskal–Wallis H test in the perception of the paintings from different art movements

| Параметр | Направление живописи | Средний ранг | H | Асимптотическая значимость |
|-------------------------------------|----------------------|--------------|--------|----------------------------|
| Количество фиксации | Реализм | 129,44 | 85,11 | ,000** |
| | Импрессионизм | 58,09 | | |
| | Модерн | 192,33 | | |
| | Кубизм | 134,03 | | |
| | Сюрреализм | 126,11 | | |
| Средняя дисперсия фиксации, пиксели | Реализм | 153,55 | 117,47 | ,000** |
| | Импрессионизм | 28,00 | | |
| | Модерн | 150,83 | | |
| | Кубизм | 150,37 | | |
| | Сюрреализм | 157,25 | | |
| Общая дисперсия фиксации, пиксели | Реализм | 95,41 | 123,05 | ,000** |
| | Импрессионизм | 229,96 | | |
| | Модерн | 103,99 | | |
| | Кубизм | 110,90 | | |
| | Сюрреализм | 99,74 | | |

Примечание. **– статистически значимые различия при $p \leq 0,01$.

Note. ** – statistically significant differences at $p \leq 0.01$.

фиксаций замечено при рассмотрении картин направления импрессионизм. Стоит отметить, что средняя продолжительность фиксации относительно одинаковая при просмотре всех изображений.

Фиксации характеризуют способ обработки человеком информации, а также способность детализированно воспринимать визуальную информацию. При восприятии модерна наблюдается высокий разброс фиксации, что свидетель-



стует о стратегии меньшей упорядоченности в рассматривании картин данного направления, однако наибольшее количество фиксации указывает на проявление интереса к этому направлению во время зрительной перцепции.

По общему показателю продолжительности фиксации наибольшее значение было получено при восприятии картин направления реализм, что в совокупности с небольшим количеством фиксации в целом свидетельствует о высокой концентрированности внимания при рассмотрении именно этого направления. Наименьшая концентрированность наблюдается при рассмотрении изображений импрессионистов.

Сравнения окулomotorной активности показателей саккад при восприятии пяти направлений живописи с использованием критерия Краскела–Уоллиса показали различия по следующим параметрам: частота саккад ($H = 114,14$, при $p \leq 0,01$), общая продолжительность саккад, средняя продолжительность саккад ($H = 120,79$, при $p \leq 0,01$), максимальная продолжительность саккад ($H = 122,87$, при $p \leq 0,01$), средняя амплитуда

саккад ($H = 118,70$, при $p \leq 0,01$), максимальная амплитуда саккад ($H = 23,88$, при $p \leq 0,01$), минимальная амплитуда саккад ($H = 125,27$, при $p \leq 0,01$), суммарная скорость саккад ($H = 120,07$, при $p \leq 0,01$), средняя скорость саккад ($H = 127,52$, при $p \leq 0,01$), максимальная скорость саккад ($H = 118,95$, при $p \leq 0,01$), минимальная скорость саккад ($H = 118,81$, при $p \leq 0,01$), средний латентный период саккад ($H = 110,36$, при $p \leq 0,01$).

При попарном сравнении было обнаружено достоверно большее значение по показателю частоты саккад у испытуемых при рассмотрении картин направления сюрреализм (табл. 4). Высокое значение данного показателя свидетельствует о быстром сканировании представленного зрительного стимула. Испытуемые при изучении изображений направления сюрреализм выражают тенденцию активного поиска новой информации, решая внутреннюю когнитивную задачу, причем достоверно более выраженную, чем при рассмотрении изображений направлений модерн и кубизм, что обнаруживает себя в меньшей скорости саккад.

Таблица 4 / Table 4

Результаты анализа показателей частоты и средней скорости саккад по критерию Манна–Уитни при попарном сравнении восприятия картин различных направлений
Results of the analysis of the saccade frequency and average velocity using the Mann–Whitney U test in pairwise comparison of the perception of the paintings from different art movements

| Параметр | Частота саккад, кол/с | | | | Средняя скорость саккад, %/с | | | |
|---------------|-----------------------|------|--------|--------|------------------------------|--------|--------|---------|
| | Средний ранг | Uэмп | Z | P | Средний ранг | Uэмп | Z | P |
| Реализм | 26,99 | 50,5 | -8,366 | ,000** | 55,29 | 1107,0 | -1,295 | 0,195 |
| Сюрреализм | 76,01 | | | | 47,71 | | | |
| Импрессионизм | 27,00 | 51,0 | -8,363 | ,000** | 54,41 | 1152,0 | -,994 | ,320 |
| Сюрреализм | 76,00 | | | | 48,59 | | | |
| Модерн | 27,00 | 51,0 | -8,363 | ,000** | 59,91 | 871,5 | -2,871 | 0,004** |
| Сюрреализм | 76,00 | | | | 43,09 | | | |
| Кубизм | 27,00 | 51,0 | -8,363 | ,000** | 77,00 | 0,01 | -8,704 | ,000** |
| Сюрреализм | 76,00 | | | | 26,00 | | | |

Примечание. ** – статистически значимые различия при $p \leq 0,01$.

Note. ** – statistically significant differences at $p \leq 0.01$.

Существенные различия по показателям скорости и амплитуды саккад были также обнаружены у испытуемых при восприятии картин направлений реализм и кубизм. Средняя амплитуда саккад ($U_{\text{эмп}} = 0$, $p = 0,000$), максимальная амплитуда саккад ($U_{\text{эмп}} = 795$, $p = 0,001$), а средняя скорость саккад ($U_{\text{эмп}} = 0$, $p = 0,000$) оказались выше при рассмотрении испытуемыми картин направления кубизм. Здесь можно видеть, что

когнитивная нагрузка выше при восприятии изображений направления кубизм, чем при восприятии картин направления реализм. Таким образом, можно предположить, что свойственное кубизму перенесение привычного для нас трехмерного пространства в двухмерную плоскость порождает необходимость обрабатывать большее количество данных, чем при восприятии достоверных образов внешнего мира, свойственных реализму.



Попарный сравнительный анализ среднего латентного периода саккад при восприятии пяти направлений живописи показал, что достоверная разница существует при рассматривании изображений направлений реализм и кубизм ($U_{\text{эмп}} = 77,0, p = 0,000$), импрессионизм и кубизм ($U_{\text{эмп}} = 58,0, p = 0,000$), модерн и кубизм ($U_{\text{эмп}} = 41,0, p = 0,000$).

Однако наибольшая задержка перед перемещением взгляда и возникновением новой саккады у испытуемых наблюдается при восприятии изображений сюрреализма, а наименьшая – при восприятии картин кубизма ($U_{\text{эмп}} = 89,0, p = 0,000$). Увеличение латентного периода свидетельствует о том, что в процессе обработки сюрреалистических изображения в большей степени участвуют рациональное восприятие и активное задействование ресурсов памяти, обращение к имеющемуся опыту. Изображения кубизма, наоборот, больше сканируются взглядом, при этом не наблюдается отсылки к предыдущему опыту.

Заключение

В результате исследования были выявлены паттерны ОМА при восприятии пяти направлений живописи. Так, было установлено, что при восприятии картин импрессионистов преобладает большее эмоциональное возбуждение, однако в то же время наблюдается нагрузка на процессы памяти и внимания, на что указывают данные по параметрам моргания.

По параметрам фиксации были оценены способности обработки зрительной информации в целом и детальной перцепции воспринимаемых стимулов. При восприятии картин направления модерн наблюдается хаотичность в рассматривании изображения с проявлением интереса к получаемой информации. Наибольшая концентрация внимания была обнаружена при исследовании картин направления реализм, а наименьшая – направления импрессионизм, о чем свидетельствуют показатели продолжительности и количества фиксации.

При восприятии картин направления сюрреализм наблюдается тенденция активного поиска новой информации, здесь важную роль играют рациональное восприятие и процессы памяти. Показательными для данного результата являются критерии частоты и латентного периода саккад, которые выше именно при восприятии картин этого направления.

По когнитивной нагрузке противоположными оказались картины направлений кубизм

и реализм. Наибольшая когнитивная нагрузка наблюдалась при восприятии направления кубизм, которое по результатам опроса в целом оказалось наименее понятным для участников исследования. Напротив, наименее насыщенным в когнитивном плане при зрительной перцепции оказалось направление реализм.

Результаты, полученные в исследовании, свидетельствуют в пользу нашего предположения о том, что глазодвигательная активность различна при восприятии художественных произведений разных направлений, таких как реализм, импрессионизм, кубизм, модерн и сюрреализм. Так как ОМА выступает в качестве маркера когнитивной нагрузки и эмоционального состояния, данные, полученные в настоящем исследовании, могут быть полезны в практике пассивной арт-терапии, а также в рамках создания программ по психопрофилактике эмоционального выгорания и психического напряжения взрослых лиц.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство–СПБ, 1998. 702 с.
2. Для чего нужно искусство. Татьяна Черниговская. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3065066280887791015> (дата обращения: 21.02.2024).
3. Zeki S. Inner Vision: An Exploration of Art and the Brain. New York : Oxford University Press, 1999. 224 p.
4. Neuroesthétique, beauté et cerveau. Les recherches sur l'étude neuronale de la beauté font débat. URL: <https://www.mysciencework.com/omniscience/neuroesthetique-beaute-et-cerveau> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Sigaki H. Y. D., Perc M., Ribeiro H. V. History of art paintings through the lens of entropy and complexity // Proc. Natl Acad. Sci. USA. 2018. Vol. 115. P. E8585–E8594. <https://doi.org/10.1073/pnas.1800083115>
6. Perc M. Beauty in artistic expressions through the eyes of networks and physics // Journal of the Royal Society Interface. 2020. Vol. 17, №. 164. P. 20190686. <https://doi.org/10.1098/rsif.2019.0686>
7. Kim D., Son S.-W., Jeong H. Large-scale quantitative analysis of painting arts // Sci. Rep. 2014. Vol. 4. P. 7370. <https://doi.org/10.1038/srep07370>
8. Шеллинг Ф. В. И. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. М. : Мысль, 1966. 496 с.
9. Петренко В. Ф., Коротченко Е. А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 4. С. 19–40.
10. Ибрагимова Е. Р. Влияние искусства (в частности, живописи) на психоэмоциональное состояние человека // Молодой ученый. 2021. № 6 (348). С. 299–301.
11. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2006. 983 с.



12. Бардиер Г. Л. Влияние акварельной живописи на психику человека // Modernity: человек и культура : сборник докладов по итогам XXIV межвузовской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 23–25 декабря 2021 г.) / под ред. В. А. Егорова. СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2022. С. 86–93.
13. Humphries S., Rick J., Weintraub D., Chatterjee A. Movement in Aesthetic Experiences: What we can learn from parkinson disease // Journal of Cognitive Neuroscience. 2021. Vol. 33. P. 1–14. https://doi.org/10.1162/jocn_a_01718
14. Sarasso P., Francesetti G., Schoeller F. Possible applications of neuroaesthetics to normal and pathological behaviour // Frontiers in Neuroscience. 2023. Vol. 17. P. 1225308. <https://doi.org/10.3389/fnins.2023.122530>
15. Coccagna M., Avanzini P., Portera M., Vecchiato G., Sironi V., Salvi F., Gatti A., Domenicali F., Folgieri R., Banzi A., Caselli E., Lanzoni L., Volta A., Bisi M., Cesari S., Vivarelli A., Balboni P. G., Santangelo G. C., Sassu G., Mazzacane S. Neuroaesthetics of art vision: An experimental approach to the sense of beauty // Journal of Clinical Trials. 2020. Vol. 10, № 2. P. 1–8. <https://dx.doi.org/10.35248/2167-0870.20.10.404>
16. Durugbo C. M. Eye tracking for work-related visual search: a cognitive task analysis // Ergonomics. 2021. Vol. 64, № 2. P. 225–240. <https://doi.org/10.1080/00140139.2020.1822547>
17. Bachurina V. A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements // Decision Support Systems. 2022. Vol. 155. P. 113713. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2021.113713>
18. Bačića D., Henryb R. Advancing our understanding and assessment of cognitive effort in the cognitive fit theory and data visualization context: Eye tracking-based approach // Decision Support Systems. 2022. Vol. 163. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113862>
19. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. Contact-free cognitive load recognition based on eye movement // Agricultural Water Management. 2016. Vol. 172. P. 1–8. <https://doi.org/10.1155/2016/1601879>
20. Skaramagkas V., Ktistakis E., Manousos D., Tachos N. S., Kazantzaki E., Tripoliti E. E., Fotiadis D. I., Tsiknakis M. Cognitive workload level estimation based on eye tracking: A machine learning approach // 2021 IEEE 21st International Conference on Bioinformatics and Bioengineering (BIBE). 2021. P. 1–5. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/BIBE52308.2021.9635166>
21. Zheng T., Glock C. H., Grosse E. H. Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda // Computers & Industrial Engineering. 2022. Vol. 171. P. 108444. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2022.108444>
22. Психофизиология живописи: почему картины импрессионистов пробуждают в нас эмоции. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/impressionists> (дата обращения: 21.02.2024).

References

1. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb, 1998. 702 p. (in Russian).
2. *Dlya chego nuzhno iskusstvo. Tatyana Chernigovskaya* (What is Art for. Tatyana Chernigovskaya). Available at: <https://yandex.ru/video/preview/3065066280887791015> (accessed February 21, 2024) (in Russian).
3. Zeki S. *Inner Vision: An Exploration of Art and the Brain*. New York, Oxford University Press, 1999. 224 p.
4. *Neuroesthétique, beauté et cerveau. Les recherches sur l'étude neuronale de la beauté font débat*. Available at: <https://www.mysciencework.com/omniscience/neuroesthetique-beaute-et-cerveau> (accessed February 21, 2024).
5. Sigaki H. Y. D., Perc M., Ribeiro H. V. History of art paintings through the lens of entropy and complexity. *Proc. Natl Acad. Sci. USA*, 2018, vol. 115, pp. E8585–E8594. <https://doi.org/10.1073/pnas.1800083115>
6. Perc M. Beauty in artistic expressions through the eyes of networks and physics. *Journal of the Royal Society Interface*, 2020, vol. 17, no. 164, pp. 20190686. <https://doi.org/10.1098/rsif.2019.0686>
7. Kim D., Son S.-W., Jeong H. Large-scale quantitative analysis of painting arts. *Sci. Rep.*, 2014, vol. 4, pp. 7370. <https://doi.org/10.1038/srep07370>
8. Shelling F. V. J. *The philosophy of art*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1989. 342 p. (Russ. ed.: Ovsyannikov M. F., ans. ed. *Filosofiya iskusstva*. Moscow, Mysl', 1966. 496 p.).
9. Petrenko V. F., Korotchenko E. A. The figurative sphere in painting and literature. Visual analogues of literary tropes. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2008, vol. 5, no. 4, pp. 19–40 (in Russian).
10. Ibragimova E. R. The influence of art (in particular, painting) on the psycho-emotional state of a person. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2021, no. 6 (348), pp. 299–301. Available at: <https://moluch.ru/archive/348/78295/> (accessed February 21, 2024) (in Russian).
11. IZARD K. E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter, 2006. 983 p. (in Russian).
12. Bardier G. L. The influence of watercolor painting on the human psyche. In: *Modernity: chelovek i kul'tura: sbornik dokladov po itogam XXIV mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 23–25 dekabr 2021 g.)* [Egorova V. A., ed. *Modernity: Man and Culture: Collection of reports on the results of the XXIV interuniversity scientific conference (St. Petersburg, December 23–25, 2021)*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2022, pp. 86–93 (in Russian).
13. Humphries S., Rick J., Weintraub D., Chatterjee A. Movement in Aesthetic Experiences: What we can learn from parkinson disease. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2021, vol. 33, pp. 1–14. https://doi.org/10.1162/jocn_a_01718



14. Sarasso P., Francesetti G., Schoeller F. Possible applications of neuroaesthetics to normal and pathological behaviour. *Frontiers in Neuroscience*, 2023, vol. 17, pp. 1225308. <https://doi.org/10.3389/fnins.2023.122530>
15. Coccagna M., Avanzini P., Portera M., Vecchiato G., Sironi V., Salvi F., Gatti A., Domenicali F., Folgieri R., Banzi A., Caselli E., Lanzoni L., Volta A., Bisi M., Cesari S., Vivarelli A., Balboni P. G., Santangelo G. C., Sassu G., Mazzacane S. Neuroaesthetics of art vision: an experimental approach to the sense of beauty. *Journal of Clinical Trials*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 1–8. <https://dx.doi.org/10.35248/2167-0870.20.10.404>
16. Durugbo C. M. Eye tracking for work-related visual search: A cognitive task analysis. *Ergonomics*, 2021, vol. 64, no. 2, pp. 225–240. <https://doi.org/10.1080/00140139.2020.1822547>
17. Bachurina V. A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements. *Decision Support Systems*, 2022, vol. 155, pp. 113713. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2021.113713>
18. Bačića D., Henryb R. Advancing our understanding and assessment of cognitive effort in the cognitive fit theory and data visualization context: Eye tracking-based approach. *Decision Support Systems*, 2022, vol. 163, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113862>
19. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. Contact-free cognitive load recognition based on eye movement. *Agricultural Water Management*, 2016, vol. 172, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1155/2016/1601879>
20. Skaramagkas V., Ktistakis E., Manousos D., Tachos N. S., Kazantzaki E., Tripoliti E. E., Fotiadis D. I., Tsiknakis M. Cognitive workload level estimation based on eye tracking: a machine learning approach. In: *2021 IEEE 21st International Conference on Bioinformatics and Biogenetics (BIBE)*, 2021, pp. 1–5. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/BIBE52308.2021.9635166>
21. Zheng T., Glock C. H., Grosse E. H. Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda. *Computers & Industrial Engineering*, 2022, vol. 171, pp. 108444. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2022.108444>
22. *Psikhofiziologiya zhivopisi: pochemu kartiny impressionistov probuzhdayut v nas emotsii* (Psychophysiology of Painting: Why Impressionist Paintings Awaken Emotions in Us). Available at: <https://special.theory-andpractice.ru/impressionists> (accessed February 21, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 02.05.2024



Научная статья
УДК 316.485.6:316.6

Конструктивное поведение в ситуации межличностного конфликта: сущностные свойства, функциональная структура и значимые индикаторы



С. В. Фролова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Аннотация. Во *введении* обосновываются актуальность изучения, важность концептуализации и операционализации социально-психологического феномена конструктивности поведения в конфликтных ситуациях. Предпринятый *теоретический анализ* осуществляется в три основных этапа, первый из которых посвящен определению *сущностного содержания и функциональной структуры конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта*. Концептуализируемый феномен понимается как функциональная система сознательной, творческой активности субъекта, общая целевая и смысловая направленности которой связаны с поиском и генерированием способов и средств построения и реализации интегрированной и упорядоченной в единое целое программы согласованных с партнером исполнительских взаимодействий для удовлетворения своих и его значимых интересов в условиях возникших противоречий в общем, совместно разделяемом, социально-психологическом пространстве. Второй этап теоретического осмысления связан с рассмотрением таких *основных свойств конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта*, как субъектность, проактивность, целестремительность, креативность, экосензитивность, синтонность, конкордантность, интегративность, созидательность, надситуативная сверхсубъектная внеопозиционность. Третий этап научного анализа посвящен *сопоставлению конструктивного поведения с другими формами реагирования в ситуации межличностного конфликта*, в ходе которого выявлены значимые индикаторы изучаемого феномена, представляющие основу для последующей операционализации и разработки соответствующих психодиагностических инструментов. В *заключении* подводятся итоги предпринятого научного анализа и формулируется завершающее определение конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта.

Ключевые слова: конструктивное поведение, межличностный конфликт, личность, субъект, проактивность, целестремительность, креативность, экосензитивность, синтонность, конкордантность, системность, интегративность, надситуативная сверхсубъектная внеопозиционность

Для цитирования: Фролова С. В. Конструктивное поведение в ситуации межличностного конфликта: сущностные свойства, функциональная структура и значимые индикаторы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-201-210>, EDN: XJMAVU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constructive behavior in an interpersonal conflict situation: Innate characteristics, functional structure and meaningful indicators

S. V. Frolova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Abstract. The *introduction* justifies the topicality of studying and importance of conceptualization and operationalization of the social and psychological phenomenon of constructive behavior in conflict situations. The *theoretical analysis* involved three main stages. The first stage focused on identification of *the subject matter and functional structure of constructive behavior in an interpersonal conflict situation*. The conceptualized phenomenon is understood as a functional system of conscious, creative activity of an individual, the overall target and meaning focus of which is connected with searching for and formation ways and means of developing and implementing the program, integrated and arranged as a whole, of coordinated executive interactions with a partner to satisfy one's own and the partner's meaningful interests when contradictions arise within common, shared social and psychological space. The second stage dealt with consideration of *the major characteristics of constructive behavior in an interpersonal conflict situation*. The range of these characteristics includes subjectness, proactivity, purposefulness, creativity, eco-sensitivity,



syntonicity, concordance, integrativeness, productivity, supra-situational supersubject non-opposition. The third stage of the scientific analysis sought to compare constructive behavior with other forms of reacting in an interpersonal conflict situation. The given qualitative comparative analysis yielded the indicators of constructive behavior in an interpersonal conflict situation that can be used as the basis of subsequent operationalization and development of appropriate psychodiagnostic tools. In **conclusion**, the author summarizes the scientific analysis undertaken and gives a complete definition of constructive behavior in an interpersonal conflict.

Keywords: constructive behavior, interpersonal conflict, personality, subject, proactivity, purposefulness, creativity, eco-sensitivity, syntonicity, concordance, systematic character, integrativeness, supra-situational supersubject non-opposition

For citation: Frolova S. V. Constructive behavior in an interpersonal conflict situation: Innate characteristics, functional structure and meaningful indicators. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 201–210 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-201-210>, EDN: XJMAVU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одними из самых распространенных рисков дефицитарности психологических ресурсов в условиях возникновения новых внешних вызовов и транзитивности мира становятся учащение деструктивных форм эмоционально-поведенческого реагирования и возрастание различного рода конфликтности. Это делает особенно актуальным изучение психологических проблем социальной креативности и конструктивности поведения в конфликтных ситуациях.

Обобщенное понятие конструктивности достаточно часто встречается в литературе по психологии конфликтов, конфликтологии и употребляется в разных словосочетаниях: «конструктивный конфликт» [1, с. 288; 2], «конструктивное поведение» [3, с. 475, 481; 4–6], «конструктивное взаимодействие» [3, с. 477, 488], «психологически конструктивное влияние» [7], «конструктивное управление конфликтами» [3, с. 357, 496] и «конструктивное разрешение конфликта» [3, с. 425, 446, 504; 8]. При этом единое понимание или четкие определения конструктивности и производных от него частных понятий в проблемном поле психологии конфликта до сих пор отсутствуют.

Исходным понятием для изучения роли личности в межличностных конфликтах является *конструктивное поведение*, поскольку конструктивные формы взаимодействия и разрешения конфликта являются более структурно сложными многофакторными социально-психологическими образованиями и зависят от проявлений всех вовлеченных в него участников, а не от одного индивидуального субъекта.

До сих пор остается много вопросов относительно эффективности и результативности разработанных многочисленных программ тренингов развития конструктивного поведения и эффективного разрешения конфликтов [3, с. 481–516; 4–6] в связи с подмеченным Н. В. Гришиной «отсутствием четкой грани

между конструктивными и деструктивными приемами» [3, с. 320]. К тому же инструменты, измеряющие непосредственно конструктивность поведения в конфликте, пока не разработаны.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости решения задач концептуализации и операционализации понятия конструктивного поведения в ситуации конфликта. Их решение позволит перейти к созданию психодиагностических, исследовательских методов в области научного изучения данной психологической и социально-психологической феноменологии, а также к разработке развивающих и преобразующих психотехнологий, служащих оптимизации эффективного поведения в конфликте.

Целью данной работы является теоретический анализ социально-психологического феномена конструктивности поведения личности в ситуации межличностного конфликта с выделением его сущностных свойств, структурно-функциональных компонентов и значимых индикаторов.

Осуществление данного теоретического анализа удобнее реализовать через логически следующие друг за другом этапы: 1) феноменологический и функционально-структурный анализ для понимания сущностного содержания конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта; 2) атрибутивный анализ с выделением основных, характерных свойств концептуализируемого социально-психологического феномена; 3) сравнительный анализ осмысляемого феномена конструктивного поведения личности со смежными понятиями в общем проблемном поле психологии конфликта для выявления его значимых индикаторов и последующей операционализации.

Сущностное содержание и функциональная структура конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта

Началом теоретического анализа, служащего пониманию сущностного содержания интересующего нас феномена, может стать обращение к



общепринятой семантике и этимологии термина «конструктивный». Данное прилагательное является производным от слова «конструкция» и употребляется в двух основных значениях: либо как свойство, особенность некой конструкции, сооружения, либо как качество, служащее основой, началом построения чего-либо [9].

Этимология слова «конструктивный» восходит к латинскому «constructivus», что означает «служащий для построения», производному от «constructio» – составление, построение, сложение, приведение в порядок, согласование, структура, организация [10, с. 247]. Добавим, что значение слов «составление» и «сложение» предполагает объединение, организацию изначального множества отдельных элементов в единое упорядоченное целое. Слово «constructivus» противоположно по значению слову «destructivus» – «разрушительный» [10, с. 316].

Для понимания сущности конструктивного поведения этимологически-семантическое рассмотрение термина «конструктивный» может быть продолжено вытекающим из него феноменологически-смысловым и структурно-функциональным анализом. Логично, что поведение человека, служащее построению чего-либо, главным образом должно иметь цель, обеспечивать поиск средств и способов ее достижения, отвечающих особенностям адекватно воспринимаемых и оцениваемых средовых условий, и с их учетом способствовать созданию и реализации программы исполнительских действий. Такая система согласуемых между собой целей, средств, условий и действий в общих чертах напоминает структуру психической деятельности человека, а также основные функциональные звенья ее саморегуляции, описанные в работах О. А. Конопкиной [11, с. 9] и В. И. Моросановой [12, с. 4–8].

В модели саморегуляции произвольной активности человека выделяются следующие функциональные компоненты, носящие характер информационных образований: принятая субъектом цель деятельности (выполняющая системообразующую роль), субъективная модель значимых условий, программа исполнительских действий, система субъективных критериев достижения цели (служащая конкретизации и уточнению исходных формы и содержания цели), оценка текущих и промежуточных результатов, решения о коррекции с внесением изменений в те или иные звенья регуляторного процесса [11, с. 9–10]. Безусловно, осуществление

конструктивного поведения, предполагающего реализацию сложной программы деятельности по строительству проектируемого будущего, требует функционирования сложного комплекса произвольной саморегуляции и представляет собой вид системной проактивности. Понятие проактивности, использовавшееся В. Франклом при создании теории логотерапии, отражает представление о свободной независимой воле [13]. Проактивность может служить одной из важнейших характеристик проявления субъектности, рассматривавшейся К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинским, С. Л. Рубинштейном в тесной связи со способностью к самодетерминации [14; 15, с. 21; 16]. Противопоставляемая реактивному поведению, проактивность позволяет субъекту самому выступать началом и причиной собственных действий и поступков, предвидя их последствия и управляя ими.

Поскольку предметом нашего теоретического анализа является конструктивное поведение личности в ситуации межличностного конфликта, для конкретизации его общего смыслового содержания и характерных особенностей, необходимо обратиться к уже устоявшемуся психологическому пониманию межличностного конфликта. Н. В. Гришина в итоге своего обстоятельного теоретического анализа приходит к следующему заключению: «Межличностный конфликт может быть определен как ситуация противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими (или по крайней мере одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон» [3, с. 107]. Отсюда логично следует, что общая целевая и смысловая направленности конструктивного поведения личности в ситуации межличностного конфликта связаны с поиском, построением, конструированием и применением способов и средств удовлетворения значимых интересов сторон в условиях возникших между ними противоречий в общем разделяемом ими социальном пространстве.

Сложность функциональной структуры саморегуляции конструктивного поведения в межличностном конфликте связана с вовлеченностью в процесс особенного – централизованного на проблеме – общения и предполагает дополнительно решение важных задач координации своих действий по достижению цели



с действиями другой стороны, преследующей свои интересы. От субъекта – автора своего конструктивного поведения в конфликте – требуется учет когнитивных особенностей, поведенческих и эмоциональных реакций другого человека, осуществление всесторонней оценки потенциала согласования чужих и собственных интересов.

Возникновение внешних неожиданных препятствий на пути осуществления своих планов, обнаружение противоречий в общении с партнером, зависимость от непредсказуемости его проявлений объективно снижают возможности интернального контроля субъектом собственной психической деятельности, встраиваемой в процесс сложного взаимодействия в конфликтной ситуации, повышая при этом значимость внутренних личностных механизмов саморегуляции, обеспечивающих гибкость и пластичность в корректировке целевых ориентаций, а также в поиске и генерировании новых средств для их реализации.

Конструктивное поведение в межличностном конфликте представляет собой особый род социально-интеллектуальной, творческой активности, сопряженной с эффективной саморегуляцией возникающих эмоций. Как и каждый психологический факт, по замечанию В. Н. Мясищева [17, с. 18], конструктивное поведение содержит конативный, эмоциональный и когнитивный компоненты.

Конативный компонент конструктивного поведения в конфликте может быть представлен потребностью, желанием найти выход из сложившейся ситуации, чтобы продолжить двигаться к своим поставленным целям дальше; намерением выстраивать отношения сотрудничества с другой стороной, стремлением понять ее интересы и привлечь к решению общей задачи; избирательностью, гибкостью используемого коммуникативного и поискового репертуара предпринимаемой проактивности.

Эмоциональный компонент конструктивного поведения может проявляться в переживании интереса к решению возникшей конфликтной ситуации, целого ряда практических чувств, описанных Б. И. Додоновым [18], связанных с получением удовольствия от деятельности, продвижения к цели, а также в готовности к эмпатии по отношению к другой стороне в продуктивном взаимодействии.

Когнитивный компонент может быть представлен актуализируемым в памяти опытом

совладания с межличностными конфликтами; готовностью расширять свои знания об условиях общей ситуации конфликтного взаимодействия, открытостью для принятия мнений и предложений, исходящих от другой стороны; генерируемыми идеями для разрешения возникшей проблемы.

Основные свойства конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта

В результате феноменологически-смыслового анализа можно выделить такие существенные признаки конструктивного поведения личности в ситуации межличностного конфликта, как проактивность, осознанность и целеустремленность (поведение в соответствии с имеющимся замыслом, последовательное продвижение к намеченной цели), креативность, продуктивность, ориентированность в будущее, экосензитивность [19, с. 433–434], синтонность (от греч. *syntonos* – «созвучный», «скоординированный» – способность при внутренней уравновешенности откликаться на состояние других людей и проявлять внимание к их интересам), избирательность и конкордантность (от лат. *concordans, concordantis* – согласующийся, *concordatio* – установление согласия [10, с. 225]), обеспечиваемая способностью выбора различных средств, согласуемых с поставленной целью и имеющимися условиями, системность, интегративность и созидательность (ориентированность на соединение в единое целое изначально разрозненных элементов) (табл. 1).

Несложно заметить, что преимущественное большинство этих качеств описывает уровень субъектности в развитии индивида, одними из главных характеристик которого становятся сознательность, целостность, осмысленность жизни, саморегуляция и самоорганизация, избирательность, активность в приумножении своих возможностей, построении, изменении, оптимизации жизненных обстоятельств, условий и отношений [14, с. 10–11]. Именно стремление к активному преобразованию ситуации, построение ее новых условий, причем не столько в борьбе с внешней несвободой, сколько посредством совершенствования самого себя, превращает человека, по мнению С. Л. Рубинштейна, в субъекта своей жизни [20, с. 347]. Внешние проблемные условия становятся для субъекта задачами, требующими определенных решений, и средствами дальнейшего продвижения на жизненном пути.



Таблица 1 / Table 1

Сущностные свойства конструктивного поведения в ситуации межличностного конфликта
Essential properties of constructive behavior in situations of interpersonal conflict

| Свойства | Содержание проявляемых свойств конструктивного поведения личности в межличностном конфликте |
|---|---|
| Субъектность | Осознанность, произвольность саморегуляции активности при постановке целей, восприятии, проявлении эмоций, конструировании решений в конфликтной ситуации; осмысленность и избирательность в выборе способов коммуникации, поиске и генерировании проблема-центрированных идей |
| Целестремительность (качества целеобразования, целеполагания, целеустремленности) | Способности продуцировать цели в соответствии с имеющимися личностными интересами и замыслом для организации процесса своей жизни в целостную систему, корректировать цели в связи с меняющимися условиями и выявляемыми интересами другой стороны в конфликте, планировать достижение намеченных целей и последовательно продвигаться к их реализации, ориентироваться на них в регуляции собственной деятельности |
| Ориентированность в будущее | Конструирование способов разрешения проблемной ситуации в будущем |
| Проактивность | Самодетерминация поведения, снижающая риски воздействия ряда внешних неблагоприятных факторов, прогнозирование последствий возможных вариантов собственных действий и самоуправляемое осуществление оптимального их выбора в ситуации межличностного конфликта |
| Экосензитивность | Способность проявлять внимание к интересам и состояниям других людей и понимать их |
| Синтонность | Возможность откликаться на состояние и потребности других людей собственными действиями и поступками, сохраняя при этом внутреннюю уравновешенность |
| Конкордантность | Способность согласовывать выбираемые средства решения проблемы в конфликтной ситуации с самостоятельно поставленной целью, интересами другой стороны и имеющимися условиями |
| Креативность, продуктивность | Изобретательность в продуцировании способов решения проблемы в конфликтной ситуации |
| Интегративность и созидательность | Способность соединения в единое целое изначально разрозненных элементов информации, отдельно воспринятых образов реальности и потребностей оппонировавших сторон, стремление найти новый, творческий способ решения проблемы, отвечающий интересам всех участников конфликтной ситуации |
| Надситуативная сверхсубъектная внеопозиционность | Возможность освободиться от власти распространенной потребности «в непереносимом одержании победы» над второй стороной в конфликте [3, с. 346–347], которая обеспечивается способностью сознания приподняться над текущей ситуацией взаимодействия двух субъектов (себя и своего партнера), помывлив о вариантах развития их перспективы в будущем |

Сопоставление конструктивного поведения с другими формами реагирования в ситуации межличностного конфликта

Поиск значимых индикаторов в проявлении социально-психологического феномена может быть существенно обогащен путем его сопоставления с классом других похожих явлений.

Логична постановка вопроса о том, как соотносится понятие «конструктивное поведение» с признанными большинством исследователей стратегиями поведения в конфликте, выделенными К. Томасом [цит. по: 3, с. 251–252]. Конку-

ренция, приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество – это тенденции поведения, преимущественно определяемые характером психологического отношения (как оно понимается в теории В. Н. Мясищева [17]) субъекта к другой стороне в конфликте. Конструктивное же поведение организуется и управляется целью решить совместно с другой стороной возникшее противоречие в конфликте, найти способы удовлетворения сущностных интересов сторон и перейти к конкретным действиям по реализации намеченных шагов. Другими словами, конструк-



тивное поведение преимущественно ориентировано на решение актуальных задач, а не на личность партнера или оппонента в конфликте.

Конструктивное поведение в конфликте может быть сопоставлено с таким выделенным М. П. Фоллет еще в 1942 г. способом урегулирования конфликта, как *интеграция*, при котором находится новое, как правило, не лежащее на поверхности, творческое решение, отвечающее интересам двух сторон, и требующее от участников в процессе поиска особого состояния остроты восприятия и «изобретательности ума», а также их способности освободиться от власти распространенной потребности «в неременном одержании победы» над второй стороной [3, с. 346–347].

Наиболее часто описываемыми конфликтологами способами конфликтного взаимо-

действия являются «борьба» и «переговоры» [3, с. 226], лежащие в основе описания различных технологий ведения переговорных процессов [3, с. 350–356]. Н. В. Гришина для обозначения похожей на переговоры формы реагирования использует понятие «диалог», объединяющее, на ее взгляд, стратегии разрешения конфликта, такие как сотрудничество и кооперация [3, с. 226, 317]. Отметим, однако, что не все переговоры и не любой диалог мотивируются стремлением найти способы решения задачи по преодолению возникших противоречий. Так, например, переговоры в формате «позиционного торга» [21, с. 17; 22, с. 267] часто сопровождаются забыванием, или вытеснением, конфликтующими сторонами своих существенных интересов и подменой их формально принятыми или мнимыми позициями (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Индикаторы проявлений стратегии конструктивного поведения и позиционного торга
Indicators of manifestations of the strategy of constructive behavior and positional bargaining

| Критерии сопоставления | Индикаторы проявления в конфликте | |
|--|---|--|
| | Позиционного торга | Стратегии конструктивного поведения |
| Стратегическая цель | Сведение счетов с оппонентом | Поиск способов удовлетворения существенных интересов сторон |
| Объект фиксации внимания | Фиксация внимания на личности оппонента | Фиксация внимания на способах взаимодействия с проблемой, актуализировавшейся в конфликте |
| Модель поведения | Ригидное стремление поторговаться, помериться с оппонентом своими позициями, статусом, уровнем власти, влияния, силой, правами, обязанностями, компетенциями, претензиями, правильностью поступков, личностных недостатков и т.п. | Творческий поиск решения проблемы, предполагающий выражение своих интересов и желаний, выяснение интересов партнера, обсуждение возможностей и способов достижения желаемых результатов, создание плана действий, стремление объединить усилия (сотрудничать) в борьбе против общей проблемы |
| Используемые основания для коммуникации и предпринимаемых действий | В качестве оснований для коммуникации выдвигаются социальные статусы, нормы, законы, договоренности, долженствования, стереотипы, мифы | Основанием для коммуникации служат понимание себя и партнера, эмпатия, согласие с собственной совестью |
| Наиболее актуализируемая сфера психики и характерные проявления | Эмоциональная сфера с проявлениями недовольства, обиды, возмущений, вражды, ненависти, желания отомстить, оскорблений. Когнитивными коррелятами возникающих эмоций являются искажения в социальном восприятии и ошибочные умозаключения | Рациональная сфера с проявлениями социальной внимательности и социальной восприимчивости (наряду с возможностью субъектной отстраненности от переживаемых эмоций), логически взвешенного системного анализа текущей конфликтной ситуации, творческого мышления и воображения |
| Актуализируемое психологическое время | Психологическое прошлое | Психологическое будущее |
| Тематические ориентации в общении | «Застравание» на уже произошедшем и «утопание» в анализе причин появившейся проблемы | Ориентация на поиск возможностей разрешения проблемы в будущем и осуществление конкретных действий по их реализации |



Окончание табл. 2 / Continuation of the Table 2

| Критерии сопоставления | Индикаторы проявления в конфликте | |
|---|--|--|
| | Позиционного торга | Стратегии конструктивного поведения |
| Ключевые вопросы, поднимаемые в обсуждениях | Кто прав? Кто виноват? Кто, что, кому должен? Кто первый поступил неправильно? Кого и как нужно наказать? Кто плохой? Кто хороший? | Каковы желания и интересы сторон? Что можно сделать, чтобы разрешить возникшую проблему? Каковы ресурсы, где их взять и как актуализировать для достижения намеченных целей? Каков может быть план действий для решения возникшей проблемы? |
| Актуализируемые типы психологических отношений с партнером | «Своя социальная роль – социальная роль Другого» (отношения строятся, исходя из социальных статусов оппонентов, формальных поведенческих предписаний к исполнению социальных ролей); «Я-субъект – Оно-объект» (тип субъект-объектных отношений) | «Человек – Человек» (отношения строятся, исходя из личностных интересов партнеров в данной ситуации), «Я-субъект – Ты-субъект» (тип субъект-субъектных отношений) |
| Психологические и социально-психологические механизмы, используемые в общении | Проекция, перенос (своих ожиданий и субъективных образов на Другого вместо восприятия его таким, какой он есть в реальности), манипулирование, контролирование Другого | Эмпатия, теле-отношения (взаимная эмпатия), идентификация, рефлексия, самоконтроль, саморегуляция |
| Характер используемой обратной связи | Оценочный, отрицательный, чрезмерно обобщенный | Описательный, позитивный, конкретный |
| Характеристики достигнутого результата | Деструктивность: отказ от реализации значимых жизненных интересов и планов, разрушение межличностных отношений, потеря психологических и социально-психологических ресурсов (растрата времени, сил, здоровья, способностей развития новых жизненных навыков, утрата возможности привлечения в свой социально-психологический капитал способностей Другого) | Продуктивность: создание способов решения проблемы, удовлетворения интересов сторон, сохранение межличностных отношений и перевод их на новый уровень, актуализация психологических и социально-психологических ресурсов для развития новых способностей и достижения жизненных целей, обогащение своего социально-психологического капитала |
| Легкость использования и частота распространения | Встречается достаточно часто из-за простоты воспроизведения, обеспечиваемой бессознательным и автоматическим характером репертуара поведения | Используется нечасто, поскольку является технологически сложной, предполагает включение сознательных и волевых механизмов, опыта наработки соответствующих навыков коммуникации и саморегуляции, креативности мышления (паттерны поведения редко бывают заложены на глубинных уровнях сознания, иногда содержатся в архетипических формах религиозного отношения к миру), а также требует условий выделения времени для реализации |

Кроме того, стратегия конструктивного поведения в конфликтной ситуации, помимо вербальной активности, включает целые классы иных проявлений коммуникативности, комплекс когнитивных операций (эконсензитивного восприятия, оценки согласованности различных элементов информации, логического анализа, мыслительного интегрирования, генерирова-

ния идей), систему сложных исполнительских действий, направленных на достижение желаемого значимого результата и координируемых с реакциями партнера, а также внутреннюю деятельность по саморегуляции эмоциональных состояний и психических процессов.

Сопоставление проявлений стратегии конструктивного поведения и позиционного торга



в конфликтных ситуациях по целому ряду критериев может быть полезным для выделения их значимых индикаторов, способных послужить в дальнейшем для разработки психодиагностических инструментов и преобразующих методов развития эффективного социального поведения (см. табл. 2).

Следует подчеркнуть, что конструктивное поведение личности в социальном конфликте еще не означает полной гарантии конструктивного разрешения конфликта, поскольку это требует, как правило, эффективного творческого участия всех вовлеченных во взаимодействие сторон (не говоря уже о сохранности их психических сил и ресурсов). Однако конструктивное поведение личности служит исходным основанием для построения более сложной системы конструктивного межличностного взаимодействия в конфликте и его эффективного разрешения. Поэтому изучение факторов развития и актуализации конструктивного поведения личности имеет большую теоретическую и практическую социально-преобразующую значимость.

Помимо активно применяемых технологий эффективного проведения переговоров [3, с. 350–356; 22], для развития конструктивного поведения в конфликтных ситуациях может быть полезен опыт использования технологий коучинга [23] и методики беседы, фокусированной на решении проблемы [24], служащих оптимизации таких личностных качеств, как проактивность, целестремительность, креативность, способность согласовывать постановку целей деятельности с условиями ее осуществления и выбором средств достижения.

Заключение

Результаты проведенного теоретического анализа сложного социально-психологического феномена, его сущностных свойств, компонентов функциональной структуры и значимых индикаторов позволили сформулировать следующие итоговые положения.

Конструктивное поведение в ситуации межличностного конфликта может быть понято как функциональная система сознательной, творческой активности субъекта, общая целевая и смысловая направленности которой связаны с поиском и генерированием способов и средств построения и реализации интегрированной и упорядоченной в единое целое программы согласованных исполнительских взаимодействий с партнером для удовлетворения своих и его

значимых интересов в условиях возникших противоречий в общем, совместно разделяемом, социально-психологическом пространстве. Такая системная активность субъекта предполагает использование комплекса механизмов саморегуляции, обеспечивающих реалистичную оценку средовых условий, сбор и адекватное восприятие информации о другой стороне конфликта, координацию собственно предпринимаемых операций с когнитивными особенностями и ответными эмоционально-поведенческими реакциями оппонента, гибкость и пластичность в корректировке целевых ориентаций и выборе альтернативных путей достижения целей.

Сущностными свойствами конструктивного поведения личности в ситуации межличностного конфликта являются субъектность, осознанность, проактивность, целестремительность, креативность, продуктивность, ориентированность в будущее, экосензитивность (eco-sensitivity), синтонность, избирательность, конкордантность, системность, интегративность, созидательность, надситуативная сверхсубъектная внеопозиционность.

Список литературы

1. Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
2. *Follett M. Dynamic Administration.* New York : Hippocrene Books, 1982. 331 p.
3. *Гришина Н. В. Психология конфликта.* 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 544 с.
4. *Антонец П. В., Корбут А. А. Обучение сотрудников организации конструктивному поведению в конфликтах // Социальный мир: роль молодежи в решении проблем XXI века: материалы XX Международной научно-практической конференции студентов и молодых исследователей.* Минск : Колорград, 2023. С. 292–295.
5. *Ермолаева Т. Ю. Формирование у подростков навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях // Молодежь. Наука. Современность. IX Всероссийская научно-практическая конференция : сборник статей.* Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2023. С. 30–39.
6. *Фомина С. Н., Харитонова И. В. Формирование у студентов навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях // ЦИТИСЭ.* 2016. № 4 (8). С. 45–51.
7. *Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой.* СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 123–142.



8. Рогожникова Р. А., Равилов Р. Т. Предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов в воинском коллективе // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2020. № 2. С. 120–127. <https://doi.org/10.24412/2308-717X-2020-2-120-127>
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 2 : К–О. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
10. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.
11. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
12. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М. : Когито-Центр, 2004. 44 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
14. Абульханова К. А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 2. С. 5–18.
15. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М. : Издательство «Институт психологии РАН» ; СПб. : Алетей, 2003. 272 с.
16. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–109.
17. Мясичев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2003. 400 с.
18. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М. : Политиздат, 1978. 272 с.
19. Фролова С. В. Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 427–439. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>
20. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1973. 424 с.
21. Бузунов А. М. Технология принципиальных переговоров как эффективный способ разрешения конфликтов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2011. № 6 (76). С. 16–19.
22. Садыков М. А. Стратегия ведения переговоров в продажах сложного технического оборудования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 6А. С. 263–269. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.51.77.027>
23. Уитмор Дж. Coaching – новый стиль менеджмента и управления персоналом: практическое пособие / пер. с англ. А. П. Колесника. М. : Финансы и статистика, 2001. 160 с.
24. Краткосрочная позитивная психотерапия : в 2 ч. / предисл. и ред. Б. А. Бараша. Ч. 1 : Ахола Т., Фурман Б. Терапия, фокусированная на решении / пер. с англ. Л. Б. Лариной ; Ч. 2 : Ялов А. М. Методическое пособие. СПб. : Речь, 2000. 220 с.

References

1. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Meshcheryakova B. G., Zinchenko V. P., eds. Large psychological dictionary]. Moscow, AST, AST MOSKVA; St. Petersburg, Praym-EVROZNAK, 2009. 811 p. (in Russian).
2. Follett M. *Dynamic Administration*. New York, Hippocrene Books, 1982. 331 p.
3. Grishina N. V. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of Conflict]. St. Petersburg, Piter, 2008. 544 p. (in Russian).
4. Antonets P. V., Korbut A. A. Training employees of the organization to behave constructively in conflicts. *Sotsialnyy mir: rol' molodezhi v reshenii problem XXI veka: materialy XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodykh issledovateley* [Social world: The role of youth in solving problems of the 21st century: Materials of the XX International Scientific and Practical Conference of Students and Young Researchers]. Minsk, Kolorgrad, 2023, pp. 292–295 (in Russian).
5. Ermolaeva T. Yu. Formation of constructive behavior skills in adolescents in conflict situations. *Molodezh'. Nauka. Sovremennost'. IX Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik statey* [The youth. The science. Modernity. IX All-Russian Scientific and Practical Conference. Digest of articles]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2023, pp. 30–39 (in Russian).
6. Fomina S. N., Kharitonova I. V. Formation of students' skills of constructive behavior in conflict situations. *CITISE*, 2016, no. 4 (8), pp. 45–51 (in Russian).
7. Sidorenko E. V. Personal influence and resistance to other people's influence. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Krylov A. A., Korostyleva L. A., eds. Psychological problems of personal self-realization]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1997, pp. 123–142 (in Russian).
8. Rogozhnikova R. A., Ravirov R. T. Prevention and constructive resolution of conflicts in the military collective. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series no. 1. Psychological and pedagogical sciences], 2020, no. 2, pp. 120–127 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2308-717X-2020-2-120-127>
9. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. Pod red. A. P. Evgen'yevoe. T. 2: K–O* [Evgenieva A. P., ed. Dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 2: K–O]. Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy, 1999. 736 p. (in Russian).
10. Dvoretzkiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar. Okolo 50000 slov* [Latin-Russian dictionary. About 50 000 words]. Moscow, Russkiy yazyk, 1976. 1096 p. (in Russian).



11. Konopkin O. A. Mental self-regulation of human voluntary activity (structural-functional aspect). *Voprosy psikhologii*, 1995, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
12. Morosanova V. I. *Oprosnik «Stil samoregulyatsii povedeniya» (SSPM): Rukovodstvo* [Questionnaire “Self-Regulation Style of Behavior” (SBRM): Manual]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2004. 44 p. (in Russian).
13. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man’s Search for Meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).
14. Abul’khanova K. A. Methodological principle of a subject: Study of person’s life course. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2014, vol. 35, no. 2, pp. 5–18 (in Russian).
15. Brushlinskiy A. V. *Psikhologiya sub’ekta* [Psychology of a Subject]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., St. Petersburg, Aleteyya, 2003. 272 p. (in Russian).
16. Rubinshteyn S. L. The principle of creative amateur performance (Towards the philosophical foundations of modern pedagogy). *Voprosy psikhologii*, 1986, no. 4, pp. 101–109 (in Russian).
17. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [Bodalev A. A., ed. The Psychology of Relations]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., Voronezh, NPO “MODEK”, 2003. 400 p. (in Russian).
18. Dodonov B. I. *Emotsiya kak tsennost’* [Emotion as a Value]. Moscow, Politizdat, 1978. 272 p. (in Russian).
19. Frolova S. V. *Positive Psychological Counseling: Theoretical Bases and Methodological Foundations. Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 427–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>
20. Rubinshteyn S. L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Pedagogika, 1973. 424 p. (in Russian).
21. Buzunov A. M. Technology of principled negotiations as an effective way to resolve conflicts. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2011, no. 6 (76), pp. 16–19 (in Russian).
22. Sadykov M. A. Negotiation strategy in the sale of complex technical equipment. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 2021, vol. 11, no. 6A, pp. 263–269 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.51.77.027>
23. Whitmore J. *Coaching – novyi stil’ menedzhmenta i upravleniya personalom: prakticheskoe posobie* [Coaching – a New Style of Management and Personnel Management: A Practical Guide]. Moscow, Finansy i statistika, 2001. 160 p. (in Russian).
24. *Kratkosrochnaya pozitivnaya psikhoterapiya: v 2 ch.* Ch. 1: Akhola T., Furman B. *Terapiya fokusirovannaya na reshenii*. Ch. 2: Yalov A. M. *Kratkosrochnaya pozitivnaya psikhoterapiya. Metodicheskoe posobie* [B. A. Barash, ed. Short Term Positive Psychotherapy: in 2 parts. Part 1: Akhola T., Furman B. Solution Focused Therapy. Part 2: Yalov A. M. Methodological Guide]. St. Petersburg, Rech’, 2000. 220 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 02.05.2024



Научная статья

УДК [316.614-057.785-054.6:378](470+571)

Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах



Р. М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, shamionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Аннотация. Введение. Академическая адаптация студентов-иностранцев в условиях академической мобильности является основой академических достижений и связана с психологическим благополучием, что служит условием позитивного отношения к принимающей стране. **Теоретический анализ.** Академическая адаптация студентов-иностранцев сопряжена с проблемами культурного стресса, информированностью, социально-психологическими отношениями принимающей стороны, знанием языка для установления контактов и взаимодействия с местными студентами и бытовыми проблемами. В меньшей степени рассматриваются собственно академические проблемы. **Эмпирический анализ.** Целью исследования является анализ структуры и факторов академической адаптации студентов-иностранцев. Предполагается, что социальные характеристики академической адаптации иностранцев (коммуникативные, личностные) более выражены, чем психофизиологические, отражающие физическое самочувствие студентов, субъективную оценку их утомления и усталости. **Заключение.** В результате исследований установлены более выраженные по сравнению с россиянами показатели личностного, эмоционального и мотивационного и более низкие – психофизиологического компонентов академической адаптации. Адаптация студентов-иностранцев обусловлена удовлетворенностью базовой потребности в связанности с другими, характеризующей возможности их поддержки со стороны близких, адаптация студентов-россиян – с удовлетворенностью потребности в связанности с другими, компетентности, переживанием счастья и удовлетворенности жизнью. Вовлеченность в образовательную активность студентов вне зависимости от оседлости является важнейшим фактором академической адаптации.

Ключевые слова: академическая адаптация, студенты-иностранцы, академическая мобильность, субъективное благополучие, адаптационный потенциал

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00472.

Для цитирования: Шамионов Р. М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 211–218. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-211-218>, EDN: QBUWHI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The structure and factors of academic adjustment of foreign students in Russian universities

R. M. Shamionov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rail' M. Shamionov, shamionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Abstract. Introduction. Academic adaptation of foreign students in terms of academic mobility is the basis of academic achievements and is associated with psychological well-being, which serves as a condition for a positive attitude towards the host country. Therefore, the study of the peculiarities of academic adaptation of foreign students will allow us to determine the conditions for their secondary socialization and psychological acceptance of the host country. **Theoretical analysis.** Academic adaptation of foreign students is associated with problems of cultural stress, awareness, socio-psychological relations of the host party, knowledge of the language for establishing contacts and interaction with local students and everyday problems. Academic problems themselves are considered to a lesser extent. **Empirical analysis.** The purpose of the study is to analyze the structure and factors of academic adaptation of foreign students. It is assumed that the social characteristics of the academic adaptation of foreigners (communicative, personal) are more pronounced than the psychophysiological ones, reflecting the physical well-being of students, the subjective assessment of their exhaustion and fatigue. **Conclusion.** As a result of the research, the indicators of personal, emotional and motivational and lower psychophysiological components of academic adaptation were found to be more pronounced than those of Russians. The adaptation of foreign students is conditioned by satisfaction of the basic need for connectedness



with others, characterizing the possibilities of their support from relatives, connectedness with them, adaptation of Russian students - with satisfaction of the need for connectedness with others, competence, happiness and life satisfaction. Involvement in the educational activity of students, regardless of their residence status, is the most important factor in academic adaptation.

Keywords: academic adaptation, foreign students, academic mobility, subjective well-being, adaptive potential

Acknowledgements: Russian Science Foundation (RSF) № 24-28-00472, <https://rscf.ru/project/24-28-00472/>.

For citation: Shamionov R. M. The structure and factors of academic adjustment of foreign students in Russian universities. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 211–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-211-218>, EDN: QBUWHI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Академическая адаптация студентов-иностранцев, как правило, связана не только с приспособлением к собственно академической среде, но и новой языковой, климато-географической, социально-политической и культурной среде. Тем не менее исследования «академических мигрантов» в большей мере охватывают именно последнее. Социокультурная адаптация студентов-иностранцев занимает ведущее место в работах психологов и социологов, нацеленных на оценку их адаптации в новых условиях. Так, исследование социокультурной адаптации студентов из Китая и Азербайджана позволило установить, что предварительная языковая социокультурная подготовка в стране исхода помогает ускорить социокультурную адаптацию студентов в стране прибытия [1]. В другом исследовании установлено, что наивысшими по значимости социокультурными стрессорами для студентов-иностранцев в России являются не только языковые барьеры, но и сфера питания, климат и проживание в общежитии [2]. Важным фактором в адаптации студентов выступают их позитивное отношение к русской культуре, языковая подготовка в стране исхода, а также преодоление языкового барьера и создание благоприятной коммуникационной системы взаимодействия, приспособление к условиям российской системы образования [3]. Эти исследования имеют достаточно глубокие корни в кросскультурной психологии. В частности, ранее финскими психологами было установлено, что предварительная психологическая подготовка, а не только языковая и знакомство с культурой страны прибытия, значительно ускоряет адаптационный процесс мигрантов в новых условиях [4].

Теоретический анализ

Исследования адаптации студентов-мигрантов в последние годы заметно активизировались. Это связано с усилением

академической мобильности по всему миру, и Россия остается достаточно привлекательной в этом отношении, что отразилось на количестве прибывающих студентов. Вместе с тем исследователи отмечают, что основными факторами выбора российских вузов являются этнокультурная близость или интерес к культуре, безопасность страны проживания и обучения, фактор перспективы использования русского языка в дальнейшей работе, а также межличностные и межкультурные отношения [5]. В исследованиях академической адаптации иностранцев в других странах также отмечается, что представления, складывающиеся из средств массовой информации о стране прибытия, не совпадают с тем, с чем сталкиваются прибывающие студенты [6]. С другой стороны, среди основных проблем адаптации иностранцев выделяются религиозная, личная, социальная и академическая адаптации и в наименьшей степени – финансовая [7]. Важнейшее значение для академической адаптации имеет воспринимаемая психологическая поддержка со стороны принимающего сообщества и психологический капитал студентов [8].

Иначе говоря, аккультурация и владение языком принимающего сообщества выступают важнейшими факторами адаптации. Ранее установлено, что продолжительность пребывания в принимающей стране, знание языка и обращение за помощью предсказывают академическую адаптацию, тогда как возраст и привязанность к университетскому сообществу предсказывают психологическую адаптацию, которая была связана со стратегией аккультурации и культурной дистанцией. Действительно, исходя из прежних публикаций, можно предположить, что академическая адаптация иностранных студентов в значительной степени связана с культурными феноменами адаптации [9]. Поэтому неслучайно исследователи рассматривают субъективно воспринимаемую культурную дистанцию как переменную особой важности. В соответствии с гипотезой Е. Д. Мелоус, С. Оттена, Р. Колена



взаимосвязь воспринимаемой культурной дистанции и адаптации иностранных студентов регулируется культурным интеллектом студентов [10], т. е. чувствительностью и способностью различать культурные феномены и учитывать эти различия в своем поведении. Наконец, огромное значение для социокультурной адаптации имеет отношение к иностранцам принимающей стороны. Ранее были выявлены отрицательные связи воспринимаемой дискриминации, воспринимаемой ненависти (неприятя), воспринимаемого страха и воспринимаемого культурного шока с академической адаптацией [11]. Эти данные свидетельствуют о значительном влиянии на академическую адаптацию субъективных переживаний, связанных с тем, как организован прием иностранных студентов, какие социальные представления и установки доминируют в принимающем сообществе, наконец, является ли оно позитивно настроенным к иностранцам.

Среди факторов академической адаптации, не связанных с аккультурацией, выделяют переменные психологического капитала, взаимоотношений, ответственности и др. Индийскими исследователями установлено, что достаточно большой объем дисперсии академической адаптации объясняется переменными психологического капитала, включающего оптимизм, надежду, самоэффективность и жизнестойкость [12]. Малазийские ученые пришли к выводу о том, что копинг-стратегии выступают значимыми посредниками влияния перфекционизма на академическую адаптацию студентов [13], что свидетельствует в пользу высокого значения личностных факторов в процессе академической адаптации. Кенийские исследователи обнаружили, что местоположение и размер университетов, с точки зрения численности студентов и организационной структуры, влияют на уровень академической адаптации [14]. Кроме того, в последние годы академическая адаптация студентов увязывается с комплексными программами академической мобильности [15], дифференцированным подходом в связи с копинг-стратегиями [16], личностным отношением к профессии и учебной деятельности [17], жизнестойкостью студентов [18].

Таким образом, исследователи чаще отмечают проблемы, связанные с культурным стрессом, информированностью, социально-психологическими отношениями принимающей стороны, знанием языка для установления контактов и взаимодействия с местными сту-

дентами и бытовыми проблемами. В меньшей степени рассматриваются собственно академические проблемы.

Цель данного исследования заключается в сравнительном анализе структуры и факторов академической адаптации студентов-иностранцев и российских студентов.

Основная гипотеза заключается в предположении о более значимых различиях психофизиологического компонента академической адаптации ввиду ее чувствительности к бытовым проблемам и тем нагрузкам, которые отражают генерализацию адаптационных проблем студентов-иностранцев.

Выборка и методика. В исследовании приняли участие 120 студентов (60 – российских и 60 – иностранцев (представителей среднеазиатских государств). Средний возраст – 18,7 лет (27% лиц мужского пола, 73% – женского пола). Использованы: методика исследования структуры академической адаптации (Р. М. Шамионов, М. В. Григорьева, Е. С. Гринина, А. В. Созонник, 2022), Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», разработанный А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным (1993), Шкала базовых психологических потребностей (в адаптации Р. М. Шамионова), Шкала субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина, Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина.

Для обработки полученных данных использовалась статистическая программа IBM SPSS 26. Проведены анализ значимости различий с использованием критерия Стьюдента, корреляционный анализ по методу Пирсона, регрессионный анализ пошаговым методом.

Эмпирический анализ

Как видно из табл. 1, структуры академической адаптации [19] студентов-иностранцев и россиян характеризуются сходством интегрального показателя, познавательного и коммуникативного компонентов.

Личностный, эмоционально-оценочный и мотивационный компоненты выше у иностранцев, а психофизиологический компонент – у россиян. Значения критерия Стьюдента свидетельствуют в пользу сходства показателей когнитивного и коммуникативного компонентов академической адаптации.

Обратимся к данным, отражающим результаты регрессионного анализа (табл. 2).



Таблица 1 / Table 1

Показатели структуры академической адаптации студентов иностранцев и россиян
Indicators of the structure of academic adaptation of foreign and Russian students

| Показатели адаптации | Россияне | | Иностранцы | | t | p |
|--|----------|------|------------|------|-------|------|
| | M | SD | M | SD | | |
| Личностный компонент (самоорганизация) | 5,31 | 0,98 | 5,71 | 0,81 | -2,99 | 0,00 |
| Эмоционально-оценочный компонент | 5,21 | 1,05 | 5,71 | 1,07 | -2,95 | 0,01 |
| Познавательный компонент | 5,37 | 0,91 | 5,37 | 0,91 | -0,03 | 0,98 |
| Мотивационный компонент | 5,63 | 1,24 | 6,24 | 0,83 | -4,29 | 0,00 |
| Психофизиологический компонент (обратная, положит шкала) | 4,37 | 1,11 | 3,83 | 1,37 | 2,51 | 0,02 |
| Коммуникативный компонент | 5,44 | 0,91 | 5,24 | 0,84 | 1,51 | 0,14 |
| Академическая адаптация | 31,36 | 4,32 | 32,04 | 3,83 | -1,10 | 0,28 |

Таблица 2 / Table 2

Параметры субъективного благополучия как предикторы академической адаптации
Parameters of subjective well-being as predictors of academic adaptation

| Предикторы | Нестандартизованные коэффициенты | | Стандартизованные коэффициенты | t | p |
|-------------------------------------|----------------------------------|--------------------|--------------------------------|-------|------|
| | B | Стандартная ошибка | β | | |
| Российские студенты | | | | | |
| (Константа) | 14,20 | 1,21 | | 11,72 | 0,00 |
| Компетентность | 1,29 | 0,29 | 0,25 | 4,52 | 0,00 |
| Счастье | 0,67 | 0,24 | 0,18 | 2,79 | 0,01 |
| Связанность | 1,06 | 0,28 | 0,20 | 3,81 | 0,00 |
| Удовлетворенность жизнью | 0,50 | 0,21 | 0,14 | 2,35 | 0,02 |
| $R^2 = 0,40$ $F = 58,44$ $p < 0,01$ | | | | | |
| Студенты-иностранцы | | | | | |
| (Константа) | 18,63 | 2,49 | | 7,47 | 0,00 |
| Связанность | 2,66 | 0,49 | 0,65 | 5,47 | 0,00 |
| $R^2 = 0,42$ $F = 29,88$ $p < 0,01$ | | | | | |

Из полученных результатов видно, что около 40% дисперсии академической адаптации российских студентов объясняются вариациями удовлетворенности базовых потребностей в компетентности и связанности с другими и удовлетворенностью жизнью и счастьем, а 42% вариаций академической адаптации иностранцев – лишь связанностью с другими.

На следующем этапе нами проведен регрессионный анализ, в который в качестве независимых переменных включены переменные потенциала адаптации – поведенческая регуляция, коммуникативные способности и уровень моральной нормативности (табл. 3).

Как видно из табл. 3, у российских студентов все три параметра адаптационного потенциала личности являются предикторами академической адаптации, а у иностранцев – только поведенческая регуляция.

Обнаружены также связи академической адаптации и приверженности к этнической ($r = 0.202$ при $p < 0.01$) и религиозной ($r = 0.142$ при $p < 0.05$) культуре; у студентов-иностранцев таких связей не выявлено.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты-иностранцы демонстрируют более высокие показатели личностного, эмоционально-оценочного и мотивационного компонентов академической адаптации.

Свойства личности как предикторы академической адаптации
Personality traits as predictors of academic adaptation

| Предикторы | Нестандартизованные коэффициенты | | Стандартизованные коэффициенты | t | p |
|---------------------------------|----------------------------------|--------------------|--------------------------------|--------|-------|
| | B | Стандартная ошибка | β | | |
| Российские студенты | | | | | |
| (Константа) | 37,966 | 0,716 | | 53,033 | 0 |
| Поведенческая регуляция | -0,085 | 0,017 | -0,289 | -4,849 | 0 |
| Коммуникативный потенциал | -0,187 | 0,05 | -0,218 | -3,719 | 0 |
| Моральная нормативность | -0,168 | 0,069 | -0,117 | -2,447 | 0,015 |
| $R^2 = 0,25 F = 39,66 p < 0,01$ | | | | | |
| Студенты-иностранцы | | | | | |
| (Константа) | 36,754 | 1,275 | | 28,817 | 0 |
| Поведенческая регуляция | -0,141 | 0,035 | -0,526 | -4,011 | 0 |
| $R^2 = 0,28 F = 16,09 p < 0,01$ | | | | | |

Причем показатели стандартных отклонений указывают на менее сильный разброс показателей мотивационного компонента. Это свидетельствует о более сильной мотивации к учебной деятельности большинства иностранцев и высокой готовности к волевой регуляции деятельности, включая напористость и стремление к результату. Вместе с тем показатели психофизиологического компонента адаптации иностранцев значительно ниже, чем у россиян. Поскольку психофизиологический компонент говорит о генерализации общих проблем с физическим самочувствием, включая утомление, физическое недомогание и прочее, его низкие значения у иностранцев свидетельствуют о реальных бытовых проблемах, испытываемых ими, и напряжении в процессе учебной деятельности, а более высокий разброс показателей указывает на довольно большие различия внутри группы – наличие тех, чьи показатели демонстрируют сильное напряжение и тех, кто имеет умеренное напряжение. Поскольку большинство иностранных студентов обучаются в гомогенных группах, составленных из иностранцев, они не испытывают особых проблем в коммуникации. Отсутствие различий по когнитивному компоненту тоже неслучайно, поскольку способность к обучению, способы обучения как критерии отбора в вузы одинаковы и для иностранцев, и для россиян.

В результате регрессионного анализа нами установлено, что порядка 40% вариаций академической адаптации российских студентов

объясняются характеристиками субъективного благополучия, включая удовлетворенность базовых потребностей и удовлетворенность жизнью и переживание счастья. Это говорит о том, что общее субъективное благополучие студентов, свидетельствующее о позитивном настрое, переживании комфорта и эмоционального подъема, является ресурсом для академической адаптации, а в случае с иностранцами – таким ресурсным образованием выступает удовлетворенность в связанности с другими. Очевидно, связанность с другими является для последних единственным каналом для утилизации напряжения и сохранения чувства стабильности. Эти выводы согласуются с исследованиями, в которых устанавливалась зависимость адаптации от сохранения связей с родственниками и друзьями в стране исхода [20].

Последующий анализ позволил установить параметры личностного и социально-психологического регулирования поведения в качестве основных предикторов академической адаптации российских студентов. Такие характеристики личности, как умение контактировать с окружающими и находить взаимопонимание с ними (коммуникативный потенциал), способность адекватно воспринимать морально-нравственные нормы и проявлять социальную конгруэнтность (моральная нормативность), а также регулировать свое взаимодействие со средой деятельности (поведенческая регуляция), способствуют академической адаптации



российских студентов. У студентов-иностранцев такую роль играет лишь поведенческая регуляция и, соответственно, высокий уровень нервно-психической устойчивости, адекватная самооценка, способность находить социальную поддержку. Иначе говоря, характеристики личности, которые в наибольшей степени согласуются с психологическим потенциалом, являются значимыми для академической адаптации.

Связей академической адаптации и приверженности к этнической и религиозной культуре у студентов-иностранцев нами не обнаружено.

Заключение

Изучение проблемы адаптации студентов-иностранцев включает две основные стороны – социокультурную адаптацию и личностную, а характеристики мотивационно-когнитивного плана академической адаптации оказываются вне исследовательского поля. В данной статье предпринята попытка комплексного охвата собственно академической адаптации и ее личностных факторов. Личностные характеристики и переживания общего комфорта выступают значимыми предикторами академической адаптации российских студентов и иностранцев.

Сравнительный анализ структуры академической адаптации позволил установить, что, несмотря на сходство интегральных показателей, студенты-иностранцы характеризуются более высокими показателями личностного, эмоционально-оценочного и регулятивного компонентов и более низкими показателями психофизиологического компонента адаптации. Несмотря на относительно высокую степень личностной и эмоционально-волевой готовности к обучению, целенаправленные действия по включению в систему обучения и в академическую среду, они испытывают трудности психофизиологического плана, связанные с физическим дискомфортом, физическим и интеллектуальным напряжением.

Переживания субъективного благополучия прогнозируют высокую степень академической адаптации российских студентов, и лишь удовлетворенность в связанности с другими обуславливает высокую степень академической адаптации, что сопряжено с поддержкой, реализуемой на разных уровнях.

Свойства личности, характеризующие адаптационный потенциал, в значительной степени объясняют адаптацию российских студентов, в то время как только поведенческая

регуляция студентов-иностранцев выступает однозначным предиктором (объясняя порядка 40% общей дисперсии) академической адаптации.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что академическая адаптация студентов-иностранцев отличается более сильной мотивацией большинства, личностной и эмоционально-оценочной готовностью к адаптации и более сильными трудностями в процессе приспособления к академической среде, выражающемся в испытываемом напряжении. Ресурсами адаптации служат связанность с другими и поведенческая регуляция – соотношение потребностей, мотивов, эмоционального фона настроения, самосознания, «Я-концепции».

Ограничения исследования связаны с негомогенной выборкой, а также ограниченностью методического аппарата. Последующие исследования должны учесть субъективные переживания студентов-иностранцев относительно различных областей образовательной среды, а также отношение к культуре принимающего общества.

Список литературы

1. Леденёва В. Ю., Абдуллаев Р. С., Гусейнова Л. Д. Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 10. С. 118–134. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134>
2. Соколова Е. В., Воевода Е. В., Морозов В. М. Социокультурные адаптационные стрессоры иностранных студентов в России // Перспективы науки и образования. 2022. № 5 (59). С. 476–490. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.5.28>
3. Тимченко Н. С., Кочетова Ю. Ю., Бендрикова А. Ю. Академическая и средовая адаптация иностранных студентов медицинского вуза // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 175–185. <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.16>
4. Mähönen T. A., Jasinskaja-Lahti I. Acculturation expectations and experiences as predictors of ethnic migrants' psychological well-being // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44, № 5. P. 786–806.
5. Салосина И. В., Охорзина Ю. О. Исследование причин выбора российского регионального вуза иностранными студентами // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 3. С. 124–138. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1803.09>
6. Bozbay Z., Baghirov F., Zhang Y., Rasli A., Karakasoglu M. International students' service quality evaluations



- towards Turkish universities // *Quality Assurance in Education*. 2020. Vol. 28, iss. 3. P. 151–164. <https://doi.org/10.1108/QAE-06-2019-0061>
7. Malaklolunthu S., Selanb P. S. Adjustment problems among international students in Malaysian private higher education institutions // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 15. P. 833–837. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.194>
 8. Hassan M., Fang S., Malik A. A., Lak T. A., Rizwan M. Impact of perceived social support and psychological capital on university students' academic success: Testing the role of academic adjustment as a moderator // *BMC Psychology*. 2023. Vol. 11. P. 340. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01385-y>
 9. Bastien G., Seifen-Adkins T., Johnson L. R. Striving for Success: Academic Adjustment of International Students in the U.S. // *Journal of International Students*. 2018. Vol. 8, № 2. P. 1198–1219. <https://doi.org/10.32674/jis.v8i2.143>
 10. Malay E. D., Otten S., Coelen R. J. Predicting adjustment of international students: The role of cultural intelligence and perceived cultural distance // *Research in Comparative and International Education*. 2023. Vol. 18, iss. 3. P. 485–504. <https://doi.org/10.1177/17454999231159469>
 11. Atteraya M. S. Acculturation Stressors and Academic Adjustment among Nepalese Students in South Korean Higher Education Institutions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, iss. 12. P. 6529. <https://doi.org/10.3390/ijerph18126529>
 12. Vandana S. N., Ngasainao G. Psychological capital and academic adjustment among first-year university students in Meghalaya, North-east India // *International Journal of Education and Psychology in the Community IJEPSC*. 2021. Vol. 11, iss. 1 & 2. P. 211–224.
 13. Siah P. C., Ang S. S., Tan K. W., Phi C. N., Pung P. W. Perfectionism and Academic Adjustment among Undergraduates: The Coping Strategy as a Mediator // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2022. Vol. 27, № 5. P. 57–68. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270505>
 14. Nyaboke O. G., Nyamwange C., Obuba E. Variability of Academic Adjustment of First Years among Public Kenyan Universities // *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. 2020. Vol. 5, iss. 8. P. 2456–2165. <https://doi.org/10.38124/IJISR-T20AUG707>
 15. Леонов Н. И., Хасан Х. Х. Ф. Соотношение адаптации и совладающего поведения иностранных студентов в России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2020. Т. 9, вып. 1 (33). С. 44–47. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-44-47>
 16. Федотова В. А. Адаптация иностранных студентов в России в связи с их культурной принадлежностью // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23, № 4. С. 995–1004. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-995-1004>
 17. Van Rooij E. C. M., Jansen E. P. W. A., Van de Grift W. J. C. M. First-year university students' academic success: The importance of academic adjustment // *European Journal of Psychology of Education*. 2018. Vol. 33. P. 749–767. <https://doi.org/10.1007/s10212-017-0347-8>
 18. Яро А., Горелова Г. Г., Мануйлов Г. В. Жизнестойкость как один из ресурсов адаптации иностранных студентов // *Психология. Психофизиология*. 2023. Т. 16, № 1. С. 18–28.
 19. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Гринина Е. С., Созонник А. В. Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики // *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27, № 2. С. 53–68. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270205>
 20. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Издательство Института психологии РАН, 2002. 252 с.

References

1. Ledeneova V. Yu., Abdullaev R. S., Guseynova L. D. The System of Sociocultural Adaptation of Foreign Students at Leading Russian Universities (On the Example of Azerbaijani and Chinese Students). *Vysseee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2022, vol. 31, no. 10, pp. 118–134 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134>
2. Sokolova E. V., Voevoda E. V., Morozov V. M. Socio-cultural adaptive stressors of international students in Russia. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 2022, no. 5 (59), pp. 476–490 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2022.5.28>
3. Timchenko N. S., Kochetova Yu. Yu., Bendrikova A. Yu. Academic and environmental adaptation of foreign students at a medical university. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 2020, no. 2, pp. 175–185 (in Russian). <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.16>
4. Mähönen T.A., Jasinskaja-Lahti I. Acculturation Expectations and Experiences as Predictors of Ethnic Migrants' Psychological Well-Being. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013, vol. 44 (5), pp. 786–806.
5. Salosina I. V., Okhorzina Yu. O. Investigating the factors influencing university choice for international students (with the main focus on a russian regional university). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, vol. 8, no. 3, pp. 124–138 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1803.09>
6. Bozbay Z., Baghirov F., Zhang Y., Rasli A. and Karakasoglu M. International students' service quality evaluations towards Turkish universities. *Quality Assurance in Education*, 2020, vol. 28, iss. 3, pp. 151–164. <https://doi.org/10.1108/QAE-06-2019-0061>
7. Malaklolunthu S., Selanb P. S. Adjustment problems among international students in Malaysian private



- higher education institutions. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 15, pp. 833–837. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.194>
8. Hassan M., Fang S., Malik A. A., Lak T. A., Rizwan M. Impact of perceived social support and psychological capital on university students' academic success: Testing the role of academic adjustment as a moderator. *BMC Psychology*, 2023, vol. 11, pp. 340. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01385-y>
 9. Bastien G., Seifen-Adkins T., Johnson L. R. Striving for Success: Academic Adjustment of International Students in the U.S. *Journal of International Students*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 1198–1219. <https://doi.org/10.32674/jis.v8i2.143>
 10. Malay E. D., Otten S., Coelen R. J. Predicting adjustment of international students: The role of cultural intelligence and perceived cultural distance. *Research in Comparative and International Education*, 2023, vol. 18, iss. 3, pp. 485–504. <https://doi.org/10.1177/17454999231159469>
 11. Atteraya M. S. Acculturation Stressors and Academic Adjustment among Nepalese Students in South Korean Higher Education Institutions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18, iss. 12, pp. 6529. <https://doi.org/10.3390/ijerph18126529>
 12. Vandana Sarif N., Ngasainao G. Psychological capital and academic adjustment among first-year university students in Meghalaya, North-east India. *International Journal of Education and Psychology in the Community IJEPIC*, 2021, vol. 11, iss. 1 & 2, pp. 211–224.
 13. Siah P. C., Ang S. S., Tan K. W., Phi C. N., Pung P. W. Perfectionism and Academic Adjustment among Undergraduates: The Coping Strategy as a Mediator. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 57–68 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2022270505>
 14. Nyaboke O. G., Nyamwange C., Obuba E. Variability of Academic Adjustment of First Years among Public Kenyan Universities. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*, 2020, vol. 5, iss. 8, pp. 2456–2165. <https://doi.org/10.38124/IJISRT20AUG707>
 15. Leonov N. I., Hasan H. H. F. Relationship Between Adaptation and Coping Behaviour of International Students in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 1 (33), pp. 44–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-44-47>
 16. Fedotova V. A. International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2021, vol. 23, no. 4, pp. 995–1004. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-995-1004>
 17. Van Rooij E. C. M., Jansen E. P. W. A., Van de Grift W. J. C. M. First-year university students' academic success: the importance of academic adjustment. *European Journal of Psychology of Education*, 2018, vol. 33, pp. 749–767. <https://doi.org/10.1007/s10212-017-0347-8>
 18. Yaro A., Gorelova G. G., Manuylov G. V. Resilience as a resource for the adaptation of foreign students. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya [Psychology. Psychophysiology]*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 18–28 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/jpps230102>
 19. Shamionov R. M., Grigor'eva M. V., Grinina E. S., Sozonnik A. V. Evaluating academic adaptation in students: A new technique. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 53–68. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270205>
 20. Gritsenko V. V. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii [Socio-Psychological Adaptation of Immigrants in Russia]*. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2002. 252 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 20.01.2024; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 02.05.2024

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 219–224

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 219–224
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-219-224>

EDN: RBHUNK

Научная статья

УДК 355.232.6:37.017:17.021.2

Исторические этапы становления и развития системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов

В. В. Авдошин

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 614112, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, д. 1

Авдошин Вадим Владимирович, адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения), awdoshinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1261-5606>

Аннотация. Введение. В современной системе военного образования Российской Федерации особенно актуальными стали вопросы воспитания военно-профессиональных качеств у будущих офицеров. Одним из таких качеств является командирская воля. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ периодов становления и развития системы воспитания командирской воли у будущих офицеров позволяет сделать вывод о том, что на каждом историческом этапе развития военного образования к вопросам воспитания военнослужащих, а тем более будущих офицеров, применялись различные подходы и методы. Генезис исследуемой проблемы целесообразно отнести к 1699 г. (создание регулярной армии). В данном исследовании выделено пять исторических этапов становления и развития исследуемой проблемы. Историография проблемы воспитания командирской воли у будущих офицеров включает в себя множество примеров великих русских полководцев, которые, несомненно, лично являлись образцами командиров, обладающих высокими волевыми качествами, и действительно были способны выполнить любую поставленную служебно-боевую задачу, даже в непростых условиях обстановки. **Заключение.** Выявлено пять исторических периодов становления и развития системы воспитания командирской воли у будущих офицеров и дана краткая характеристика по каждому из них.

Ключевые слова: командирская воля, воля, курсант, военный институт, историография, система воспитания, волевые качества, военное образование, институт

Для цитирования: Авдошин В. В. Исторические этапы становления и развития системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 219–224. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-219-224>, EDN: RBHUNK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

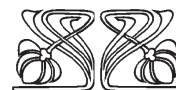
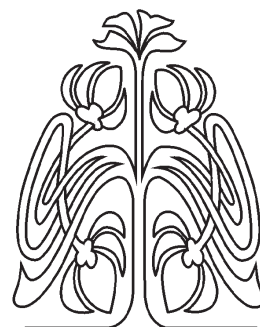
Historical stages of formation and development of the system of education of the commander's will in military universities' cadets

V. V. Avdoshin

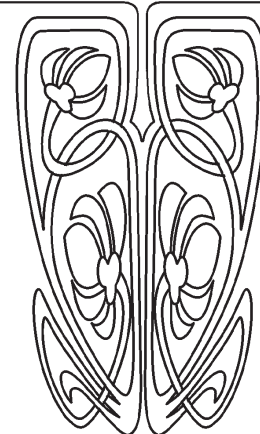
Perm Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, 1 Gremyachiy Log St., Perm' 614112, Russia

Vadim V. Avdoshin, awdoshinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1261-5606>

© Авдошин В. В., 2024



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Abstract. Introduction. In the modern system of military education in the Russian Federation, the issues of education of military professional qualities in future officers have become especially relevant. One of these qualities is the commander's will. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of the periods of formation and development of the system of education of the commander's will in future officers allows us to conclude that at each historical stage of military education development, various approaches and methods were applied to the education of military personnel, and especially future officers. It is advisable to attribute the genesis of the problem under study to 1699 (the creation of a regular army). This study identifies five historical stages of the formation and development of the problem. The historiography of the problem of educating the commander's will in future officers contains many examples of great Russian commanders, who, undoubtedly, personally were models of commanders with high volitional qualities and were really able to perform any assigned service and combat task, even in difficult conditions. **Conclusion.** Thus, five historical periods of formation and development of the system of education of the commander's will in future officers have been identified and a brief description of each of them is given.

Keywords: commander's will, will, cadet, future officer, historiography, volitional qualities, military education, institute

For citation: Avdoshin V. V. Historical stages of formation and development of the system of education of the commander's will in military universities' cadets. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 219–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-219-224>, EDN: RBHUNK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Процесс воспитания будущего офицера – защитника своей Родины, способного осознанно и достойно стоять на страже интересов Российской Федерации, подразумевает обучение основам воинского мастерства и воспитание личности в духе патриотизма. Образовательные и воспитательные функции во все времена были неразрывно взаимосвязаны между собой и, являясь основополагающими задачами командиров различных уровней, постепенно синтезировались в объединенную систему подготовки подчиненных военнослужащих [1]. Воспитание военно-профессиональных качеств у будущих офицеров также является важнейшей задачей должностных лиц военных институтов. Таковыми являются преподаватели военных учебных заведений, командиры батальонов, рот и взводов, психологи групп по военно-политической работе. В период обучения (от четырех до пяти лет) в военных институтах курсанты осваивают специальность, приобретают определенные знания по предметам обучения, умения практически действовать и командовать в будущем подчиненными солдатами, а также профессиональные навыки посредством постоянно проводимых с ними тренировок. В это же время происходит процесс воспитания военно-профессиональных качеств будущих офицеров. Одним из таких качеств является командирская воля. Проблема воспитания командирской воли у курсантов военных институтов всегда была и остается до сих пор актуальной в системе военного образования Российской Федерации.

Рассмотрим историографию данной проблемы, которая берет начало в конце XVII в. в период великих преобразований и реформ, проводимых императором Петром I.

Образование первых регулярных воинских формирований в 1699 г. послужило основой для начала создания в России системы воспитания военнослужащих. Проведенный анализ историографии изучаемой проблемы позволяет гипотетически предположить, что подготовка и проведение мероприятий по воспитанию военно-профессиональных качеств у подчиненных военнослужащих во все времена как в Российской империи, в советский период, так и в современной России, возлагались и возлагаются непосредственно на командиров и начальников всех уровней. Именно командиры, обладавшие высокими командно-волевыми качествами, в ходе процесса подготовки курсантов военных училищ и институтов занимались одновременно и организацией их воспитания. Личный пример командира (начальника) являлся образцом, неотъемлемой составляющей в процессе воспитания личного состава. Воспитание у будущих офицеров высоких военно-профессиональных качеств, в том числе и командирской воли, способствовало преобразованию личности курсантов, что в свою очередь в дальнейшем позволяло им успешно выполнять любую поставленную задачу, а также одерживать победы над врагом в боях и сражениях.

Теоретический анализ

Подробно изучив и проанализировав историографию проблемы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов, можно предположить, что ее генезис берет начало с 1699 г. Весь ранний период, в рамках которого сформировались предпосылки к изучению проблемы воспитания командирской воли у военнослужащих, является подготовительным. До реформ и преобразований Петра I вопросы воспитания



командирской воли у военнослужащих существовали, однако военно-учебных заведений по подготовке будущих офицеров фактически не существовало. Должностные обязанности командира (начальника) документально нигде закреплены не были.

Проведя исторический анализ системы воспитания военнослужащих русской армии, выделим следующие исторические периоды становления и развития проблемы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов: 1) 1699–1874 гг.; 2) 1874–1917 гг.; 3) 1917–1991 гг.; 4) 1991–2020 гг.; 5) 2020 г. – настоящее время.

Первый период (1699–1874 гг.) берет свое начало с 1699 г. – момента создания регулярной русской армии. Преобразования в военной системе, создание военных учебных заведений по подготовке будущих офицеров непосредственно оказали влияние на дальнейшее развитие системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов. С именами прославленных генералов и адмиралов России XVIII–XIX вв. – Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Ф. Ф. Ушакова, П. С. Нахимова, С. О. Макарова, Г. А. Потемкина и многих других неразрывно связано становление системы воспитания российских военнослужащих, основой которой являлись патриотизм, верность воинскому долгу, соблюдение чести и достоинства [2]. Великий русский полководец А. В. Суворов стал создателем целостной военно-педагогической системы, базирующейся на военно-профессиональном и нравственном воспитании. Он всегда относился к своим подчиненным с уважением, вникал в их нужды и оказывал им всестороннюю помощь по различным вопросам военной службы. Под командованием А. В. Суворова, обладавшего высокими командно-волевыми качествами, было одержано немало побед в битвах и сражениях.

Следует отметить, что основаниями для выделения границ первого исторического периода послужили глобальные преобразования во всех государственных сферах, реорганизация армии, создание военно-учебных заведений для подготовки будущих офицеров, изменение подходов к воспитанию военнослужащих, в том числе и в вопросах воспитания командирской воли у будущих офицеров.

Второй период (1874–1917 гг.) берет начало в 1874 г. Именно в это время в России была проведена Милютинская военная реформа и

осуществлен переход к всеобщей воинской повинности. Все лица мужского пола, которым исполнился 21 год, без различия сословий, 6 лет служили непосредственно в строю и 9 лет числились в запасе. Особый вклад в развитие системы воспитания будущих офицеров принадлежит генералу от инфантерии Михаилу Ивановичу Драгомирову, который, высоко оценивая значение воинского воспитания, активно выступал за формирование посредством воспитательной работы из каждого солдата «сознательного бойца». В его трудах содержались важные теоретические советы офицерам по проведению воспитательной работы с подчиненными [3].

В трудах М. И. Драгомирова отражены очень многие качества, связанные с проявлением воли командира и нашедшие отражение в «Офицерской памятке», разработанной им более 100 лет назад [4].

Таким образом, второй исторический период берет свое начало с момента перехода к всеобщей воинской повинности. Данный период характеризовался более углубленным вниманием к вопросам воспитания будущих офицеров, завершился он сменой социально-экономической формации и государственного строя в 1917 г.

Третий период (1917–1991 гг.). Первыми проявлениями упадка в вопросах воспитания военнослужащих армии Российской империи явились довольно низкое морально-психологическое состояние значительной части личного состава в ходе боевых действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. [5], а также участие военнослужащих ряда воинских частей и кораблей в революционных выступлениях 1905–1907 гг. в России на стороне антиправительственных сил. Реальные изменения в подходах к воспитанию военнослужащих начались только после поражения в этой войне и волнений в войсках, вызванных революционными событиями, но времени для их практического осуществления уже не оставалось. Военные неудачи России на фронтах Первой мировой войны в 1914–1916 гг. усугубили этот кризис.

Система воспитания командирской воли у будущих офицеров, зародившаяся и развивавшаяся в Российской империи до 1917 г., заключала в себе основы традиций и национальных особенностей, преемственность в развитии нравственных ценностей. Однако имели место и значительные недостатки. До 1917 г. в русской армии не существовало системы воспитания в ее современном виде, как не было и подразделений,



непосредственно предназначенных для ее полноценного функционирования. Кафедры и факультетов военной педагогики и психологии в военных учебных заведениях еще не существовало.

Первые структуры политической воспитательной работы с военнослужащими в Вооруженных Силах России были созданы в августе 1917 г. Временным правительством. В 1925 г. Военно-педагогический институт имени Н. Г. Толмачева был преобразован в Военно-политическую академию. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уделялось повышенное внимание вопросам укрепления политических органов. В течение всего советского периода политическое и военное руководство страны средствами политического воздействия в целом обеспечивало достаточно высокий моральный дух личного состава. Основу воспитания командирской воли у будущих офицеров составляли идеи построения коммунизма, что являлось одной из главных составляющих системы военно-патриотического воспитания.

В соответствии с требованиями Устава внутренней службы Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик ответственность за организацию и проведение воспитательной работы, состояние воинской дисциплины и политико-моральное состояние личного состава возлагалась на командира [6].

Новый подъем теории и практики военного воспитания начался с создания в 1959 г. в Военной Педагогической Академии имени В. И. Ленина кафедры военной педагогики и психологии (начальник кафедры майор А. В. Барабанщиков), ставшей с самого начала центром военно-педагогических исследований в государстве и его Вооруженных Силах.

Подводя итог рассмотрению третьего исторического периода развития системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов, следует особо обратить внимание на то, что по временным рамкам он совпадает с существованием Советского Союза. В то время в обществе и в государстве идеологической основой являлись идеи марксизма-ленинизма. Советское правительство стремилось к приближению коммунистического будущего. Офицеры того периода обладали высоким боевым духом, силой воли, организаторскими способностями и другими положительными качествами. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила глубокий отпечаток на всех сферах жизнедеятельности. Военнослужащие Советской армии

с честью и достоинством одержали победу над врагом. Именно в советский период были созданы кафедры военной педагогики и психологии, а также специальные программы по воспитанию курсантов военных вузов.

Четвертый период (1991–2020 гг.). К 1991 г. общественно-политическая и социально-экономическая обстановка в СССР полностью изменилась. Иными стали и требования, предъявляемые к военнослужащим, в особенности к офицерам. Господствовавший длительное время марксистский подход сменился на гуманистический. После августовских событий 1991 г. было принято принципиальное решение о полной департизации Вооруженных Сил и упразднения в них военно-политических органов. Многие из офицеров, проходивших военную службу в советский период, после 1991 г. досрочно уволились, поскольку не смогли адаптироваться к новым требованиям на фоне происходивших преобразований как в общегосударственной, так и в военной сферах. Нельзя не отметить тот факт, что денежное довольствие военнослужащих в 90-е гг. XX в. в разы было меньше, чем в 80-е гг. того же века, что также повлияло на высокий процент досрочно уволенных с военной службы офицеров. Сократилось и число военных институтов. Военные учебные заведения, находившиеся в период СССР на территориях бывших советских республик, после 1991 г. оказались на территориях других государств. Данные факты безусловно оказали негативное влияние на воспитание военнослужащих в военных институтах. Военные преступления и неуставные взаимоотношения между военнослужащими преобладали в 90-е гг. XX в. как в военных училищах, так и в воинских частях.

Однако несмотря на все негативные обстоятельства и финансовые трудности, программы воспитания военнослужащих в военных институтах были разработаны, и мероприятия по укреплению воинской дисциплины и правопорядка проводились и постоянно совершенствовались. 1 ноября 1991 г. были созданы органы по работе с личным составом.

Преобразования в системе воспитания военнослужащих проходили сложно, что объяснялось как трудностями переходного периода и снизившимися экономическими возможностями государства, так и внутривнутриполитическими проблемами в стране [7].

Воспитание командирской воли у будущих офицеров проводилось в военных институтах в рамках занятий по методике морально-психоло-



гического обеспечения, занятий по физической подготовке и других мероприятий. По отдельным вопросам, касающимся воспитания, использовался опыт западноевропейских стран.

Таким образом, в 90-е гг. XX в. командование военных институтов уделяло достаточное внимание вопросам воспитания военно-профессиональных качеств у будущих офицеров, но в связи с недавним распадом СССР и изменением политической идеологии в государстве, существенные изменения произошли и в военных вузах. Осуществлялся сложнейший переход от идей построения коммунизма к формированию капиталистического государства. Потребовалось немало времени для того, чтобы система воспитания командирской воли у будущих офицеров во многих вопросах стала более усовершенствованной. Четвертый исторический период завершился в 2020 г., поскольку возникли соответствующие предпосылки.

Пятый период (2020 г. – настоящее время). В 2020 г. в Российской Федерации произошли серьезные изменения. Пандемия коронавируса (COVID-19) оказала серьезнейшее влияние как на экономическую и политическую сферы, так и на подходы к военному образованию и воспитанию. Экономические санкции «коллективного Запада» по отношению к Российской Федерации еще сильнее усугубили и без того тяжелую обстановку во всех сферах государственной деятельности. Ввиду этих событий происходит серьезное переосмысление гражданами государства своих позиций по многим вопросам. Возрастает интерес к истории Российского государства, его самобытности, традициям, нравственным ценностям. Воспитание военнослужащих (а курсантов военных институтов особенно) приобретает патриотическую направленность. Воспитание командирской воли у будущих офицеров занимает одно из центральных мест. Данные предпосылки способствовали изданию Указа Президента Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» по вопросам воспитания обучающихся», который ориентирован на «создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей», «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданской ответственности». Соответственно в данном направлении развивается и система воспитания командирской воли у курсантов военных вузов [8, с. 2].

После 2020 г. наибольшую актуальность приобретают такие компоненты системы воспитания командирской воли, как формирование гражданской ответственности; становление профессиональной этики и дисциплины; освоение ценностных установок, соблюдение будущими офицерами этических принципов.

Начиная с 2020 г., ряд ученых исследуют проблему, связанную с разработкой новых методик, программ воспитания командирской воли у будущих офицеров.

Заключение

Рассмотрены пять исторических этапов становления и развития системы воспитания командирской воли у курсантов военных вузов, имеющих свои особенности. Исторические события каждого периода оказывали существенное влияние на воспитательную систему военнослужащих, в том числе на вопросы воспитания командирской воли у будущих офицеров.

Список литературы

1. Богатырев В. Н., Бусловский В. Н., Вакулов В. Е., Ефимов Н. Ю., Корякин В. М., Колясников А. И., Макаров В. А., Нуждин Ю. Ф., Певень Л. В. Воспитательная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации : учебное пособие для слушателей и курсантов военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации / под общ. ред. Н. И. Резника. М. : ГУВР ВС РФ, 2005. 344 с.
2. О долге и чести воинской в российской армии : сборник материалов, документов и статей / авт.-сост.: Ю. А. Галушко, А. А. Колесников ; под ред. В. Н. Лобова. 2-е изд. М. : Воениздат, 1991. 364 с.
3. Учебник тактики : сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856–1880 гг. / авт.-сост. М. И. Драгомиров ; под ред. М. И. Драгомирова. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1881. 496 с.
4. Драгомиров М. И. Избранные труды : вопросы воспитания и обучения войск / под ред. Л. Г. Бескровного. М. : Воениздат, 1956. 687 с.
5. Пять недель в отряде генерала Мищенко : воспоминания участника Д. И. Аничкова. СПб. : Военное книгоиздательство В. К. Шнеур, 1907. 60 с.
6. Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. М. : Военное издательство, 1977. 478 с.
7. Ракитов А. И. Философские проблемы науки: системный подход. М. : Мысль, 1997. 270 с.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. М. : АСТ, 2020. 6 с.



References

1. Bogatyrev V. N., Buslovskiy V. N., Vakulov V. E., Efimov N. Yu., Koryakin V. M., Kolyasnikov A. I., Markarov V. A., Nuzhdin Yu. F., Peven' L. V. *Vospitatel'naya rabota v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii* [Reznik N. I., ans. ed. Educational work in the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, MDEW AF RF Publ., 2005. 344 p. (in Russian).
2. *O dolge i chesti voinskoj v rossijskoj armii* [Galushko Yu. A., Kolesnikov A. A., author-comp.; Lobov V. N., ed. On the duty and honor of military service in the Russian Army: Collection of materials, documents and articles]. Moscow, Voenizdat, 1991. 364 p. (in Russian).
3. *Uchebnik taktiki: sbornik original'nykh i perevodnykh statej M. Dragomirova 1856–1880 gg.* [Dragomirov M. I., author-comp.; Dragomirov M. I., ed. Textbook of Tactics: Collection of Original and Translated Articles by M. Dragomirov 1856–1880]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 1881. 496 p. (in Russian).
4. Dragomirov M. I. *Izbrannye trudy: voprosy vospitaniya i obucheniya voysk* [Beskrovnyy L. G., ed. Selected Works: Issues of Education and Training of Troops]. Moscow, Voenizdat, 1956. 687 p. (in Russian).
5. *Pyat' nedel' v otryade generala Mishchenko: vospominaniya uchastnika D. I. Anichkova* [Five Weeks in the Detachment of General Mishchenko: Memoirs of the Participant D. I. Anichkov]. St. Petersburg, Voennoe knigoizdatel'stvo V. K. Shneur, 1907. 60 p. (in Russian).
6. *Obshchevoinskie ustavy Vooruzhennykh Sil SSSR* [General Military Regulations of the Armed Forces of the USSR]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 1977. 478 p. (in Russian).
7. Rakitov A. I. *Filosofskie problemy nauki: sistemnyy podkhod* [Philosophical Problems of Science: A Systematic Approach]. Moscow, Mysl', 1997. 270 p. (in Russian).
8. *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» po voprosam vospitaniya obuchayushchikhsya: Federal'nyy zakon RF ot 31 iyulya 2020 goda № 304-FZ* [On amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the education of students: Federal Law of the Russian Federation dated July 31, 2020, no. 304-FZ]. Moscow, AST, 2020. 6 p. (in Russian).

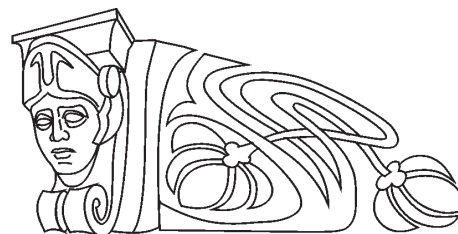
Поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 02.05.2024



Научная статья

УДК 378.016:811.1/.8

О роли речевых образцов в обучении профессионально ориентированному иностранному языку



Д. К. Воронина

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), Россия, 603002, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

Воронина Дарья Константиновна, преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Аннотация. Во *введении* констатируется противоречие между малым количеством учебных часов на освоение непрофильной дисциплины «Иностранный язык» студентов нелингвистических направлений подготовки и требованиями ведущих подходов к обучению иностранным языкам (компетентностного, коммуникативного) формировать готовность и способность к подлинной коммуникативной деятельности средствами изучаемого языка. *Теоретический анализ* посвящен обоснованию принципа обучения на речевых образцах в качестве ведущего методического принципа обучения иностранному языку студентов нелингвистических профилей подготовки. Для *эмпирического анализа* автор экстраполирует методику интенсивного обучения научной школы Г. А. Китайгородской для этапизации учебных действий при формировании профильно-ориентированных речевых навыков и коммуникативных умений в ходе овладения речевыми образцами предметной области. Описание этапов сопровождается примерами конкретных формулировок учебных заданий и описанием видов иноязычной учебной деятельности. В *заключении* содержатся выводы, свидетельствующие о целесообразности построения процесса профессионально ориентированного обучения иностранному языку на речевых образцах предметной области, что позволяет решать проблему ограниченности учебных часов по дисциплине «Иностранный язык» на неязыковых направлениях подготовки, а также способствует минимизации языкового материала при сохранении его коммуникативных функций.

Ключевые слова: речевые образцы, автоматизация речевых действий, обучение на речевых образцах, интенсивное обучение иностранному языку, профессионально ориентированное обучение иностранному языку, проблемы методики обучения иностранным языкам

Для цитирования: Воронина Д. К. О роли речевых образцов в обучении профессионально ориентированному иностранному языку // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 225–229. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-225-229>, EDN: NKYINIK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of speech patterns in professional oriented foreign language teaching

D. K. Voronina

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Minin University), 1 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603002, Russia

Daria K. Voronina, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Abstract. The *introduction* highlights a contradiction between a small number of training hours on non-major subject «Foreign language» and the requirements of leading approaches in education (competence-based, communicative) – the ability of non-linguistic students to use the foreign language in professional-oriented communication. The *theoretical analysis* is devoted to substantiating speech patterns teaching principle as the leading methodological path in professionally-oriented foreign language teaching. For *empirical analysis* the author extrapolates the intensive training methodology of G. A. Kitaygorodskaya for the stages of educational activities while forming speech skills based on subject area speech patterns. The description of the stages is accompanied by examples of specific educational tasks and types of language learning activities. The *conclusion* contains results indicating the value of speech patterns based language teaching for non-linguistic students which allows solving the problem of limited training hours and meet the requirement to minimize the volume of language while saving communicative functions of learners' speech.

Keywords: speech patterns, speech actions automation, speech patterns based teaching, intensive foreign language teaching, professionally-oriented foreign language teaching, problems of foreign language teaching methods



For citation: Voronina D. K. The role of speech patterns in professional oriented foreign language teaching. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 225–229 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-225-229>, EDN: NKYIHK
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Организация профессионально ориентированной иноязычной подготовки в неязыковых вузах обнаруживает некоторые проблемные зоны, связанные как с содержанием обучения, так и методикой его организации на занятиях по иностранному языку. Во-первых, противоречие заключается в ограниченности временного ресурса на освоение общеобразовательной (непрофильной) дисциплины при сохраняющемся требовании формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в составе их профессиональной компетентности. Готовность и способность к иноязычной коммуникации у выпускников лингвистических направлений подготовки должна покрывать коммуникативные нужды их профессиональной сферы. Во-вторых, частный методический принцип минимизации языкового материала для целей профессионально-ориентированного обучения иностранному языку не означает сокращения коммуникативных возможностей обучающихся. Иными словами, в условиях компетентностного подхода методическая наука сталкивается, с одной стороны, с требованием сократить долю знаниевого компонента в содержании обучения, а с другой, соответствовать принципам ведущего методического подхода к обучению иностранным языкам – коммуникативного, что предполагает создание условий для развития подлинно коммуникативных способностей обучающихся. Таким образом, современные условия диктуют, казалось бы, взаимоисключающие требования к лингво-методической науке: сократить удельный вес знаниевого компонента и время на его освоение, но добиться подлинной коммуникативности для выполнения профессиональных обязанностей средствами иностранного языка.

Теоретический анализ

Исследователи проблем организации профессионально ориентированного обучения в лингвистических вузах привлекают внимание коллег-методистов к неэффективности традиционного (аспектного) способа организации профильно-ориентированного лингвистического материала, предполагающего изолированное

рассмотрение терминологической лексики, грамматических конструкций, типичных для конкретных условий профессиональной коммуникации. Отмечаются: 1) значительные временные затраты на овладение языковыми нормами, лексическими единицами *потенциально* значимыми для профессиональной коммуникации; 2) оторванность от реальных условий их употребления, а значит неспособность к переносу сформированных навыков; 3) трудности в одновременном усвоении новых лексических единиц и незнакомых грамматических явлений и, как следствие, одни навыки (чаще всего лексические) развиваются с существенным опережением других (грамматических) навыков [1, 2].

В исследованиях показано, что, даже овладев терминологией предметной области, обучающиеся затрудняются с корректным употреблением введенных лексических единиц в условиях подлинно коммуникативной деятельности. Речь идет о нарушении норм лексической сочетаемости, выборе некорректной словоформы, невозможности оформить мысль в целостное высказывание с грамматической и стилистической точек зрения [2, 3].

Со ссылкой на И. А. Зимнюю, И. В. Рахманова и других О. Г. Горина отмечает: «В повседневной речевой деятельности говорящий значительно чаще использует готовые, неоднократно употреблявшиеся ранее шаблоны, а не генерирует уникальные, беспрецедентные (по лексическому составу или грамматической структуре) фразы» [3, с. 24]. Для методики обучения иностранному языку, взятому в узком, ограниченном профессиональным контекстом смысле, это имеет особенно важное значение. Специальная терминология не существует сама по себе в «стерильном виде». Термины, раскрывающие профильную тематику речевого взаимодействия в устном и письменном виде, существуют в неразрывной связи с грамматикой, образуя характерные для конкретной предметной области речевые конструкты. Такие конструкты обладают смысловой завершенностью и языковой образцовостью. Терминологическое наполнение конструктов, во-первых, отражает гармоничное сочетание лексических единиц, а во-вторых, находится в типичных грамматических условиях своего употребления.



Таким образом, речевые образцы представляют собой определенные лексико-грамматические конструкции, обладающие законченным смыслом («единицы смысла»), и выполняющие определенную функцию в более крупном языковом конструкте – предложении. Два и более речевых образца «склеиваются» в речевое высказывание с помощью средств логической связи и на основе грамматических правил, релевантных данному типу высказывания. Посредством подобной «склейки» фиксированных лексико-грамматических образований значительно увеличивается скорость построения речевых высказываний и беглость речи в целом. По сравнению с традиционным способом, когда, в зависимости от речевого намерения, выбирается подходящая грамматическая модель, затем она наполняется отдельными лексическими единицами, способ построения на основе комбинации готовых речевых образцов имеет еще одно немаловажное преимущество: снимается вопрос лексической несочетаемости и снижается вероятность выбора некорректной грамматической структуры.

Эмпирический анализ

Поясним вышесказанное на конкретном примере. Возьмем фрагмент речевого высказывания из профессионально ориентированного источника информации – инструкции по сборке компонента аппаратного обеспечения: «*uploading data is impossible while charging*».

Обучающиеся нелингвистических направлений часто отличаются тем, что, имея достаточный словарный запас, не способны к правильному оформлению этих слов в законченные высказывания. Они затрудняются с выбором конкретной словоформы, испытывают трудности в словообразовании, игнорируют грамматические законы и правила. Наличие конкретной формы лексической единицы внутри речевого образца «положит на язык» аналогичную форму другой лексической единицы в аналогичных условиях. В рассмотренном примере по аналогии с введенными «*uploading data*» образуются «*downloading data*», «*updating data*», «*reloading data*», «*receiving data*» и им подобные словосочетания, семантизирующие некий процесс, выполняемый с данными. Обучающиеся сначала учатся воспринимать и распознавать функциональное значение герундиальной формы глагола на основе конкретных речевых примеров, а затем при условии регулярности и обильности их поступления постепенно переходят от рецепции к

продукции на основе аналогии с усвоенными речевыми образцами. При этом сознательного введения языкового правила употребления герундиальной формы английских глаголов может не происходить вовсе или упоминаться о нем вскользь, в зависимости от временного ресурса, выделенного для конкретных условий обучения.

Таким образом, часть языкового материала при обучении на речевых образцах усваивается обучающимися подсознательно, без глубокого теоретического осмысления, а сформированные навыки характеризуются в большей степени непроизвольностью, выраженной в интуитивном употреблении (распознавании), чем сознательной опорой на языковые правила. Для студентов лингвистических специальностей подобное было бы недопустимо. Для сжатых временных рамок профильно-ориентированного обучения студентов нелингвистических направлений подготовки это, возможно, необходимая цена, которую придется заплатить за достижение коммуникативных целей иноязычной подготовки. В этом и заключается различие между использующим язык для достижения экстралингвистических целей и профессиональным лингвистом. Первый может позволить себе интуитивное обращение с иностранным языком, сформированное на основе полученного в процессе обучения опыта. Владение языком второго отличается исключительной сознательностью даже при условии хорошо выработанных речевых автоматизмов.

Среди существующих методик обучения иностранным языкам лучше всего данный принцип встраивается в методическую систему интенсивного обучения Г. А. Китайгородской и последователей. Г. А. Китайгородская выделяет три этапа (цикла) при овладении речевым материалом в содержании обучения. Суть первого этапа сводится к презентации и первичному закреплению речевого материала безотносительно анализа языковых единиц в его составе. Действия с фрагментами речевых высказываний выполняются по большей части бессознательно, с привлечением механизма имитации и аналогии. Достигнув высокой степени автоматизированности, они переходят на второй этап. На этом этапе речевые фрагменты раскладываются на составные элементы (единицы языка), анализируются их строй, формообразование, функции в речи. Таким образом, формируемые на основе речевых образцов навыки приобретают качество сознательности. Основная задача этого этапа, пишет автор, дать возможность обучающимся осознать, осмыслить те языковые явления, которыми они



уже овладели интуитивно [4]. На третьем этапе обучающиеся комбинируют освоенные речевые образцы с навыками, сформированными ранее, выводят их в подлинную коммуникативную деятельность.

Вот как характеризует эту поэтапность сама Г. А. Китайгородская: «Модель овладения иноязычной деятельностью в интенсивном обучении предполагает движение от актов деятельности <...> через вычленение и осмысление языковой структуры <...> снова к актам деятельности, но уже другого уровня. Эту модель мы схематично означили как речь₁, – язык –речь₂ или синтез₁, – анализ – синтез₂» [4, с.19].

Такая трехуровневая модель подразумевает аккумуляцию большого числа речевых образцов на первом этапе, так называемое «коммуникативное ядро», с помощью которого решаются простейшие коммуникативные задачи с самого первого занятия. Причем, речь не идет о традиционном чтении текстов, заполнении пропусков, раскрытии скобок и других языковых упражнений, вносящих вклад в потенциальное использование иностранного языка в профессиональном контексте. Говорится о решении *экстралингвистических* задач, соответствующих предметной области обучающихся. Так, студентам ИТ направлений подготовки с первого занятия предлагаются задачи на анализ и обсуждение способов устранения неполадок в работе аппаратной части или нахождение ошибок в программном коде. Обучающимся предоставляется речевой материал, репрезентующий языковые модели и конкретные речевые образцы, необходимые для решения профессиональной задачи. Студенты вычленяют соответствующее содержание и используют его для решения задач первого уровня, не требующих видоизменений речевых образцов и предполагающих высказывания в тезисной форме. Для этих целей могут применяться следующие виды деятельности: компрессии развернутых текстов до пошаговых алгоритмов, инструкций, нумерованных списков действий; представление сплошных текстов в графической форме (инфографика, ментальные карты, логические таблицы и т.п.); микро-диалоги, подразумевающие вопросы (ответы), непосредственно состоящие из речевого материала первичных текстов. Освоение речевых образцов происходит в условиях нужды, осознанной необходимости в них для решения профессиональной задачи. Таким образом достигается высокий уровень мотивации обучающихся к освоению непрофильной дисциплины.

Второй этап предполагает умение наблюдать за речевым поведением других людей, речь которых служила способом репрезентации нужных речевых образцов. На основе наблюдения индуктивно выводятся языковые закономерности, правила организации внутри конкретной языковой модели. Могут составляться алгоритмы, схемы, формулы, т.е. то, что позволит в дальнейшем не просто имитировать, но и трансформировать, видоизменять речевые образцы согласно изменяющимся условиям задачи на следующем третьем этапе. Индуктивное рассмотрение языковых закономерностей, как правило, сопровождается обращением к средствам лингвистической помощи (справочникам, учебным пособиям, грамматическим памяткам и т.д.) для верификации выдвинутых предположений. Е. И. Балакирева, Е. Г. Евдокимова, Н. Ю. Курчатова подчеркивают, что способность наблюдать, выдвигать гипотезу, находить ей подтверждение или опровержение, самостоятельно конструировать новое знание – важные и комплексные умения в составе профессиональной компетентности выпускника любого направления подготовки, а значит имеют статус межпредметных, обязательных для освоения на всех дисциплинах в высшей школе [5]. Стратегия обучения на основе «открытий нового знания» представлена в исследовании Е. А. Александровой с учениками [6].

Последний этап подразумевает осознанное употребление речевых образцов в видоизменной форме и изменяющихся условиях. Так, например, меняются типы предложения (утвердительные, отрицательные, вопросительные), видоизменяются формы внутри образцов, образцы наполняются новыми смыслами на основе ранее усвоенных лексических единиц, которые логично сочетаются с вновь введенными речевыми образцами. Усложняются и решаемые *экстралингвистические* задачи. На смену тезисной или графической форме представления продуктов речевой деятельности приходят комплексные виды учебной деятельности. Например, на основе тезисной инструкции, составленной обучающимися на первом этапе, драматизируются диалоги с запросом информации от пользователя и инструктажем от специалиста технической поддержки. Присвоенные речевые образцы комбинируются с ранее усвоенными речевыми образцами (комбинирование двух и более профильно-предметных тем), а также с социокультурными средствами ведения подобного рода коммуникации.



Заключение

Обучение на речевых образцах предметной области видится одним из ведущих методических принципов обучения профильно-ориентированному иностранному языку по следующим причинам: 1) речевые образцы репрезентуют законченные смыслы профессиональной коммуникации в единстве лексической сочетаемости, грамматической корректности и коммуникативной функции, которой они служат; 2) речевые образцы, построенные на основе одной и той же языковой модели, позволяют обучающимся наблюдать, анализировать и выводить закономерности использования изучаемого языка в схожих условиях, а значит являются эталоном для построения бесчисленного множества аналогичных высказываний при варьировании условий решаемой экстралингвистической задачи; 3) обучение речевым образцам, а не отдельным языковым элементам профессиональной коммуникации позволяет экономнее и продуктивнее использовать учебные часы, отведенные на иноязычную подготовку в неязыковых вузах; 4) трехуровневая модель интенсивного обучения представляет собой методическую основу организации учебных действий при формировании навыков и умений на основе речевых образцов предметной области обучающихся.

Список литературы

1. Каракозова Е. Н., Шамов А. Н. Иноязычная информационная деятельность студента технического вуза // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 1. С. 4. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-4>
2. Мельников М. В. Формирование речевой компетентности будущих инженеров в процессе обучения английскому языку с использованием психолингвистических формул: на примере технического вуза : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 329 с.
3. Горина О. Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков в профессионально-ориентированном общении на английском языке : дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 321 с.
4. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам : учебное пособие. М. : Высшая школа, 1986. 103 с.
5. Балакирева Е. И., Евдокимова Е. Г., Курчатова Н. Ю. Развивающий потенциал организации исследовательской работы магистрантов: опыт системной рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 454–458. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-454-458>
6. Александрова Е. А., Аттиа М. Р., Ахметов С. И. Классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 329–333. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>

References

1. Karakozova E. N., Shamov A. N. Foreign language information activity of a technical university student. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2023, vol. 11, no. 1, pp. 4 (in Russian). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-4>
2. Mel'nikov M. V. *Engineering Students Speech Competence Formation in the English Language Classes Based on Psycholinguistic Formulas: In a Technical Educational Institution Example*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Ul'yanovsk, 2011. 321 p. (in Russian).
3. Gorina O. G. *Korpus linguistic technology use for lexical skills formation in professionally-oriented English teaching*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2014. 329 p. (in Russian).
4. Kitaygorodskaya G. A. *Metodika intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam* [The Methodology of Intensive Foreign Language Teaching]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986. 103 p. (in Russian).
5. Balakireva E. I., Evdokimova E. G., Kurchatova N. Yu. Developing potential of undergraduates' research work organization: Experience of systemic reflection. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-454-458>
6. Aleksandrova E. A., Attia M. R., Akhmetov S. I. Classification of electronic interaction strategies in web-learning. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 329–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>

Поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 230–235

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 230–235

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-230-235>

EDN: MZTXYM

Научная статья

УДК [811.111:34]:378.018.46

CLIL-подход в обучении ESP практикующих юристов в рамках реализации курса повышения квалификации (опыт Финуниверситета)



А. Л. Морозова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

Морозова Анна Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, llg04@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2809-1130>

Аннотация. Введение. Сегодня перед вузами стоит задача налаживания взаимодействия с бизнесом, в том числе в области создания языковых курсов повышения квалификации в рамках трансфера образовательных технологий. В статье представлен уникальный опыт разработки авторских языковых курсов повышения квалификации «Английский язык для юристов» (Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, 2023 г.). **Теоретический анализ.** Проведение сравнительного анализа по проблеме позволило сделать вывод об обоснованности обращения к CLIL-подходу в обучении ESP практикующих юристов посредством инструментария онлайн педагогике. Уникальность данного курса заключалась в клиентоориентированности образовательного трека. **Эмпирический анализ.** Рассмотрение проблемы применения CLIL-подхода позволило выявить эффективность применения отобранных методов: коммуникативный, кейс, перевернутый класс, развитие критического мышления и пр. в области обучения ESP. **Заключение.** Применение CLIL-подхода в обучении ESP практикующих юристов является эффективным и обоснованным в части совершенствования уровня владения языком, а подобные курсы позволяют увидеть тенденции на рынке труда и внести соответствующие коррективы в образовательные треки вузов.

Ключевые слова: языковые курсы повышения квалификации, английский язык специальности, юридический английский, предметно-интегрированный подход, методы обучения, онлайн педагогика, содержание образования

Для цитирования: Морозова А. Л. CLIL-подход в обучении ESP практикующих юристов в рамках реализации курса повышения квалификации (опыт Финуниверситета) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 230–235. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-230-235>, EDN: MZTXYM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

CLIL-approach to ESP training of practicing lawyers as part of the implementation of advanced training courses (experience of Financial University)

A. L. Morozova

Financial university under the government of the Russian Federation, 49/2 Leningradskiy Prospekt, Moscow 125167, Russia

Anna L. Morozova, llg04@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2809-1130>

Abstract. Introduction. Today, universities face the task of establishing cooperation with business, including in the field of creating language courses for advanced training within the framework of the transfer of educational technologies. The author presents a unique experience in the development of language training courses “English for lawyers” (Financial University under the Government of the Russian Federation, 2023). **Theoretical analysis.** Conducting the comparative analysis of the problem allowed the author to conclude that the appeal to the CLIL-approach in ESP teaching through the tools of online pedagogy is justified. The client-oriented educational track constituted the uniqueness of this course. **Empirical analysis.** Consideration of the problem of using the CLIL-approach allowed us to identify the effectiveness of the selected methods: communicative, case study, inverted classroom, development of critical thinking, etc. in the field of ESP teaching. **Conclusion.** The use of the CLIL-approach in the ESP training of practicing lawyers is effective and justified in terms of language proficiency development. Such courses allow one to see trends in the labor market and make appropriate adjustments to the educational tracks of universities.

Keywords: advanced training courses, ESP, Legalese, CLIL-approach, teaching methods, online pedagogy, educational content

For citation: Morozova A. L. CLIL-approach to ESP training of practicing lawyers as part of the implementation of advanced training courses (experience of Financial University). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 230–235 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-230-235>, EDN: MZTXYM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Общеизвестно, что любой сотрудник, вовлеченный в профессиональную деятельность, обязан регулярно повышать свою квалификацию. В настоящей статье представлен опыт реализации авторских языковых курсов повышения квалификации «Английский язык для юристов» на базе университета. Уточним, что, несмотря на наблюдаемые изменения в обществе и рынке труда, владение английским языком по-прежнему остается востребованным профессиональным навыком современного юриста, особенно практикующего международное право, когда язык является составной частью его трудовой деятельности [1]. Осознавая актуальность поддержания и совершенствования уровня владения языком практикующими юристами-международниками, в частности юридическим английским, Центр инновационных образовательных и языковых стратегий (далее – ЦИОиЯС) Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ весной 2023 г. разработал и провел по просьбе одного адвокатского бюро (г. Москва) языковые курсы повышения квалификации «Английский язык для юристов» (90 ч), который будет отвечать именно их запросам в области развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции практикующего юриста-международника.

Данное сотрудничество видится весьма перспективным и интересным с точки зрения трансфера образовательных технологий и развития инновационных форм взаимодействия института с бизнесом [2]. Автор разделяет позицию законодателя, согласно которой наличие подобного взаимодействия с бизнесом делает современные вузы конкурентноспособными, позволяет привлекать практикующих работников к конструированию как компетентностной модели выпускника при разработке образовательной программы, так и к верификации содержания образования. Более того, подобного рода взаимодействие признается важным критерием при прохождении аккредитации образовательных программ вуза.

Обозначенное определяет поиск и разработку институтами актуальных образовательных предложений для бизнеса с применением современных подходов к обучению. В частности, здесь речь пойдет о возможностях применения

CLIL-подхода (предметно-интегрированного подхода) в обучении английскому языку специальности (Legal English в рамках ESP) практикующих юристов-международников в рамках данных курсов. Уточним, что в последнее время в педагогике и дидактике профессионального образования в целом акцент очевидно сместился с теоретической на сугубо практическую направленность всего процесса обучения. Это актуализирует приобретение слушателями курсов практико-ориентированных знаний и умений, что во многом определило обращение к CLIL-подходу при разработке образовательного трека обозначенного курса.

Итак, целью предлагаемого исследования признается изучение возможностей применения CLIL-подхода на примере разработки и реализации авторских языковых курсов повышения квалификации «Английский язык для юристов».

Теоретический анализ

Принимая во внимание социально-экономические реалии и вызовы нашего времени, а также тенденции в области профессионального образования и повышения квалификации, при конструировании образовательного трека описываемых курсов повышения квалификации автор счел целесообразным обращение к CLIL-подходу в обучении юридическому английскому слушателей (Legal English в рамках ESP / английский для специальных целей), ибо обозначенное, как справедливо полагают О. М. Замятина, А. В. Кудряшова, Т. В. Сидоренко [3], Д. С. Холина [4] и др., коррелирует с современными направлениями развития обучения языку специальности профессионалов на международном уровне. Напомним, что в издании «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» достаточно четко выделяется английский язык специальности (ESP – English for specific purposes) и верифицируются требования к уровням его владения. Разделяя позицию Д. Койла, Д. Марша [5], Д. Мадхавана, Дж. МакДональда [6] и ряда отечественных исследователей в заданной области, например А. В. Данилова, Л. Л. Салеховой [7], мы убеждены в том, что обучение ESP практикующих международное право юристов обуславливает обращение к CLIL-подходу, когда язык является одновременно средством, целью и предметом изучения.

Научная новизна настоящего исследования заключается в расширении границ применения



CLIL-подхода до уровня обучения ESP практикующих юристов в рамках реализации онлайн языковых курсов повышения квалификации без отрыва от производства, так как традиционно данный подход применяется при обучении студентов бакалавриата или магистратуры. Более того, анализ источниковой базы по проблеме показал, что использование данного подхода позволяет, среди прочего, расставить акценты на преобладание самостоятельных проблемно-поисковых и проектных видов деятельности слушателей с разной степенью учебной автономии за счет чего происходит реализация профессионально ориентированных задач средствами языка.

Практическая значимость исследования состоит в разработке, апробации и внедрении авторского клиентоориентированного языкового курса повышения квалификации, включающего программу обучения и авторские методические разработки для слушателей, направленные на развитие их иноязычной коммуникативной компетентности с опорой на CLIL-подход.

Анализ литературы по проблеме повышения квалификации практикующих специалистов без отрыва от производства убедительно свидетельствует о том, что в ходе построения программы курсов важным представляется оставаться максимально клиентоориентированными [8–10]. Поэтому перед конструированием содержания образовательного трека настоящего курса был проведен ряд бесед с заказчиком с целью верификации его образовательного запроса и ожиданий.

Реализация курса продиктовала обращение к инструментам онлайн педагогики и применение информационных технологий (Telegram и Zoom), что видится достаточно оптимальным и эффективным в заданных условиях. Вопросы дифференциации онлайн образования и его безопасности подняли Т. А. Прищепа [10] и другие ученые, при этом практические аспекты онлайн педагогики были достаточно скрупулезно раскрыты Е. А. Александровой [11], И. М. Дегиль, Т. А. Костюковой [12] и др.

Эмпирический анализ

Настоящее исследование проводилось с мая по октябрь 2023 г. на базе ЦИОиЯС Финансового университета при Правительстве РФ, когда на онлайн курсе «Английский язык для юристов» обучались 6 слушателей. В ходе верификации выборочной совокупности участников этого

исследования разработчиками курса учитывался исходный уровень владения юридическим и общим английским, который оказался на $B_2 - C_1$ уровнях, что считаем методически корректным на первоначальном этапе изучения языка специальности. Укажем, что сбор эмпирических данных по обозначенной теме включал проведение и анализ следующих работ: опрос, презентации, беседа и пр. При проведении экспертной оценки проводимой автором работы, в том числе программы и разрабатываемых учебно-методических материалов, привлекались специалисты в данной области (сотрудники Департамента).

Обозначенное обусловило не только обращение к CLIL-подходу, но и к ряду взаимодополняющих методов обучения, в частности коммуникативному методу, методу кейса, перевернутому классу, критическому мышлению и т. д., нацеленным на совершенствования языковых навыков слушателей.

Следующий вопрос, который стоял перед разработчиком курсов – верификация содержания образовательного трека, осуществлявшаяся с учетом образовательных запросов слушателей, поэтому в трек были включены такие темы, как договор в рамках общего и международного права, договор аренды, интеллектуальное право, договор займа, договор купли-продажи и поставки, арбитраж и пр. Здесь автор опирался на материалы из аутентичных учебников по юридическому английскому, а также правовых сайтов и газет, архивов судов и авторские разработки.

Далее видится логичным вкратце проиллюстрировать применение обозначенных методов обучения на примере описания хода занятия, посвященного интеллектуальному праву, когда проводилась работа с реальными кейсами СИПов (суды по интеллектуальным правам) из мировой практики небольшая деловая игра с целью оказания юридической консультации по вопросам авторского права. Отметим, что отдельные слушатели практикуют данное право, поэтому они обратились с просьбой остановиться подробнее на этой теме и детальнее рассмотреть международную судебную практику по обозначенному вопросу. Опора на идеи CLIL-подхода диктует обращение к анализу судебной практики СИПов на основе кейс-метода, поддерживаемого положениями метода перевернутого класса, когда слушателям было предложено заранее изучить содержание



и лексику ряда кейсов (The Holy Blood & The Holy Grail v The Da Vinci Code (2006), The battle of the dolls: Barbie v Bratz (2008)).

В начале занятия происходило погружение в тему в ходе обсуждения общих вопросов и самостоятельно изученных кейсов. Интерпретация профессиональных дефиниций посредством обращения к общему английскому языку признается важной профессиональной функцией любого юриста, осуществляющего сопровождение или вовлеченного в консультативную деятельность.

На основном этапе занятия проводилась работа с этими кейсами с опорой на кейс-метод, когда они обсуждались по IRAC системе и составляли Case brief. Уточним, что IRAC система широко используется в мировой судебной практике при анализе кейсов как источников права, поэтому автор считает логичным обращение к ней. Более того, слушателям были предложены соответствующие клише с целью снятия возможных языковых трудностей и отработки искомых языковых навыков. Методическая ценность данного кейс-метода с одновременным обращением к системе IRAC и Case brief заключается как в возможности визуализировать сам кейс, так и в кодировании (тезисное представление кейса) и декодировании (обсуждение деталей кейса) информации.

Особый интерес у обучающихся, как показала практика реализации данных языковых курсов, вызывает этап сравнения решения суда с идеями слушателей, обычно тут возникают дебаты, так как последние, будучи практикующими юристами-международниками, не могут не сравнивать общее и гражданское право.

На итоговой аттестации слушатели смогли представить презентации по интересующим правовым темам, в частности “Past, Sufficient & Adequate Consideration”, “Fanta v Fantola case” и пр. Необходимо отметить, что выбранные темы коррелировали не только с образовательным треком, но и отраслями права, которые практикуют слушатели. К сожалению, по причине ограниченности объема данной публикации невозможно подробно представить результаты опытно-экспериментального исследования, поэтому предлагаемое исследование изначально нацелено на изучение возможностей практического применения CLIL-подхода на примере разработки настоящих курсов. Отметим, что все слушатели успешно справились с итоговой аттестацией, оцениваемой по утвержденным

критериям Финансового университета при Правительстве РФ, что позволяет сделать вывод об успешности проделанной работы. В ходе проведения беседы слушатели признали, что по итогам прохождения курсов у них повысился уровень владения ESP в рамках изучаемых тем, расширился лексический запас, развились навыки языковой медиации, произошло совершенствование грамматических навыков (профессиональный аспект) и пр. Также опрос подтвердил 100%-ную удовлетворенность образовательным треком и выбранным подходом и методами обучения. Слушатели подчеркнули важность наличия перманентной обратной связи через созданный телеграмм-чат, где выкладывались все материалы по курсу, что давало возможность проработать их дополнительно в случае необходимости. Обращение к материалам судебной практики при изучении заявленных треков, судя по отзывам, полученным в беседе, было особо ценно для слушателей, так же как анализ и изучение настоящих договоров, развитие навыков двустороннего перевода и пр.

Заключение

Практика реализации онлайн языковых курсов повышения квалификации «Английский язык для юристов» на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации показала, что применение CLIL-подхода является возможным, обоснованным и достаточно эффективным в обучении английскому языку специальности не только студентов бакалавриата или магистратуры, но и практикующих юристов-международников в рамках реализации клиентоориентированного курса повышения квалификации. Обращение к потенциалу CLIL-подхода способствовало совершенствованию языковой компетенции слушателей с учетом специфики их трудовых функций (консультация, медиация, анализ судебной практики, составление договоров и др.), так как все успешно справились с итоговой аттестацией. К конкурентным преимуществам настоящих авторских курсов можно отнести клиентоориентированность и практико-ориентированность разработанного автором образовательного трека.

Наконец, применение CLIL-подхода в обучении ESP практикующих юристов в рамках реализации курса повышения квалификации позволило не только осуществить трансфер



образовательных технологий, но и увидеть реальные тенденции на рынке труда, а в перспективе и внести соответствующие коррективы в образовательные треки программ бакалавриата и магистратуры университета по соответствующему направлению подготовки, что будет способствовать, среди прочего, развитию конкурентоспособности вуза.

Потенциальный вклад, который обозначенный подход может внести в теорию педагогики и современных подходов к заявленной проблеме (по сравнению с традиционным обучением), обусловлен наличием профессиональной и практической составляющих, а также достаточно высокой степенью как аутентичности, так и интерактивности, вовлеченности в образовательный процесс слушателей, что способствует повышению заинтересованности в изучении ESP практикующими профессионалами в рамках курсов повышения квалификации.

Список литературы

1. Чумакова Е. В. Взаимодействие вузов и работодателей: направления сотрудничества и проблемы развития // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 3. С. 260–268.
2. Шевелев Н. Н. Стратегическое партнерство вуза и предприятий – основа инновационного развития экономики // Высшее образование в России. 2013. № 11. С. 50–54.
3. Сидоренко Т. В., Замятина О. М., Кудряшова А. В. Анализ эффективности интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL) в российском университете // Язык и культура. 2021. № 54. С. 299–317. <https://doi.org/10.17223/19996195/54/17>
4. Холина Д. С. Сравнительный анализ технологий билингвального обучения: CLIL, EMI, ESP, EAP, WAC, CBI // Scientific cooperation center “Interactive plus”. 2019. № 5. С. 45–57.
5. Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and language integrated learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 170 p.
6. Madhavan D., MacDonald J. English as a medium instruction (EMI): philosophies and policies. Paris, OECD, 2014. 78 p.
7. Салехова Л. Л., Данилов А. В. CLIL-интегрированное предметно-языковое обучение: концептуальная идея, преимущества, модели // Казанская наука. 2015. № 12. С. 226–229.
8. Рябова Т. В., Хабибрахманова О. А. Повышение квалификации преподавателей социально-гуманитарных дисциплин в казанском государственном медицинском университете // Управление устойчивым развитием. 2023. № 2 (45). С. 102–106.

9. Закиева Р. Р. Анализ подходов оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования за рубежом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 451–455. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-451-455>
10. Прищепина Т. А. Возможности контекстного обучения для разработки заданий в информационно-образовательных средах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (173). С. 74–78.
11. Александрова Е. А. Форматы педагогического сопровождения в цифровой образовательной среде // Сибирский педагогический журнал. 2022. № 2. С. 30–43. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.2202.03>
12. Дегиль И. М., Костюкова Т. А. Реализация конструктивистского подхода к обучению в проекте «Франкофонный мир» в виртуальной обучающей среде MOODLE // Лучшие практики электронного обучения: материалы II методической конференции (г. Томск, 26–27 мая 2016 г.). Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 101–104.

References

1. Chumakova E. V. Interaction of universities and employers: areas of cooperation and development problems. *Vestnik TvGU. Seriya: E`konomika i upravlenie* [Herald of Tver State University. Series: Economics and Management], 2014, no. 3, pp. 260–268 (in Russian).
2. Shevelev N. N. Strategic partnership of the university and enterprises – the basis of innovative economic development. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2013, no. 11, pp. 50–54 (in Russian).
3. Sidorenko T. V., Zamyatina O. M., Kudryashova A. V. Analysis of the effectiveness of the integrated subject-language approach (CLIL) at the Russian University. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], 2021, no. 54, pp. 299–317. <https://doi.org/10.17223/19996195/54/17> (in Russian).
4. Kholina D. S. Comparative analysis of bilingual learning technologies: CLIL, EMI, ESP, EAP, WAC, CBI. *Scientific cooperation center “Interactive plus”*, 2019, no. 5, pp. 45–57 (in Russian).
5. Coyle D., Hood P., Marsh D. *CLIL: Content and language integrated learning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 170 p.
6. Madhavan D., MacDonald J. *English as a medium instruction (EMI): Philosophies and policies*. Paris, OECD, 2014. 78 p.
7. Salekhova L. L., Danilov A. V. CLIL-integrated subject-language learning: Conceptual idea, advantages, models. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2015, no. 12, pp. 226–229 (in Russian).



8. Ryabova T. V., Khabibrakhmanova O. A. Advanced training of teachers of social and humanitarian disciplines at Kazan State Medical University. *Upravlenie ustoychivym razvitiem* [Management of Sustainable Development], 2023, no. 2 (45), pp. 102–106 (in Russian).
9. Zakieva R. R. Analysis of approaches to assessing the quality of the results of student training in the system of vocational education abroad. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 451–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-451-455>
10. Prishchepa T. A. The possibilities of contextual learning for the development of tasks in information and educational environments. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2016, no. 8 (173), pp. 74–78 (in Russian).
11. Alexandrova E. A. Formats of pedagogical support in the digital educational environment. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2022, no. 2, pp. 30–43 (in Russian). <https://doi.org/10.15293/1813-4718.2202.03>
12. Degil' I. M., Kostyukova T. A. Implementation of the constructivist approach to learning in the project “Francophone world” in the virtual learning environment MOODLE. *Luchshie praktiki e`lektronnoy obucheniya: materialy` II metodicheskoy konferentsii* [Best practices of e-learning: materials of the II methodological conference (Tomsk, 26–27 May 2016)]. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ., 2016, pp. 101–104 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 02.05.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 236–240

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 236–240

<https://phpp.sgu.ru>

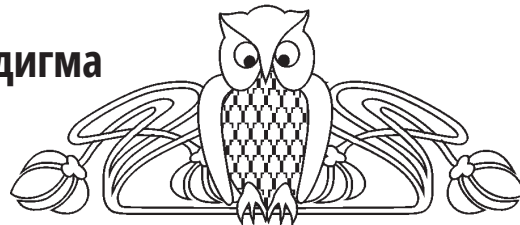
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-236-240>

EDN: XXXUSQ

Научная статья

УДК 373.5.015.3

Методы преодоления как новая парадигма процессов коррекции поведения и личных качеств школьников



О. Е. Савельева

Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Савельева Ольга Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, oe.savelyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6838-7198>

Аннотация. Введение. Многие образовательные системы признают важность развития у молодого поколения навыка бесконфликтной коммуникации, основанного на толерантности или умении принимать других, не осуждая. Статистика свидетельствует о наличии большого количества теоретических работ, посвященных формированию толерантности. Однако психологи фиксируют рост агрессии и конфликтности в российском обществе. Проблема, по мнению автора, не в содержательном компоненте формирования личности (поскольку он тщательно проработан и нравственно релевантен), а в применяемых школой методах. **Теоретический анализ.** Проводя компаративный анализ методов влияния на поведение школьников, автор отмечает односторонность тех, что применяются в России. Все они относятся к парадигме «воспитание». Между тем зарубежные школы для коррекции поведения применяют не только воспитательные методы, но и методы обучения, например, стратегиям совладания (дыхательным, медитативным и т.п.). **Заключение.** Обосновывается авторская мысль о том, что педагогическая парадигма формирования личности должна включать в себя не только методы воспитания, но и методы преодоления (например, стресс и другие негативные эмоции). Предлагается классификация методов преодоления на бихевиористские, аутотренинговые и коммуникационные на основе механизма и агента влияния.

Ключевые слова: нравственное воспитание, коупинговые стратегии, эмоциональное обучение, бесконфликтное общение, формирование толерантности

Для цитирования: Савельева О. Е. Методы преодоления как новая парадигма процессов коррекции поведения и личных качеств школьников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 236–240. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-236-240>, EDN: XXXUSQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Coping methods as a new paradigm for the processes of influencing the behavior and personal traits of schoolchildren

O. E. Saveleva

Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia

Olga E. Saveleva, oe.savelyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6838-7198>

Abstract. Introduction. Many educational systems recognize the importance of building a skill of conflict-free communication in the younger generation, which is based on tolerance or the ability to accept others without judging. Statistics indicate the presence of a large number of theoretical works on the development of conflict-free communication skills. However, psychologists record an increase in aggression and conflict in Russian society. According to the author, the problem is not in the content-related component of personality formation, but in the methods used in modern schools. **Theoretical analysis.** The comparative analysis of methods of molding the behavior of schoolchildren revealed the skewed nature of those ones that are used in Russian schools. All of them belong to the “character-building” paradigm. Meanwhile, foreign schools use not only character-building methods to correct behavior, but also teaching methods, for example, they teach coping strategies (breathing, meditative techniques, etc.). **Conclusion.** The author suggests that the general pedagogical paradigm of personality formation should include not only methods of character building, but also methods of coping (for example, with stress and other negative emotions). It is proposed to classify coping methods into behavioral, auto-training and communication-related ones based on the mechanism and agent of influence.

Keywords: character education, coping strategies, emotional learning, conflict-free communication, building tolerance

For citation: Saveleva O. E. Coping methods as a new paradigm for the processes of influencing the behavior and personal traits of schoolchildren. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 236–240 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-236-240>, EDN: XXXUSQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Введение

Разные образовательные системы по-разному определяют спектр личных качеств и умений, которые должны быть сформированы у современного образованного человека. Однако большинство интерпретаций содержательно-целевого аспекта формирования нравственного и успешного гражданина имеют много точек соприкосновения. Одна из них – признание важности развития у молодежи *способности бесконфликтно взаимодействовать с другими людьми*.

Бесконфликтная коммуникация как умение представляет собой целое поле для приложения педагогических усилий, поскольку его формирование подразумевает развитие многих личных качеств учащегося (эмоциональная отзывчивость, способность сопереживать, быть внимательным к действиям партнеров, предвидеть поведение другого человека, умение разрешать межличностные проблемы и т. п. [1, с. 144]). Одну из основ коммуникативных умений составляет умение принимать себя и других, не осуждая, как альтернативный термин для понятия о толерантности.

Вопрос о толерантности привлекает пристальное внимание педагогов и методистов. Согласно статистике электронной библиотеки *elibrary* на сентябрь 2023 г., 4222 научные статьи были посвящены теме «воспитание толерантности» и еще 778 статей отвечали запросу о «воспитании толерантного отношения». Такое большое количество теоретических изысканий, однако, не привело к логическому улучшению психологического климата и повышению уровня бесконфликтности российского общества. По оценке Института психологии РАН «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» [2]. Причины такого положения дел с большой долей вероятности кроются в применяемых методах и приемах, а не в содержательно-целевом аспекте формирования нравственной личности. *Цель статьи* в связи с этим изучить актуальные методы формирования у российских школьников толерантности и навыков бесконфликтной коммуникации, а также определить пути оптимизации и совершенствования таких методов для наиболее эффективного достижения личностных задач, декларируемых в нормативных документах. Методологической основой исследования послужили бихевиористские теории и теории о факторах развития личности, а также

следующие методы: компаративный анализ, изучение научно-методической литературы, воспитательных и обучающих программ коррекции поведения и личных качеств школьников.

Теоретический анализ

В нормативных документах методы, применяемые в российской школе для влияния на поведение и личные качества учащихся, представлены в парадигматическом поле «воспитание» и закреплены в программах *воспитания* той или иной школы, публикуемых на сайтах учреждений. Наиболее распространены дискуссии, групповая работа, побуждение соблюдать нормы поведения и общения, шефство над неуспевающими одноклассниками, в том числе с особыми образовательными потребностями, исследовательская деятельность в форме проектов, классные часы, участие в общешкольных делах и их анализ, организация полезных для личностного развития совместных дел, игры и тренинги на командообразование, внеучебные мероприятия, походы, экскурсии, празднования, классные вечера, разработка с учениками правил поведения, коррекция поведения обучающихся через беседы индивидуально или вместе с родителями и другими учащимися класса, ведение личных портфолио [3].

Перечисленные методы по большей части действительно носят воспитательный характер, т. е. направлены на *возращивание и формирование* (целевых качеств и умений, ценностей и т.п.). В американских школах в качестве аналога российских воспитательных программ используются программы социально-эмоционального обучения (*social and emotional learning, SEL*). Обзор ряда программ (“SEL Journeys”, “Lions Quest”, “Move This World”, “Caring School Community”, “Peekapak”, “Positive Action”, “Quaver Ready”, “Respectful Ways”, “Second Step”, “Soar with Wings”, “Wisdom”, “Inner Explorer”, “Playworks”, “The Responsive Classroom”, “CREATE”: CARE, CALM, “Habitudes” и “Centervention”) выявил широкое применение следующих методов: ритуалы встречи и прощания; танцы народов мира; песни и рифмовки воспитательного характера; система поощрений позитивных поступков и поведения; подделки и групповые проекты; дыхательные техники; аудиомедитации и аффирмации; организация игр на переменах; интерактивные методы обучения; разыгрывание роли Другого; видеоигра; речь учителя; использование эмоджи и подобных ярких образов; упражнения на эм-



патию и решение конфликтов; беседы; ведение журнала; письменные рассуждения; видеоролики об эмоциях с упражнениями; упражнения на осознанность; чтение поэзии с обсуждением; совместная разработка правил поведения; обучение оцениванию; саморефлексия; сторителлинг; мета-момент.

Примечательно, что в американской трактовке эти методы включены в парадигму не воспитания, а обучения (learning). В действительности далеко не все они направлены на «возвращение» или «формирование». Некоторые из них (например дыхательные техники) скорее имеют целью не воспитать, а обучить коупинговым приемам, тому, как справиться с внешними триггерами или преодолеть какие-либо негативные проявления своих эмоций.

Теория о факторах развития личности отмечает двойственность человеческой природы: она предопределена наследственными фактами и средой как биологическим фактором, но и вместе с тем влияние на нее оказывается со стороны среды как социального поля, со стороны воспитания, а также со стороны социального опыта человека. Воспитательный процесс может охватить влиянием лишь социальную сторону личности, тогда как психофизиологические факторы поведения индивида останутся неохваченными. Много в человеческом поведении подчинено спонтанным реакциям и неосознанным инстинктам. Доказательством этого служит исследование расистского поведения современных американских граждан. Испытуемые, несмотря на декларацию того, что они будут расстроены какими-либо проявлениями расизма, на самом деле не демонстрировали эмоциональный отклик, когда реально сталкивались с ними. «Даже люди, придерживающиеся эгалитарных убеждений, могут продолжать питать неосознанные негативные чувства по отношению к чернокожим... В то время как эгалитарные убеждения обычно лежат в основе взвешенных, обдуманых действий, в контексте более спонтанных реакций продолжают преобладать негативные чувства по отношению к чернокожим» [4, с. 2].

Это приводит к мысли о том, что рационально-когнитивных методов, апеллирующих к морали и ценностям, во многом недостаточно, особенно когда речь идет о коррекции и самокоррекции спонтанных поведенческих проявлений человека. В связи с процессом коррекции поведения и привычек целесообразно говорить не только о методах воспитания, парадигма которого унитарно занимает место в российских

нормативных образовательных документах, но и наряду с этим о методах преодоления. Тогда как воспитательные методы будут фокусироваться на формировании ценностей, постулировании норм и правил и опираться на рационально-когнитивный аспект и критическое мышление, методы преодоления будут учить справляться с негативным самоощущением, блокировать деструктивные поведенческие реакции и будут во многом опираться на бихевиористские приемы, а также на техники аутотренингового характера.

По механизму и агенту воздействия методов преодоления можно разделить на бихевиористские, аутотренинговые и коммуникационные.

В бихевиористские методы войдут те, которые опираются на классическое и оперантное обусловливание, понятия о научении, импринтинге и якорении. Цель таких методов – преломление деструктивных привычек и стереотипов поведения, а также выработка положительных поведенческих паттернов. В качестве примеров можно назвать следующие:

алгоритмизированное применение пословиц, рифмовок или речевок, посвященных целевым способам поведения (например, *кто добрый, кто гордый, кто мил, кто суров – любому на помощь прийти я готов*);

поведенческие ритуалы (например, ритуал встречи или прощания);

якорение положительных эмоциональных состояний с помощью эмоджи, ярких картинок или других сигналов;

сторителлинг (не в аналитическом аспекте как база для обсуждения поступков и рассуждений о ценностях, а в иллюстрационном, когда эмоциональная нагрузка истории настолько сильна, что ее достаточно лишь рассказать, не требуется дополнительной работы по извлечению из нее воспитательного потенциала);

видеоигры эмоционально-поведенческого характера (когда эффект достигается многократным повторением связки «триггер–поступок», например, когда персонажу угрожают опасность либо отверженность, либо неудача, единственным возможным вариантом действия в игре будет оказание ему помощи, а вариативность будет представлять способы ее оказания);

разыгрывание роли другого человека (по готовому эмоционально-поведенческому сценарию, что исключает принятие учеником когнитивно-ценностных решений и делает драматизацию импринтирующим методом);

бонусное поощрение проявлений целевых качеств и поступков.



Аутотренинговые методы представлены техниками медитативными, аффирмативными и дыхательными. Их задача – самостоятельное блокирование человеком своих негативных эмоций, произвольное переключение своего эмоционального фона, самовнушаемое приобретение желаемых качеств и состояний. Есть свидетельства психологов, касающиеся того, что, к примеру, медитации более эффективны в работе с подростками, чем рациональные методы: «По утверждению Джеймса Фокса, работа с их телами намного эффективнее, чем просто когнитивная работа» [5, с. 127]. Д. Д. Захаркин говорит о следующих преимуществах: «Возрастает сила воли, контроль эмоций, осознанность, духовный рост... Медитирующий человек перестает быть марионеткой импульсивных порывов, а берет любую ситуацию в свои руки» [6, с. 46].

Дыхательные техники тоже показывают положительные поведенческие результаты: глубокое дыхание создает расслабленное состояние, успокаивает, увеличивает поступление кислорода в мозг, мышцы и тело, что активизирует мышление, скорость реакции и способность принимать решения. Аффирмативные техники меняют шаблоны негативно-го мышления на позитивные. «В отличие от саногенного, патогенное мышление заложено в нас “от природы”, именно оно продуцирует постоянную критику к себе и окружающему, которая эмоционально воспринимается нами снова и снова» [7, с. 97]. Для преодоления негативного отношения к себе и другим человек должен выработать у себя навык позитивного взгляда на окружающий мир, чему и может поспособствовать практика аффирмаций. Зафиксировано положительное влияние аффирмаций на социальное поведение школьников: «Как показали Коэн и Шерман на примере учащихся старших классов, эффект социального психологического воздействия, такого как аффирмации, распространяется во времени: они улучшают поведение и социальные взаимодействия учащихся из групп риска, и этот эффект сохраняется годы спустя» [8, с. 114].

Третью группу методов преодоления составляют методы, связанные с целенаправленной организацией практики общения: интерактивные (парные или групповые) формы работы, шефство сильных учеников над неуспевающими, смешанные межэтнические классы, инклюзия. Многие из них применяются и в российской школе. Главная задача таких методов с точки

зрения преодоления – обеспечение среды для формирования положительных привычек поведения в условиях диверсифицированности партнеров (физиологической, культурной и т.п.).

Заключение

Педагогами накоплен большой теоретический материал в области формирования у молодого поколения толерантности и умения бесконфликтно взаимодействовать. Однако исследователи по-прежнему отмечают статистически высокий уровень агрессии и нетерпимости в российском обществе. Основную проблему предположительно представляет тот спектр методов, которые применяются сейчас в российской школе для коррекции и модулирования поведения учащихся. Все эти методы лежат в парадигматическом поле «воспитание», т. е. речь идет только о взращивании и культивировании (ценностей, норм, качеств и умений). Между тем есть ряд факторов поведения личности, которые требуют коррекционного влияния путем не культивирования ценностей, а обучения стратегиям совладания. Представляется целесообразным поменять парадигматическое поле современных российских образовательных документов, включив в него, помимо понятия о методах воспитания, еще и понятие о методах преодоления. Такие методы могут быть представлены тремя группами техник: бихевиористских, аутотренинговой и коммуникационных.

Статья носит дискуссионно-аналитический характер и может представлять интерес для педагогов, находящихся в поиске эффективных способов коррекции поведения и личностных качеств школьников, а также для дальнейших теоретических исследований в области нравственного и гражданского воспитания, формирования толерантности, эмоционального интеллекта и умения бесконфликтного общения.

Список литературы

1. Ульянчикова А. Е. Развитие гибких навыков (soft skills) у подростков в учреждениях дополнительного образования // Человек и общество: история и современность : межвузовский сборник научных трудов. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2023. Вып. 22. С. 141–150.
2. Владыкина Т. Психологи: Россияне стали злее, наглее и конфликтнее // Российская газета (Федеральный выпуск). 2013. 9 дек.
3. Бескровных А. Н. Рабочая программа воспитания в школе 2022. URL: <https://nsportal.ru/shkola/admin->



- istrivovanie-shkoly/library/2022/09/04/rabochaya-programma-vozpitaniiya-v-shkole (дата обращения: 15.08.2023).
4. Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J. F. Mispredicting Affective and Behavioral Responses to Racism // *Science*. 2009. Vol. 323, № 5911. P. 276–278. <https://doi.org/10.1126/science.1164951>
 5. Казакова Т. А. Медитативные практики как средство реабилитации осужденных: отечественный и зарубежный опыт // *Антропология*. 2022. № 3 (7). С. 123–133.
 6. Захаркин Д. Д. Медитативная техника как метод повышения психологической устойчивости и здоровья экстремальных психологов // *Психология обучения*. 2017. № 7. С. 45–51.
 7. Давудова З. С. Саногенное мышление как технология саморегуляции педагога: от аффирмации к педагогике ненасилия // *Учитель на все времена: материалы XXXII Всероссийской научно-практической конференции* (г. Санкт-Петербург, 11 апреля 2011 г.) / под ред. А. Г. Козлова, В. Г. Маралова, Р. Ш. Маликова. СПб.: НОУ «Экспресс», 2011. С. 96–100.
 8. Шелестюк Е. В., Галушчак М. В. Особенности аффирмаций как способа речевого воздействия // *Вестник Курганского государственного университета*. 2019. № 1 (52). С. 110–116.
 2. Vladykina T. Psikhologi: Rossiyanе stali zlee, naglee i konfliktnee (Psychologists: Russians have become angrier, bolder and more conflicted). *Rossiyskaya gazeta (Federal'nyy vypusk)*. 2013. December 9 (in Russian).
 3. Beskrovnykh A. N. *Rabochaya programma vozpitaniiya v shkole 2022* (Work program of character education in school 2022). Available at: <https://nsportal.ru/shkola/administrivovanie-shkoly/library/2022/09/04/rabochaya-programma-vozpitaniiya-v-shkole> (accessed August 15, 2023) (in Russian).
 4. Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J. F. Mispredicting Affective and Behavioral Responses to Racism. *Science*, 2009, vol. 323, no. 5911, pp. 276–278. <https://doi.org/10.1126/science.1164951>
 5. Kazakova T. A. Meditative practices as a means of rehabilitation of convicts: Domestic and foreign experience. *Antropogogika*, 2022, no. 3 (7), pp. 123–133 (in Russian).
 6. Zakharkin D. D. Meditative technique as a method of increasing psychological stability and health of extreme psychologists. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of Education], 2017, no. 7, pp. 45–51 (in Russian).
 7. Davudova Z. S. Sanogenic thinking as a method of educator's self-regulation: From affirmation to pedagogy of nonviolence. *Uchitel' na vse vremena: materialy XXXII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kozlov A. G., Maralov V. G., Malikov R. Sh., eds. Teacher for all times. Proceedings of the XXXII All-Russia Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 11, 2011)]. St. Petersburg, NOU Express Publ., 2011, pp. 96–100 (in Russian).
 8. Shelestyuk E. V., Galushchak M. V. Features of affirmations as a method of verbal exposure. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Kurgan State University], 2019, no. 1 (52), pp. 110–116 (in Russian).

References

1. Ulyanchikova A. E. Development of soft skills in adolescents in supplementary education institutions. In: *Chelovek i obshchestvo: istoriya i sovremennost': mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Man and society: History and modernity: interuniversity collection of scientific papers]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2023, pp. 141–150 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 17.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 02.05.2024

ISSN 1819-7671



24002

9 771819 767101

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024.
Том 24, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

